

Э. В. Старостенко

**ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2020

*Деривативное электронное издание
на основе печатного издания:*

Э. В. Старостенко
Православное военное духовенство
на территории Беларуси в годы Первой мировой войны
Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 200 с.

ISBN 978-985-568-631-7

В монографии представлен анализ деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны в пределах территории Беларуси. Уделено внимание структуре ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства в исследуемый период, рассмотрены основные пути поступления духовенства православных епархий, расположенных на территории Беларуси, на службу в действующую российскую армию. На основе значительного объема источников, на примере Западного фронта проанализированы основные направления деятельности православных военных священников в годы Первой мировой войны.

Издание предназначается специалистам в области отечественной истории, религиоведения, истории религии; обществоведам, преподавателям и студентам учреждений высшего образования.

УДК 94(476)“1914/1918
ББК 63.3(4Бел)5

Старостенко, Э. В. Православное военное духовенство на территории Беларуси в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] : монография / Э. В. Старостенко. – Электрон. данные. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-R); 12 см. – Сист. требования: Pentium II 300, 64 Mb RAM, свободное место на диске 16 Mb, Windows 98 и выше, Adobe Acrobat Reader, CD-Rom, мышь. – Загл. с экрана. – 2 экз.

212022, г. Могилев
ул. Космонавтов, 1
тел.: 8-0222-28-31-51
e-mail: alexpzn@mail.ru
<http://www.msu.by>

© Старостенко Э. В., 2020
© МГУ имени А. А. Кулешова, 2020
© МГУ имени А. А. Кулешова,
электронное издание, 2020

ISBN 978-985-568-650-8

ВВЕДЕНИЕ

В рядах армии Российской империи наиболее популярным был лозунг «За Веру, Царя и Отечество», который достаточно полно отражал систему ценностей, прививаемую офицерам и солдатам. Стоящее первым в этом девизе слово «вера» свидетельствовало о значительности идеологической и воспитательной роли, которая отводилась религии в военной среде, как и в российском обществе в целом. Ее исполнение было возложено на православных священников, удовлетворяющих религиозные нужды армии.

Институт православного военного духовенства в Российской империи получил официальное оформление в 1797 г., в годы правления Павла I, когда вводится должность обер-священника армии и флота. В 1890 г. со вступления в силу «Положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств» начинается «протопресвитерский» период в истории военного духовенства. На него пришлось важнейшие события в истории Российской империи: русско-японская война 1904–1905 гг., революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, революционные события 1917 г. Каждое из них оказало огромное влияние на российскую армию. Чтобы быть готовым к вызовам времени, институт православного военного духовенства находился в постоянном развитии и модернизировался. Совершенствовалась и его деятельность.

Служба православного военного духовенства в годы Первой мировой войны представляет особый интерес. Проблема является одной из наиболее актуальных в истории военного духовенства, так как она охватывает его деятельность в условиях военного и революционного времени в последние годы существования имперской России.

Актуальность темы исследования обуславливается двумя основными причинами. Во-первых, в современной исторической науке наблюдается рост интереса к истории Первой мировой войны. Ранее эта война широко и досконально не изучалась. Это можно объяснить тем, что долгое время в советской историографии она воспринималась в качестве контекста, на фоне которого развернулись революционные события 1917 г., а также тем, что более важной для истории считалась Великая Отечественная война, нежели Первая мировая, в которой участвовала «империалистическая» Россия. Во-вторых, в рамках современного «религиозно-церковного ренессанса» возрастает интерес к истории религии в государствах, возникших на постсоветском пространстве. В силу активизации сотрудничества между государством и православной церковью значимость истории религии возрастает, увеличивается число исследований и публикаций, посвященных истории конфессий, государственно-конфессиональным отношениям.

Помимо названных причин, актуальность темы также обусловлена недостаточной изученностью данной проблемы. По настоящее время в современной отечественной историографии нет специальных трудов, посвященных деятель-

ности военного духовенства в годы Первой мировой войны на территории Беларуси.

Ввиду этого изучение деятельности военного духовенства в годы Первой мировой войны на территории Беларуси представляет несомненный интерес, так как позволит установить особенности структуры ведомства военного духовенства, пополнения его рядов за счет мобилизации духовенства белорусских земель, исследовать специфику и содержание его деятельности в войсках, выявить ее особенности, а также определить роль священников в армии в последние годы существования Российской империи.

Хронологические рамки исследования охватывают весь период существования ведомства протопресвитера военного и морского духовенства в годы Первой мировой войны. Выбор нижней временной границы – 19 июля (по юлианскому календарю) / 1 августа 1914 г. (по григорианскому календарю) – определяется объявлением Германией войны Российской империи. Верхняя граница – конец 1918 г. – установлена по времени упразднения ведомства военно-морского духовенства и завершения его дел. В тексте даны оригинальные датировки документов.

Географические рамки исследования ограничены территорией Беларуси. Рассмотрение деятельности православного военного духовенства в этих границах обусловлено размещением здесь Ставки Верховного Главнокомандующего и полевой канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства, а также преобладанием православия в конфессиональной структуре региона. Кроме того, на этой территории преимущественно находилось военное духовенство Западного фронта, на исследование деятельности которого сделан упор в монографии. Также исследуется служба священников частей и учреждений, временно дислоцировавшихся на территории Беларуси. Деятельность православного военного духовенства на западе белорусских земель рассматривается до отступления российских войск и установления линии фронта Двинск–Сморгонь–Барановичи–Пинск. На неоккупированной территории исследуется деятельность военных священников как непосредственно на театре боевых действий, так и в тылу.

Научная новизна заключается во всестороннем, целостном изучении деятельности православного военного духовенства на территории Беларуси в годы Первой мировой войны. На основе большого объема архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, была осуществлена полная реконструкция структуры ведомства протопресвитера в исследуемый период времени, рассмотрены функции всех ее элементов, в том числе не исследованных ранее. В исследовании раскрыты особенности проведения мобилизации епархиального духовенства белорусских земель в действующую армию, проведен анализ количества священников в целом и на территории Беларуси в частности. Представлена авторская классификация рядового военного духовенства. В работе обозначены основные направления деятельности православного

военного духовенства в годы Первой мировой войны, каждое из которых исследовано на материалах Беларуси. Важной особенностью работы является определение принципиальных различий в службе военных священников до февраля 1917 г. и после него. Обработка значительного фактологического материала позволила объяснить, как складывались отношения между священнослужителями и военнослужащими в годы войны, выявить причины снижения авторитета священников в армии и дать оценку их деятельности.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Историография

До недавнего времени исследователи не уделяли институту военного духовенства достаточного внимания. Однако в настоящее время можно говорить о росте числа публикаций, посвященных разным вехам его истории. Среди них и работы, посвященные военному духовенству в начале XX века. В целом среди исследователей истории православного военного духовенства можно выделить профессиональных историков, военных, священников и лиц, связанных с религиозными институтами, а также советских публицистов (чьи работы написаны в советское время с марксистских позиций).

Со стороны научного сообщества (университетского и академического) внимание институту православного военного духовенства долгое время не уделялось. В советское время вышел ряд трудов, которые косвенно затрагивали эту проблему. Например, исследование известного белорусского социолога С.Я. Вольфсона «Сучасная рэлігійнасьць (паводле матэр'ялаў дасьледваньня ў БССР)» (1930) [51]. Она основана на анкетировании населения по вопросам отношения к религии. Утверждение автора, что Первая мировая война «з'явілася фактарам разрыву з рэлігіяй для шмат каго з веруючых», подкреплено анкетными данными и частными примерами, собранными в БССР в 1929 и 1930 гг. Хотя в работе и не рассматривается деятельность военных священников, она дает сведения о причинах изменения отношения к ним солдат.

Уделил внимание проблеме М.С. Корзун. В работе «Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов» (1984) [142] он подробно рассмотрел историю церкви в годы Первой мировой войны, в том числе на примере военного духовенства. Полезен материал, который приводит М.С. Корзун об отношениях между солдатами и священниками на фронтах в первые месяцы после Февральской революции. В работе использованы источники, позволившие сформировать представление о влиянии войны на религиозность российского общества и армии.

С 90-х гг. XX в. среди исследователей наблюдается рост интереса к истории религии и армии. Появляются работы, критически и разно-сторонне рассматривающие деятельность военных священников в годы Первой мировой войны. Такое внимание во многом обусловлено «ре-

лигиозно-церковным ренессансом», начавшемся в 1990-х гг. на постсоветском пространстве [372, с. 173]. Его важной составляющей является активизация сотрудничества между православной церковью и государством в разных сферах жизни общества, в том числе сфере военной. В условиях активизации взаимодействия церкви и армии возрастал интерес к истории института военного духовенства.

Начало исследования историками службы православного военного духовенства в годы Первой мировой войны было положено А.С. Сениным. В статье «Армейское духовенство в России в Первую мировую войну» (1990) [352] автор описал управление военным духовенством в военное время (не касаясь особенностей организации и обязанностей), рассмотрел его воспитательную работу. Историк дал краткие сведения о работе Всероссийских съездов военного духовенства. Обширно сформулированная тема статьи оставила многие аспекты в организации деятельности военного духовенства не раскрытыми. Однако она положила начало появлению других работ, посвященных военному духовенству в годы Первой мировой войны.

Удачная попытка описания деятельности военного духовенства была предпринята в диссертации В.Р. Давлетшина: он рассмотрел деятельность священников по морально-психологическому обеспечению охраны государственной границы до начала Первой мировой войны. Интерес представляет его вариант классификации деятельности военного духовенства к началу XX в.: священнослужение, духовно-просветительская деятельность, религиозно-нравственное воспитание и нравственное руководство прихожанами в духовной жизни [69; 70].

Институту военного духовенства посвящены некоторые работы российского историка С.Л. Фирсова. Он осуществил один из первых в историографии сравнительно-исторических обзоров деятельности протопресвитеров русской армии и флота [414]. Также в его статьях рассматривается работа Первого Всероссийского съезда военного духовенства, материальное обеспечение военных священников [412; 413]. Авторству С.Л. Фирсова принадлежат объемные работы по истории православной церкви в конце XIX – начале XX в., в которых приводятся сведения о ведомстве протопресвитера [415; 416].

Проблеме отношения православного духовенства к свержению монархии и новой власти посвящены исследования М.А. Бабкина. Они содержат большое число новых документов, а также их анализ [4–10]. Например, материалы братских собраний духовенства, которые позволяют

сформировать представление об отношении православного духовенства к революционным событиям 1917 г. Упоминания о военном духовенстве носят фрагментарный характер.

Полезными при изучении истории военного духовенства в начале XX века являются труды историка К.Г. Капкова. Его авторству принадлежит «Памятная книга военного и морского духовенства», которая представляет собой базу данных о военных соборах и церквях на 1914 г., а также списки убитых и раненых, попавших в плен православных военных священников [133]. Важным является труд «Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX веков: Итоги к 1917 г.» [132]. В очерках уделено внимание штатам православного и иноверного военного духовенства, вопросам образования, материального обеспечения, наград, одежды. В работах деятельность духовенства в основном представлена материалами о подвигах и наградах военных священников. Дан перечень основных архивных фондов по истории военного духовенства.

Непосредственно изучению историографии истории военного духовенства в России посвящена докторская диссертация М.И. Ивашко, которая в последующем была опубликована в виде монографии [116; 117; 118]. Она является единственным крупным историографическим исследованием процесса создания и становления института военного духовенства в Российской империи, однако верхняя граница исследования не захватывает изучение периода Первой мировой войны. Историография истории института военного духовенства представлена в публикациях и других авторов [10; 13; 102; 170].

Отдельным аспектам службы православного военного духовенства посвящены работы А.П. Абрамова, А.П. Белякова, Е.Д. Борщукковой, В. Вяткина, С.Н. Емельянова, Е.В. Исаковой, К.А. Пахалюка [1; 19; 20; 26; 27; 61; 99; 119–121; 255].

Белорусскими исследователями до недавнего времени практически не уделялось внимания деятельности православного военного духовенства. Активизацию интереса можно связать с изменениями в конфессиональной политике государства. Принятый в 2002 г. Закон «О свободе совести и религиозных организациях» провозгласил в качестве одной из традиционных религий православие. В 2003 г. между БПЦ и государством было подписано Соглашение о сотрудничестве. Одним из векторов сотрудничества стало взаимодействие с Вооруженными Силами Республики Беларусь. 12 марта 2004 г. было подписано Соглашение о

сотрудничестве Белорусской православной церкви и Министерства обороны Республики Беларусь [362]. Под влиянием этих изменений растет интерес к проблеме взаимодействия армии и церкви.

Роли православной церкви в начале XX в. уделено внимание в обобщающих работах по конфессиональной истории Беларуси. Это коллективный труд «Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.)» (авторы В. Григорьева, В. Завальнюк, В. Новицкий и А. Филатова), «Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVII – пачатак XX ст.)» (под редакцией В.В. Яновской), «Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи» (автор А.Ю. Бендин), «Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории» (автор В.В. Старостенко) и другие [21; 129; 130; 370–373]. Они позволяют установить роль православной церкви в начале XX в., особенности конфессиональной ситуации в белорусских губерниях в начале XX в., специфику государственно-конфессиональных отношений, выявить отличия этого региона от других частей Российской империи.

Заслуживает внимания работа В.Н. Черепицы «Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности» (2006 г.) [426]. Работа написана с опорой на документы белорусских архивов. Излагая хронику церковной жизни Гродно, основное внимание автор уделяет местному духовенству, однако встречаются сведения о военных священниках. Так, автор описывает визиты Г.И. Шавельского в Гродно, приводит ценные данные о количестве священников-беженцев, устроившихся на службу в армию [137; 426, с. 105–106]. В целом, исследование позволило сформировать представление об участии в конфессиональной жизни Гродно военного духовенства.

В числе белорусских авторов, затрагивающих проблему деятельности военного духовенства, следует также назвать Ю.В. Дмитриюка, С.А. Манилкину, Л. Михайлик, О.А. Родионову, И. Саблина, С.В. Силу, А.Г. Яцкевича, в работах которых в основном внимание уделяется структуре ведомства в соответствии с «Положением» 1890 г., основным функциям священников без указания особенностей их осуществления в годы войны [95; 176; 182; 329–332; 340; 355; 442]. Вопросы состава и комплектования военного духовенства различных вероисповеданий в годы Первой мировой войны поднимаются в работах А.В. Кашеева [136; 137].

Исследуемая проблема рассматривалась украинскими авторами. Среди них следует выделить историка С.В. Малышко. Изучению деятельности военного духовенства в годы Первой мировой войны на территории Украины посвящены его диссертация и статьи [166–174]. Автор одним из первых уделит внимание проблеме комплектации духовенства из числа епархиальных священников. В диссертации сделан упор на духовенство Юго-Западного фронта, полезны выводы исследователя о политике, проводимой Г.И. Шавельским на должности протопресвитера, а также рассуждения о некоторых аспектах службы священнослужителей в армии.

История православного военного духовенства в годы Первой мировой войны рассматривается и в статьях других украинских авторов, например историка Т.Н. Евсеевой. Она исследовала такие аспекты, как отношения армейского духовенства на Украине с властью в 1917 г., положение служивших на территории Украины священников после ликвидации ведомства протопресвитера [102; 103; 104]. Внимания заслуживают публикации А. Лозинского и В. Михалевича, в которых приводятся общие сведения по истории православного военного духовенства, данные о священниках Юго-Западного фронта [163; 164; 181].

Говоря об исторических исследованиях, следует также обратиться к литературе по военной истории и трудам, посвященным революционным событиям 1917 г. на территории Беларуси [11; 12; 17; 25; 108; 109; 135; 143; 157; 160–162; 179; 180; 336; 356–359; 417]. Так, фундаментальные работы А.М. Зайончковского, К.А. Залесского помогли восстановить хронологию боевых действий на Западном фронте. Труды М.М. Смольянинова важны при рассмотрении вопросов морального духа и настроений армий Западного фронта в военное время [358]. Изучение современных оценок революционных событий 1917 г. на территории Беларуси также представляет важность при формировании представления о контексте, в рамках которого осуществлялась служба священников на территории Беларуси.

Внимание к истории взаимодействия православной церкви и армии неоднократно уделяли военные. Первые работы появляются в начале 90-х гг. XX в. Для военных интерес к проблеме был вызван отходом от господствующей пропаганды коммунистических идей и необходимостью ее замены новыми составляющими моральной основы военной службы. Такая замена была найдена в результате поворота к опыту Российской империи и духовно-нравственной деятельности духовенства в

армии того времени [186, с. 66]. В числе первых можно назвать капитана 1-го ранга В.С. Новикова [186; 187]. В его статьях бегло описана история взаимодействия церкви и армии. Автор положительно оценивает деятельность военного духовенства, в качестве подтверждения указывает на количество полученных пастырями наград. Такая оценка неубедительна, так как автор не приводит конкретных данных об осуществлении деятельности, а также игнорирует реальное отношение солдат к военному духовенству.

В статьях подполковника В. Галайко было заявлено рассмотрение опыта службы православных военных священников в армии, но основу работ составили обширные цитаты из воспоминаний протопресвитера [62; 63]. К проблеме обращались и другие лица, имеющие воинское звание, например, подполковник Е. Барабанов, полковник Н. Ключарев, полковник В. Рогоза, капитан В. Сергеев, подполковник С. Чиненный [14; 138; 328; 353; 430]. В этих работах проблема рассматривается в контексте исторического опыта нравственно-патриотического воспитания военных и его использования в современной армии.

Комплексное исследование взаимодействия православной церкви и вооруженных сил России сделано в работе подполковника С.Ю. Чимарова, доктора исторических наук [429]. Он использовал большой объем архивных документов, часть из которых помещена в приложении, а также мемуары и периодические издания. Главный акцент сделан на изучение опыта формирования системы религиозно-нравственного воспитания в российской армии [429, с. 7]. Учитывая большие хронологические рамки исследования, истории православного военного духовенства в годы Первой мировой войны посвящена небольшая часть работы, где основное внимание уделено событиям накануне войны, а также подвигам военных священников в военное время.

Большая работа была проделана подполковником запаса В.М. Котковым. В 2004 г. свет увидел двухтомник «Военное духовенство России: страницы истории» [152; 153]. В книге впервые была предпринята попытка изложить всю историю военного духовенства в России. В исследовании в большом объеме использованы архивные материалы, на основании которых автор старался раскрыть историю возникновения и развития института военного духовенства. Большое внимание уделяется историографии и источниковой базе, деятельности протопресвитеров, рассматривается участие священников в войнах. Были исследованы взгляды Г.И. Шавельского на службу, его деятельность на должности протопресвитера в годы войны.

Начиная с 90-х гг. появляются исследования, осуществленные священнослужителями, преподавателями духовных учебных заведений, а также лицами, имеющими степень богослова. Публикация их работ часто осуществляется в специальных изданиях (например, «журнал Московской патриархии»), на Интернет-ресурсах РПЦ. В числе священников, исследующих историю православного военного духовенства, можно назвать Д.В. Акимова, И. Боярского, К. Горянова, Л. Маркова, Д. Полохова, Г. Полякова [3; 28; 29; 66; 177; 292; 293; 294]. В трудах священников деятельность военного духовенства показывается в основном с положительной стороны: превозносятся подвиги священников на ратном поле, а недостатки их служения замалчиваются. Такие работы тенденциозны, им не хватает критического подхода, часто они написаны на слабой источниковой базе, без привлечения новых документов. Так, объемный труд «Военное духовенство России» протоиерея Г. Полякова носит, скорее, описательный характер, содержит ранее опубликованные материалы или обширные цитаты источников. В главах, посвященных Первой мировой войне, помещены выдержки из «Морского устава» 1914 г., короткая справка о Первом Всероссийском съезде военного и морского духовенства и отрывки из воспоминаний протопресвитера Г.И. Шавельского. Собственно исследовательской работы по обозначенному периоду автором не осуществлено.

Однако есть труды, которые характеризуются аналитическим подходом к изложению материала. Среди них – публикации А.А. Кострюкова, преподавателя ПСТГУ (доктор исторических наук) [144–151]. Автор подкрепляет свои исследования большим объемом новых архивных материалов и данных периодической печати. Например, в статье «Военное духовенство и развал армии в 1917 г.» [144] А.А. Кострюков анализирует деятельность военного духовенства, направленную против разложения армии, и объясняет, почему оно не справилось с ней. По его мнению, причина неудачи кроется в системе, частью которой были военные священники, в отсутствии поддержки со стороны офицеров, ограничении свободы действий, неграмотности части духовенства, нехватке священников для религиозного обслуживания армии. С такими выводами можно согласиться, за исключением утверждения о нехватке священников (эта проблема в историографии, по нашему мнению, несколько преувеличена).

Выделение советских публицистов в отдельную группу исследователей кажется необходимым по причине того, что в советское время основной пласт работ, где затрагивалась проблема служения священ-

ников в армии, принадлежит их авторству. В большинстве они не были ни историками, ни военными, и тем более священниками. Их работы не представляют собой строгие, подлинно научные труды. Они направлены в помощь лекторам для ознакомления широкой публики с проблемой. Это были лекции, брошюры, методические рекомендации. Написанные простым языком, без строгой терминологии, доказательных примеров, главной своей целью они имели убедить общество в негативной роли православной церкви в истории [118, с. 9]. Военный священник в годы Первой мировой войны показан в них как пропагандист, защитник монархии, эксплуататорских классов, лицо, сдерживающее революционные настроения в армии.

Одной из первых была издана работа Ф. Ковалева «Православие на службе самодержавия в России» (1930) [140]. Анализируя службу духовенства в армии в разное время, автор делает выводы о том, что военные священники играли огромную роль в политическом воспитании армии, поощряли жертвы, называя начало войны не горестным, а радостным днем. Автор критиковал распространение листовок, плакатов, чудодейственных икон, историй о божественной помощи воинам.

Интерес представляет брошюра И. Элиашевич и Н. Бойцова «Религия и война» (1930) [440]. В ней основное внимание уделено критике оправдания религией военных конфликтов. Авторы обвиняют церковь в сокрытии истинных причин войны, резко критикуют представление войны как «богоугодного» дела. Можно согласиться с утверждением, что созданный аппарат военного духовенства в российской армии был призван поддерживать дух военнослужащих. При этом авторы пренебрежительно отзываются о проводимой работе духовенства, упрощают ее содержание, сводя его к «фабрикациям рассказов о специальных чудесах» и внушению идеи смерти во славу Божью [440, с. 26]. Работа не содержит ссылок на источники.

Проблеме взаимоотношений церкви и армии в дореволюционный период посвящена работа И. Эльвина «Церковь и война» (1934) [441]. В ней обзорно рассматривается служба священников в армиях стран-участниц этой войны, содержатся данные об их количестве. Автор справедливо подмечает сходство в работе священников разных армий. При этом все направления деятельности рассматриваются в контексте идеологической работы, в то время как богослужebная составляющая службы не раскрыта. Выглядит необоснованно утверждение, что ведомство протопресвитера военного и морского духовенства было осведомлено

о войне и готовилось к ней. Деятельность военного духовенства автор оценивает очень невысоко, называя ее «омерзительным поповским фарсом» [441, с. 39].

Работы В. Василенко [45; 46], помимо традиционной антицерковной направленности (использование характерных для такой литературы слов «попы», «поповские бредни», «военно-поповская организация»), содержат ряд интересных, не использованных в других трудах материалов. Автор обзорно рассмотрел деятельность военного духовенства в армии в годы Первой мировой войны. Он цитирует многие директивы и приказы по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства, но ссылок на источники не дает.

В брошюре «Защита Родины и религии» Д.И. Сидорова (1963) [354] рассматривается отношение Церкви к вопросу защиты Родины, несостоятельность духовенства в годы военных конфликтов, Октябрьской революции. Упрощенно автор дает структуру ведомства военноморского духовенства, ошибочные сведения о количестве пастырей, их денщиков, лошадей [354, с. 52, 58]. В тексте приводятся отрывки из документов, количественные данные, однако ссылки на источники не указаны. Схожее содержание имеют работы Н.Ф. Платонова, Г.А. Суглобова, Н.В. Федоровича [266; 396; 409]. Прослеживается преемственность с публикациями довоенного времени, в частности, повторение уже опубликованного ранее материала.

Но помимо брошюр и кратких экскурсов, увидели свет работы, имеющие более высокий уровень подготовки. Среди них научно-популярные труды Б. Кандидова [126; 127; 128]. Их основное отличие – использование большого числа источников, в том числе архивных, а также иллюстративного материала. При этом сохраняется характерный для советского периода подход к интерпретации источников: автор критикует все направления деятельности военных священников, подчеркивает их промонархическую и милитаристскую ориентацию.

Таким образом, изучение института православного военного духовенства проводилось специалистами из разных областей. Со стороны историков наблюдается стремление критично рассмотреть разные аспекты истории военного духовенства. С каждым годом ими вводятся в оборот неопубликованные источники, раскрываются неизвестные страницы истории. Авторами из военной среды подготовлены как описательные работы, так и серьезные издания, основанные на архивных источниках и современных достижениях историографии, которые

предназначены для привлечения внимания к опыту патриотического и нравственного воспитания в прошлом. Работы священников и лиц, связанных с религиозными организациями, в большинстве рассматривают деятельность в положительном ключе, при этом опираются на уже ранее опубликованный материал. Исключения составляют лишь отдельные исследования. Анализ историографии позволяет констатировать, что, несмотря на обращение историков к проблеме структуры и функций военного духовенства, до сих пор не удалось решить ее полностью. К изучению деятельности военного духовенства также нет целенаправленного отношения, в большинстве своем авторы посвящают работы Г.И. Шавельскому, а службу православного военного духовенства рассматривают на небольшом круге источников. Таким вопросам, как особенности богослужений в разных условиях боевых действий, участие в судьбе братских кладбищ, создание церковных библиотек и приобретение литературы, ряд аспектов проповеднической работы внимания не уделено.

Источники

В исследуемый период основной источниковой базы исследования выступает вся совокупность документов, так или иначе затрагивающая историю военно-церковных отношений в целом и ведомства военно-морского духовенства в частности. В первую очередь речь идет о законодательных актах, официальных документах и материалах делопроизводства (преимущественно архивных документах), источниках личного происхождения, периодической печати.

Важнейшей составляющей источниковой базы являются законодательные акты. Их анализ позволяет проследить основные тенденции развития взаимоотношений между государством и церковью, армией и военным духовенством. Источники законодательного характера можно условно разделить на официальные решения государственных, военных и церковных органов управления. Под государственными следует понимать все законы, указы, постановления, положения, изданные действующим правительством. Так как в данной теме исследуется военное духовенство, то целесообразно отдельно выделять документы, издаваемые по линии Военного министерства. Под церковными же подразумеваются все официальные документы руководящих органов православной церкви и ведомства военного и морского духовенства.

Развитие института военного духовенства в законодательных актах можно проследить по опубликованным документам и справочным изданиям. Наиболее важные документы, затрагивающие основные принципы функционирования ведомства военного и морского духовенства, были опубликованы в сборниках законодательных актов. Основным для нас является Полное собрание законов Российской империи, а именно собрание третье, включающее в себя документы периода 1881–1913 гг. В нем было помещено «Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств» (1890 г.), которое определило структуру и функции ведомства военного и морского духовенства такими, какими они были в период 1914–1918 гг. [291]. Помимо ПСЗРИ, важным источником выступает Свод Законов Российской империи [348]. В Своде помещены действующие документы, законодательно регламентирующие правовое регулирование деятельности военного духовенства православной церкви.

Одним из источников документов также выступает «Сборник указов и постановлений Временного правительства» [342; 343], который затрагивает общие вопросы взаимоотношений между новой властью и церковью. Документы, имеющие отношение к православному военному духовенству периода существования ведомства при советской власти опубликованы в «Собрании узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.» [361]. В частности, в нем помещен декрет от 16 января 1918 г. № 39, в соответствии с которым ведомство протопресвитера было ликвидировано [361, с. 260].

Военное духовенство имело двойное подчинение: оно находилось в ведении как церковной власти, так и военного командования. Поэтому неотъемлемым источником выступают официальные документы по военному ведомству. Так, в качестве источника может использоваться Свод военных постановлений 1869 г. Он является основным нормативно-правовым сборником военного законодательства Российской империи. В первую очередь ценность представляют книги 1, 7 и 19, в которых рассматривались: вопросы духовно-нравственного воспитания военнослужащих; обязанности полковых священников (7-я книга 1869 г., издание 2-е); помещено Положение о ведомстве при протопресвитере военного и морского духовенства (1-я книга 1869 г., издание 3-е); положения о материальном обеспечении военных священников (кн. 19) [345; 346; 347]. Безусловное значение для изучения деятельности военного духовенства в армии в годы войны представляют приказы по военному

ведомству, приказы главнокомандующего армии, начальников военных и гражданских управлений, а также переписки с различными обществами [304; 305].

Деятельность военного духовенства регламентировалась также такими важными документами, как «Устав внутренней службы» и «Положение о полевом управлении войск в военное время». Первый применялся как в мирное, так и в военное время. В рамках рассматриваемого периода действовал «Устав» от 23 марта 1910 г. (в работе использовался документ в редакции 1916 г.) [407]. В нем прописан порядок участия военнослужащих в культовой деятельности, регламент проведения богослужений и погребений в армии, обязанности командования по организации работы священника. «Положение о полевом управлении войск в военное время» [288; 289] было принято незадолго до начала войны и содержало основные обязанности военных священников, утверждало должности военного времени.

Среди нормативных актов по линии церкви необходимо выделить распоряжения и указы Синода, ежегодные «Всепогоднейшие отчеты» обер-прокурора Синода, решения Поместного Собора и официальные постановления и решения, принимаемые ведомством военного и морского духовенства [55; 125; 247; 287; 339; 360]. С указами Синода рассматриваемого периода можно ознакомиться как в фондах архивов, так и в церковной периодической печати. Кроме того, наиболее важные из них в период войны были опубликованы в отдельных трудах. Например, сборник «Отечественная церковь и война» 1916 г. содержит главные распоряжения Синода по случаю войны, информацию о благотворительной деятельности консисторий и учебных заведений, помощи воинам и их семьям [247]. В очерке С.Г. Рункевича «Великая отечественная война и церковная жизнь: распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг.» помещен обзор опубликованных определений Синода по вопросам войны [339]. В отчетах обер-прокуроров Синода помещались сведения о его деятельности, состоянии монастырей и духовных учебных заведений, бюджете, статистические данные о епархиальном духовенстве [55].

Значительную группу источников составляют документы по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства. В частности, речь идет о «Руководственных указаниях духовенству действующей армии» [337], а также циркулярах и распоряжениях протопресвитера и Духовного правления. Если «Руководственные указания» были

изданы и претерпели несколько редакций, то большая часть циркуляров и распоряжений не опубликована, находится в архивах, в «Вестнике военного и морского духовенства» [245; 246; 248; 290; 310; 321; 322; 323].

В качестве важнейшего источника по военным церквам следует рассматривать работу священника Г. Цитовича «Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание» (1913) [423]. Данная книга является фундаментальным справочником, содержащим историко-статистические описания храмов армии и флота. Эта работа была написана при использовании неопубликованных ранее документов, официальных хроник полков, энциклопедий, а также материалов, собранных при помощи военного духовенства. В труде перечисляются неподвижные храмы военных округов империи, дано описание церквей, находящихся на территории Беларуси.

Высокой информативностью характеризуются документы делопроизводства ведомства протопресвитера военного и морского духовенства, а также епархий и военных округов. В основном они хранятся в архивах Российской Федерации: в РГИА, РГВИА и ГАРФе.

Основной объем документов по истории института военного духовенства в Российской империи находится в РГИА, в частности, в фонде 806, охватывающем период с 1795 по 1919 г. По истории военного духовенства в годы Первой мировой войны особый интерес представляют описи 5, 15, 16, 17, 18, 19. Наибольшее число документов, в которых представлена деятельность военного духовенства на территории Беларуси, было выявлено в описи 5: в ней собраны циркуляры и распоряжения протопресвитера, внутренняя (между протопресвитером и главными священниками, полевой канцелярией и подведомственным духовенством и прочее) и внешняя (со штабом главнокомандующего, управлением дежурного генерала штаба, различными организациями и обществами) переписка по ведомству, разъяснения Духовного правления, бумаги главного священника армий Северо-Западного, а позже Западного фронта, документы по мобилизации, о назначении, перемещении, увольнении, отпусках священников, списки священников, бумаги об их награждении за службу и наказании за проступки и небрежное отношение к работе [33–35; 71–73; 82; 83; 89; 90; 98; 107; 110; 141; 185; 189; 192; 193; 196; 197–202; 204; 205; 208; 212; 213; 218; 219; 222; 231–234; 260; 261; 263; 264; 268; 270–286; 300; 303; 309; 313; 315–320; 324–326; 338; 351; 366–368; 402–406; 422]. Что немаловажно, в делах

описи хранятся годовые отчеты о пастырской деятельности духовенства, благодаря которым исследователю удалось составить представление о культовой и внекультовой деятельности священников армии на территории Беларуси, выявить, в каких условиях она осуществлялась и с какими проблемами сталкивались священники, а также установить, как она изменялась по мере затягивания войны, назревания революционного взрыва и последовавших за ним преобразований [34; 36–41; 124; 191; 203; 206; 211; 216; 217; 220; 223, 225, 226, 228; 229; 230; 235; 237; 238; 250; 251; 267; 269; 272; 273; 280; 281; 313]. На основании документов, хранящихся в делах описи 5, удалось полностью восстановить структуру ведомства при протопресвитере [64; 209; 210; 214; 221; 229; 235; 236; 239; 241; 279; 298; 300; 422; 424].

В РГВИА материалы по истории ведомства военно-морского духовенства в годы Первой мировой войны находятся в фондах 2044 (Управление главного священника армий Северного фронта), 2082 (Управление главного священника армий Юго-Западного фронта), 15566 (Управление главного священника армий Румынского фронта). Количество дел в них невелико, и в большинстве они не касаются деятельности военных священников на территории Беларуси. Однако в них можно выявить документы, общие для всего духовенства [194; 224; 227; 258; 259; 307; 421].

В ГАРФе документы по исследуемой проблеме можно найти в фонде 1486, в котором собраны документы протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского: его личное дело, тетради с воспоминаниями и другие бумаги [52; 53; 111; 295; 296; 427]. Также важен фонд 3431, где хранятся документы Поместного собора, которые отражают реакцию собора на ликвидацию ведомства военного и морского духовенства [97; 112; 306].

Несмотря на то что основные фонды документов хранятся в архивах Российской Федерации, в архивах Беларуси исследователи также имеют возможность ознакомиться с фрагментарной информацией о военном духовенстве в контексте делопроизводства епархиальных консисторий и благочиний (НИАБ. – Ф. 2531, 136, 2301, 96; НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1, 2, 30). В делах названных фондов встречаются указы Синода в отношении епархий на территории Беларуси, переписка по вопросам перехода в ведомство протопресвитера, рапорты госпитального духовенства, участие в благотворительной деятельности [57–59; 75–81; 84–88; 91–93; 190; 195; 215; 241; 257; 262; 311; 312; 399; 401].

Важным источником по истории военного духовенства выступает церковная и светская периодическая печать [384, с. 171–172]. В ней содержится немало документов, свидетельствующих о событиях Первой мировой войны.

Ведомство протопресвитера военного и морского духовенства имело свой печатный орган – «Вестник военного и морского духовенства» (с июля 1917 г. – «Церковно-общественная мысль») [48]. Официальная часть «Вестника» содержала обязательные для исполнения военным духовенством высочайшие повеления, постановления Синода по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства, распоряжения военного и морского начальства, сведения о назначениях, перемещениях, увольнениях и наградах военного духовенства [24; 245; 246; 248; 249; 290; 297; 299; 310; 321; 322; 323]. В неофициальной части помещались материалы, описывающие деятельность военных священников: устройство походных церквей, богослужение в армии, статьи и заметки, касающиеся богословских, исторических, богослужебных вопросов и прочие материалы, а в библиографическом отделе, кроме рецензий, помещались списки книг, предназначенных для церковно-полковых библиотек [2; 22; 42; 47; 50; 67; 101; 139; 165; 178; 188; 252; 327; 344; 350; 418]. В «Церковно-общественной мысли» деление на официальную и неофициальную часть не проводилось [49; 56; 186; 253; 335; 419; 438]. В качестве приложения к «Вестнику» издавался «Воскресный листок», в котором печатались образцы проповедей [245].

Важнейшим источником являются епархиальные ведомости. Они издавались во всех епархиях Российской империи. Епархиальные ведомости были адресованы приходскому духовенству, публикация материалов для священников военного ведомства в них не предполагалась [390, с. 221]. Однако с началом войны материалы, тем или иным образом затрагивающие институт военных священников, начинают появляться в этих периодических изданиях. В официальном отделе епархиальных ведомостей сведения по истории военного духовенства встречаются крайне редко. Это, например, указы Синода и информация о перемещении и награждении священников [60; 184; 398; 400]. С 1915 г. в них неоднократно упоминается Г.И. Шавельский. В неофициальной части в статьях, касающихся военного духовенства, описывается жизнь и быт полевых священников, их подвиги [44; 333; 334; 397]. Целью таких статей было вызвать патриотические чувства среди духовенства и прихожан, а также показать высокую религиозность армейских чинов, поддержку церкви солдатами.

Материалы о деятельности православного военного духовенства публиковались на страницах как церковной, так и светской печати. Например, в «Церковных ведомостях» [54], журналах «Христианская мысль» [420], «Огонек» [349], «Разведчик» [410].

Говоря об источниках, нельзя не отметить большое число документов личного происхождения. К ним относятся дневники, личная переписка, мемуары, автобиографии [377]. Документы личного происхождения предоставляют исследователям возможность получить информацию об изучаемых событиях из «первых рук», определить позицию и оценки автора по отношению к событиям в обществе и государстве. Военное духовенство обычно упоминается в мемуарах военнослужащих, командного состава, церковных деятелей и священников.

Важнейшими среди источников личного происхождения являются воспоминания протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского [111; 123; 296; 427; 431–439]. Они относятся в основном к периоду нахождения его в должности протопресвитера. Он приводит ценные данные о количестве военных священников, их подвигах, наградах, некоторых встречах и беседах с ними [377, с. 86–88]. Г.И. Шавельский подробно описывает жизнь Ставки, встречи с императором Николаем II, Верховным Главнокомандующим Николаем Николаевичем, другими политическими и военными деятелями. Помимо воспоминаний, в качестве источника необходимо также использовать письма Г.И. Шавельского к Е.И. Мосоловой (был другом ее семьи). Оценка деятельности военного духовенства в них носит положительный характер [385, с. 35–36]. Авторству протопресвитера принадлежат также обращения и воззвания к солдатам действующей армии, например, «Война – суд Божий», «Не верьте дурным слухам, они идут от врагов», «Христоробивые русские воины» [433; 434; 437]. Они представляют собой тексты проповеднического содержания, которые предназначались как для чтения солдатами, так и как вспомогательный материал для военных священников.

Деятельность военного духовенства затрагивается в воспоминаниях военных и лиц, приближенных к Ставке. Это мемуары генерала А.А. Брусилова, контр-адмирала А.Д. Бубнова, генерал-лейтенанта А.И. Деникина, генерала Н.А. Епанчина, генерал-лейтенанта А.А. Самойло, генерала А.И. Спиридовича и др. [30; 31; 94; 100; 341; 365]. Упоминания о протопресвитере встречаются в дневниках императора Николая II [96]. О военном духовенстве писали также представители церкви, в частности, товарищ обер-прокурора Синода князь Н.Д. Жеватов и митрополит Евлогий [105; 65].

Таким образом, изучение деятельности православного военного духовенства на территории Беларуси до настоящего времени не являлось предметом специальных исследований. Разные аспекты истории военного духовенства в Российской империи нашли отражение в работах историков, военных, священников и лиц, связанных с религиозными организациями, а также авторов-марксистов. Несмотря на то что исследователи неоднократно обращались к вопросам структуры, функций и деятельности военного духовенства, они до сих пор не были рассмотрены исчерпывающе и комплексно. Исследуя структуру, авторы опирались на опубликованные нормативные документы, а потому она представлена во всех работах примерно в одинаковой степени. При этом были упущены важные архивные документы, которыми можно было бы заполнить пробелы в отношении полевой канцелярии, главных священников фронтов, штабного духовенства. Анализируя обязанности, авторы обычно раскрывают только особенности службы полкового и госпитального духовенства, в то время как в годы Первой мировой войны действовали и другие категории военного духовенства. Также в исследованиях не рассматриваются вопросы мобилизации в пределах Западного фронта. В историографии уже изучены вопросы награждения священников, их подвигов в годы войны. Рассмотрение деятельности в масштабах всей Российской империи, без учета региональных особенностей, оставило многие ее аспекты не раскрытыми. Требуется изучение деятельности священника в пределах небольшого региона, в частности фронта. Поэтому постановка проблемы позволяет как полностью восстановить структуру ведомства протопресвитера военного духовенства в 1914–1918 гг., так и исследовать деятельность священников на материалах одного фронта, включая возможность подробно проанализировать направления работы в пределах небольшого региона, установить их особенности, проследить изменения в службе военных священников, вызванные общественно-политической обстановкой на фронте.

Деятельность военного духовенства в годы Первой мировой войны на территории Беларуси может быть изучена на основе широкого круга источников. Они представлены законодательными актами, документами делопроизводства, периодической печатью, мемуарами. Основную массу использованных источников составили архивные документы. В абсолютном большинстве документы, характеризующие деятельность православных священников в армиях и учреждениях на террито-

рии Беларуси, вводятся в оборот впервые, до этого целенаправленной работы с фондами, содержащими документы по деятельности духовенства в этом регионе, исследователями не проводилось. Удалось ввести в оборот важные архивные документы, позволяющие восполнить проблемы в изучении организации и структуры ведомства протопресвитера, дать подробную характеристику всем категориям рядовых военных священников.

Полнота и достоверность исследования основана на рассмотрении каждой проблемы с опорой на весь обозначенный круг источников, с привлечением разнообразного фактологического материала. Работа характеризуется достаточной степенью репрезентативности источниковой базы.

СТРУКТУРА ВЕДОМСТВА ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННОГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА И ЕЕ РАЗВИТИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Управление православным военным духовенством

В Российской империи православие было неотъемлемой частью жизни общества, в том числе жизни военной. «Христоролюбивое воинство», как часто назывались чины российской армии, нуждалось в духовном и религиозном обслуживании, так как участие в церковной обрядности было обязательной нормой, привитой с детства. Поэтому необходимость в представителях православной церкви в войсках стала очевидна для государственной власти за несколько столетий до Первой мировой войны. С годами войны приобретали все более масштабный характер, военное дело совершенствовалось и институт военного духовенства постоянно находился в развитии. Данное развитие включало в себя несколько этапов, и Первая мировая война стала частью последнего из них [118, с. 21–22; 119]. Он начинается в 1890 г., когда было принято «Положение об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств», и заканчивается принятием декрета «О расформировании всех управлений духовного ведомства» от 16 января 1918 г. В почти тридцатилетний промежуток времени была проделана огромная, по сравнению с предыдущими годами, работа по усовершенствованию структуры этого института.

12 июня 1890 г. было принято «Положение об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств». Оно было необходимо для упорядочивания организации военного духовенства в соответствии с нуждами российской армии, для наведения порядка в вопросах руководства военным духовенством и его взаимоотношениях с офицерским составом, определения места ведомства в структуре православной церкви. «Положением» формировалась структура ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства, определялись обязанности военных священников, благочинных, разъяснялись вопросы подчинения духовенства ведомству, а также военному и епархиальному начальству. В нем прописывались особенности организации работы церквей в мирное и военное время, их хозяйственная жизнь. Отдельные главы посвящались вопросам, связанным с проступками и преступлениями, совершенными духовенством, и проблемам обеспечения священнослужителей, их вдов и сирот.

Однако для военного времени «Положение» оказалось несовершенным и ограниченным. Оно регламентировало лишь деятельность протопресвитера, благочинных (дивизионных благочинных) и военных священников. В условиях военного времени была необходима более развитая структура ведомства, которая позволила бы осуществлять посредничество между ведомством и рядовым священником. Также «Положение» не учитывало специфику места службы духовенства в армии. Поэтому накануне и в годы войны происходило учреждение новых должностей и уточнение функций священнослужителей. Структуру ведомства в военное время регламентировали также «Положение о полевом управлении войск в военное время» 1914 г., «Устав внутренней службы» и циркуляры протопресвитера военного и морского духовенства. Большое значение имели решения Первого Всероссийского съезда военного и морского духовенства, на основе которых были разработаны инструкции разным категориям священников [155, с. 248–257]. Накануне и в годы войны приказами по военному ведомству была утверждена полевая канцелярия, ряд должностей военного времени.

Рассмотрим, что представляла собой структура управления православным военным духовенством.

Важным нововведением «Положения» 1890 г. стало учреждение должности **протопресвитера военного и морского духовенства** путем слияния существовавших до этого должностей главного священника армии и флота, главного священника гвардии и гренадер и главного священника Кавказской армии. Авторы «Положения» считали, что по сравнению с предыдущими наименованиями (обер-священник, главный священник) новое было терминологически более каноничным: оно указывало на духовный сан и место на иерархической лестнице православной церкви главы ведомства (протопресвитер), а также определяло сферу его влияния (военное и морское духовенство) [156, с. 79; 175]. Протопресвитер – высшее звание белого духовенства в православной церкви. Стать протопресвитером военного и морского духовенства было вершиной карьеры для представителя белого духовенства. По церковному рангу должность соответствовала архиепископу, а по военному – генерал-лейтенанту. В его ведении находилась вся территория Российской империи, он имел право личного доклада императору [352, с. 159–160].

В соответствии с «Положением» 1890 г. протопресвитер военного и морского духовенства избирался Синодом и утверждался «Высочайшей властью». Первый Всероссийский съезд военного и морского духовен-

ства предлагал выбирать протопресвитера на всероссийских съездах, а также, чтобы Синод лишь утверждал выбранного в должности. Однако решения съезда не имели юридической силы, носили рекомендательный характер, хотя такие инициативы поднимали его статус на качественно новый уровень [120].

По делам, касающимся церковного управления, протопресвитер получал указания только от Синода, а по делам, находящимся в сфере влияния военного ведомства, – от военного министра или управляющего Морским министерством [346, с. 130]. В ведении протопресвитера находились неподвижные соборы и храмы (с приходами и без них), подвижные церкви и их причты. Под его контролем были также благотворительные учреждения при церквях военного ведомства и суммы, находящиеся при них. Он имел право на посещение подведомственных ему церквей, школ для детей солдатских и учебных команд, состоящих при полках. Эта статья сделала протопресвитера единственным духовным лицом, получившим возможность свободно перемещаться по губерниям империи [177, с. 35].

Протопресвитер был наделен широкими правами в пределах своего ведомства. В частности, на его плечи практически полностью ложилось принятие решений по составу ведомства. По его рекомендации Синодом назначались и увольнялись члены Духовного правления, штатные чиновники и вольнонаемные писцы назначались и увольнялись протопресвитером без утверждения их вышестоящими инстанциями. Он назначал благочинных и распределял между ними подведомственные церкви, не закрепленные за дивизиями, выбирал кандидатов на священно- и церковнослужительские должности. Во время войны протопресвитер назначал на должности главных священников армий и представлял их на утверждение Синоду. Он же принимал решение об увольнении духовенства в епархии. Также в его юрисдикции были вопросы награждения подведомственного духовенства и вынесения наказаний ему в случае проступков против должности и «благоповедения» [291, с. 475].

С 1911 г. и вплоть до ликвидации ведомства военного и морского духовенства в 1918 г. должность протопресвитера занимал Георгий Иванович Шавельский. Он родился в селе Дубокрай Витебской губернии. Учился в Витебской духовной семинарии, после чего некоторое время работал псаломщиком и учителем, позже был рукоположен в сан священника. В 1902 г. Г.И. Шавельский окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Принимал участие в русско-японской войне 1904–1905 гг.

в качестве полевого священника, а с 1 декабря 1904 г. – главного полевого священника Маньчжурской армии. Карьера Г.И. Шавельского пошла в гору и, несмотря на отсутствие высоких покровителей и низкое происхождение, в мае 1911 г. он занял должность протопресвитера военного и морского духовенства [152, с. 257; 154, с. 59; 295]. По мнению С.Л. Фирсова, Г.И. Шавельский был выбран на должность протопресвитера по трем причинам. Во-первых, он получил хорошие отзывы от своего предшественника, протопресвитера Е.П. Аквилонова. Во-вторых он был магистром богословия, а таких в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства было всего три человека. И, в-третьих, Г.И. Шавельский обладал большим опытом служения в военном ведомстве, полученным в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. [414, с. 10].

В воспоминаниях современников Первой мировой войны упоминания о военном духовенстве чаще всего связаны именно с личностью последнего протопресвитера. Многие авторы описывали свои впечатления от встречи с Г.И. Шавельским, давали ему оценку. В воспоминаниях контр-адмирала А.Д. Бубнова дана высокая оценка личности Г.И. Шавельского: «Редко когда можно было встретить среди иерархов церкви столь пронизательного, мудрого и обаятельного по своим высоким качествам человека» [31, с. 34]. Упоминает протопресвитера в своих воспоминаниях генерал-майор Генерального штаба (в годы Первой мировой войны) А.А. Самойло, отмечая, что “святой” отец производил впечатление человека хитрого и ловкого» [341, с. 142]. Более резко высказывается о нем генерал-майор А.И. Спиридович, называя Г.И. Шавельского «очень несимпатичным священником» [365, с. 103]. Негативная оценка ему дана товарищем обер-прокурора Синода князем Н.Д. Жеваховым. Он называл протопресвитера маловерующим человеком, одним из тех «прогрессивных батюшек», для которых священнодействие являлось только обязанностью [105, с. 29]. Выводы князя Н.Д. Жевахова неутешительны: «Да ведь этот один человек погубит всю Россию... Бедный Царь, бедная Россия» [105, с. 36].

Современники дали протопресвитеру Г.И. Шавельскому неоднозначные оценки, часто противоречащие друг другу. Однако несомненно, что Г.И. Шавельский приложил огромные усилия для превращения работы ведомства военного и морского духовенства в отлаженный механизм. Его авторству принадлежит большое число документов, статей и брошюр, призванных улучшить работу ведомства и подчиненного духовенства.

С первых дней службы Г.И. Шавельский стал принимать меры, призванные улучшить положение и деятельность военного духовенства. На новый качественный уровень был поставлен отбор кадров, улучшено материальное обеспечение священников, проведен сбор и анализ данных об их деятельности, подготовлены материалы, фиксирующие их обязанности и прочее. Большой заслугой Г.И. Шавельского стало проведение 1–10 июля 1914 г. Первого Всероссийского съезда военного и морского духовенства в Санкт-Петербурге [37; 38]. Опираясь на опыт русско-японской войны 1904–1905 гг., Шавельский осознавал необходимость в реорганизации существующей структуры ведомства военного духовенства, а также в полноценных, охватывающих различные стороны деятельности священника в армии инструкциях. Неразбериха в обязанностях и полномочиях серьезно тормозила работу священника в армии, принося порой больше вреда, чем пользы, и потому четкое распределение должностных обязанностей стало важной задачей для ведомства, которая была успешно выполнена к началу войны.

В годы войны местом постоянного пребывания главы ведомства военного и морского духовенства стала Ставка Верховного Главнокомандующего. Протопресвитер имел возможность прямого контакта с Верховным Главнокомандующим, командующими фронтами и армиями. Часто он вел службы для императора и высших военных чинов. Впервые в истории ведомства имел возможность присутствовать на Военном совете, осенью 1915 г. стал членом Синода [132, с. 39; 432, с. 135]. Приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 4 июля 1916 г. протопресвитер получил право доклада по особо важным вопросам Верховному Главнокомандующему в присутствии начальника соответствующего штаба [300, л. 77].

Огромной заслугой Г.И. Шавельского как протопресвитера стало то, что во время войны он не оставался в Ставке, а, призывая военных священников не расставаться со своей паствой, часто совершал поездки на фронт. Этим он, во-первых, подавал пример духовенству, во-вторых, мог лично проконтролировать его работу, и, в третьих, появление протопресвитера непосредственно в местах ведения боевых действий оказывало положительное воздействие на солдат и офицеров [432, с. 97; 398, с. 214; 426, с. 110]. Во время этих поездок протопресвитер не ограничивался чтением проповедей и молебнами. Часто после совершения богослужений он обходил окопы, землянки, общался с солдатами. При

этом его всегда сопровождал священник, служащий в данной воинской части. Таким образом Г.И. Шавельский мог убедиться, знает ли паства своего священника и знаком ли он с ней, проводит ли беседы, посещает ли окопы. В воспоминаниях он пишет: «Усердный священник прекрасно знал расположение на позиции полковых рот, храбрых и трусливых солдат, встречался в окопах как частый и приятный гость» [432, с. 97]. По такому же принципу проверял работу госпитального духовенства, посещая больных и раненых. По завершении объезда позиций протопресвитер собирал священников посещенных им госпиталей и частей, делал замечания по работе, давал рекомендации, выслушивал все вопросы, проблемы военного духовенства [432, с. 97].

Для организации деятельности подведомственного протопресвитера духовенства периодически проводились совещания с главными священниками фронтов, которые, в свою очередь, передавали полученную информацию штабным священникам, благочинным. Также созывались съезды, руководство которыми осуществлялось самим протопресвитером или главными священниками.

Протопресвитер военного и морского духовенства был ключевой фигурой ведомства, способной по своему усмотрению учреждать и упразднять должности, назначать и увольнять священников на места службы. В условиях военного времени его авторитет значительно возрос. Работа ведомства напрямую зависела от того, какой личностью был действующий протопресвитер. В годы Первой мировой войны ведомство возглавлял человек активный и опытный, вклад которого в дело служения священников в армии неоспорим.

Важной составляющей ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства стало учрежденное по «Положению» 1890 г. Духовное правление, которое занималось финансовыми, хозяйственными, кадровыми вопросами, а также собирало материалы о деятельности подведомственного духовенства [314, с. 152]. По своей организации оно было похоже на епархиальную консисторию, состояло из присутствия и канцелярии.

В присутствие правления входило три члена из числа священников или протоиереев ведомства, постоянно находящихся в Санкт-Петербурге. Кроме того, допускалось еще два члена сверх штата. Утверждение в должности и увольнение членов правления осуществлялось Синодом в соответствии с рекомендациями протопресвитера. Председательство в правлении предоставлялось старейшему из них.

Канцелярия состояла из столоначальников и регистратора. Они, в свою очередь, были подконтрольны делопроизводителю – единственному лицу в правлении, назначенному не протопресвитером, а Синодом [378, с. 72]. То есть делопроизводитель одновременно подчинялся протопресвитеру и обер-прокурору. Все дела в Духовном правлении протопресвитер распределял между «столами». При рассмотрении и решении тех или иных вопросов протопресвитер и правление должны были руководствоваться церковными правилами, статьями устава духовных консисторий и другими действующими по духовному ведомству законами, сводом гражданских законов и сводом военных постановлений. «Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств» от 1890 г. регламентировало работу трех столов. Первый стол занимался вопросами кадрового характера, представлением к наградам, пособиям и пенсиям, вопросами, связанными с церквами и их имуществом. Ведал вопросами присоединения к православию. Второй стол занимался делопроизводительной перепиской. Третий ведал финансовыми вопросами, приемом и рассмотрением ежегодных отчетов [291, с. 472].

Как мы видим, по «Положению» предполагалось три стола. Однако, в соответствии с «Памятной книгой военного духовенства», опубликованной К.Г. Капковым, канцелярия Духовного правления на 1914 г. состояла из двух отделений, в каждом из которых было по два стола. Кроме того, каждое отделение имело своего делопроизводителя [133, с. 128–132].

Необходимость в учреждении должности помощника протопресвитера заключалась в нескольких основных причинах. Во-первых, со времени принятия «Положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств» круг обязанностей протопресвитера вырос, и было проблематично выполнять все их одному. С другой стороны, преклонный возраст тогдашнего протопресвитера военного и морского духовенства А. Желобовского (ему было 76 лет) вызвал необходимость в появлении в ведомстве человека, способного помогать, и, по необходимости, заменить протопресвитера в определенных обстоятельствах. 9 апреля 1910 г. было утверждено положение о помощнике протопресвитера, который имел право заменять протопресвитера в случае его болезни или отсутствия, выполняя все обязанности по ведомству [290, с. 259].

К основным обязанностям помощника протопресвитера относились предварительные просмотры протоколов и журналов Духовного

правления; просмотр поступавшей в войска литературы (книг, брошюр, учебников); разрешение (с согласия местного епископа) военным священникам преподавать закон Божий в разных учебных заведениях; увольнение духовенства в отпуск на срок более 28 дней. Помощник протопресвитера утверждал постановления Духовного правления по вопросам о преподавании в полковых школах и учебных командах Закона Божьего, о выдаче справок и свидетельств из метрических книг, о проведении следствия по вопросам неправильных записей в метрических книгах и исповедных росписях и исправлении их [290, с. 259–260]. Он мог утверждать постановления о переходе в православие лиц христианского вероисповедания или крещении нехристиан, а также о наложении епархиальным начальством епитимий (церковных наказаний) на лиц военного ведомства. «Положение» допускало возложение на помощника и других служебных дел протопресвитера (совершение богослужений, посещение церквей и прочее).

Незадолго до смерти протопресвитера Е.П. Аквилонова на место помощника было решено назначить Г.И. Шавельского. Но в день, когда в Синоде на повестку дня было поставлено принятие этого решения, протопресвитер умер, и уже спустя два дня в Синоде рассматривали вопрос о назначении Г.И. Шавельского не помощником, а непосредственно протопресвитером. С 23 февраля 1912 г. помощником протопресвитера стал протоиерей И.В. Морев [133, с. 126]. Интересен тот факт, что он также претендовал на место протопресвитера после смерти Е.П. Аквилонова. Его поддерживал в этом деле командир Конвоя Его Величества князь Г.И. Трубецкой [431, с. 18]. Сам Г.И. Шавельский называет его в числе претендентов, и в его воспоминаниях все они объединены попытками интриговать против него. Удивительно, но в его мемуарах это единственное упоминание о И.В. Мореве, несмотря на то, что во время войны на плечах помощника лежала часть обязанностей протопресвитера по решению дел Духовного правления, за исключением идущих на рассмотрение в Синод и Военный совет [300, л. 77].

Рост делопроизводственной переписки, связанный с начавшейся войной, загруженность по военным обстоятельствам самого протопресвитера вынудили ввести на время военных действий должность секретаря при протопресвитере военного и морского духовенства. Официально решение об учреждении этой должности было принято 25 августа 1915 г. Должность была установлена в VI классе, который соответствовал классу подполковника, и по ней полагалось жалование в 1000

рублей, а пенсия устанавливалась в III разряде [240, л. 1]. Деятельность секретаря в основном сводилась к работе с документацией, ведению переписки по широкому кругу вопросов.

После утверждения должности секретаря приказом по гражданскому ведомству от 6 октября 1915 г. на нее был назначен коллежский ассессор Е.И. Махароблидзе, на тот момент являвшийся столоначальником правления протопресвитера. Интересен тот факт, что Е.И. Махароблидзе задолго до утверждения этой должности подписывался под документами как секретарь протопресвитера. О нем упоминает в своих воспоминаниях Н.Д. Жевахов: «В первой комнате сидел за столом Е.И. Махароблидзе... Он был правой рукою всесильного протопресвитера, и в его движениях сказывалась уверенность человека, довольного своим положением» [105, с. 49].

В условиях войны многие ведомства, занятые в ней, имели свою канцелярию. Она занималась делопроизводственными вопросами, требующими оперативного решения в условиях военного времени. Полевая канцелярия была учреждена и при протопресвитере военного и морского духовенства в Ставке Верховного Главнокомандующего. Спектр функций, возлагаемых на полевую канцелярию протопресвитера, был довольно широк. По сути, именно сюда поступали все рапорты, сообщения, справки, отчеты и прошения на имя протопресвитера от священнослужителей воинских частей, госпиталей, лазаретов, санитарных поездов [394, с. 78]. В полевую канцелярию приходили сообщения от госпитальных и полковых врачей, военного командования с информацией о подвигах или проступках военных священников. Через полевую канцелярию проходили все основные приказы по ведомству протопресвитера. Это был орган, через который шла основная документация, касающаяся событий и нужд войны.

Неофициально канцелярия начала работу с первых дней войны. Тогда в распоряжении протопресвитера военного и морского духовенства был только секретарь. Когда же делопроизводство разрослось и секретарь протопресвитера уже не мог выполнять весь объем бумажной работы, приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 4 июля 1916 г. была учреждена полевая канцелярия. Тогда же был утвержден ее временный штат в количестве пяти человек: начальник канцелярии, помощник начальника канцелярии, один писарь высшего оклада и два писаря среднего оклада. В целях экономии должность секретаря при протопресвитере была упразднена, и приказом по ве-

домству протопресвитера военного и морского духовенства от 7 июля 1916 г. на должность начальника канцелярии был утвержден Е.И. Маха-роблидзе. Сама канцелярия находилась в здании окружного суда в Могилеве [52, л. 223 об.].

Короткое замечание о полевой канцелярии оставил в своих мемуарах князь Жевахов. Описывая свой визит в Могилев к протопресвитеру, он цитирует его слова: «Вот видите, как мы живем здесь, – сказал мне Г.И. Шавельский, указывая рукою на стоявшую в углу кровать, – вот и все наше убранство... Здесь моя квартира, здесь и канцелярия» [105, с. 49]. Опись имущества, сделанная в начале 1918 г., подтверждает довольно скромную обстановку помещений полевой канцелярии [214, л. 18–18 об.].

Начальник канцелярии занимался делопроизводством судебного и административного характера, а также личного состава духовенства, хозяйственными и правовыми вопросами, вел секретные исходящий и входящий журналы, составлял приказы [229, л. 21]. Помощник ведал наградным и денежным делопроизводством. Также на 1917 г. в канцелярии находился временно прикомандированный священник, который занимался журнальной частью, вел список кандидатов для назначения в действующую армию, наградной алфавит, список назначаемых, увольняемых, перемещаемых священноцерковнослужителей и опись дел. Строго определенного распределения работы в полевой канцелярии не было ввиду малочисленности штата: работа выполнялась в зависимости от сроков и степени ее важности [229, л. 21].

6 марта 1917 г. приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего была учреждена должность заведующего книжным складом при протопресвитере военного и морского духовенства. Ему также полагался писарь среднего оклада. Но в новых общественно-политических условиях эти должности не были заняты, и складом, который просуществовал два года, без всякого вознаграждения заведовал священник штаба Верховного Главнокомандующего [229, л. 22 об.].

Вплоть до ликвидации полевой канцелярии протопресвитера в ней остро ощущалась нехватка рабочих рук. Несмотря на то что штат канцелярии работал ежедневно с 10 утра до 23.30 – 00.00 часов (с перерывами на завтрак и обед по часу-полтора), служащим часто приходилось брать работу на дом и после 12 часов ночи [229, л. 23].

Наличие в распоряжении главы ведомства военного духовенства полевой канцелярии подчеркивает важность той роли, которая отводи-

лась военному священнику в частности и ведомству при протопресвитере военного духовенства в армии в целом. Российский исследователь С.Л. Фирсов писал: «Факт наличия у протопресвитера собственной Полевой канцелярии – весьма значительное доказательство влияния “военно-духовного ведомства”» [412, с. 23]. При этом ею выполнялся большой объем делопроизводства при небольшом штате.

Основываясь на опыте русско-японской войны 1904–1905 гг., когда при Штабе Главнокомандующего всеми сухопутными войсками была должность главного священника, которому подчинялись главные полевые священники Манчжурских армий, в ведомстве протопресвитера обсуждался вопрос об учреждении такой должности в пределах каждого фронта [323, с. 201]. Еще в июле 1914 г. Духовное правление писало о кандидатах на должности полевых главных священников, однако с принятием нового «Положения о полевом управлении войск в военное время» кандидатов искали уже на должность главного священника армий фронта [324, л. 1].

Главные священники фронтов утверждались только на военное время. Кандидатов отбирал протопресвитер военного и морского духовенства, а утверждение их в должности входило в обязанность Синода. Как и все военное духовенство, главные священники имели двойное подчинение: по вопросам церковного управления они подчинялись протопресвитеру, а по военно-административным и исполнительным делам – начальнику канцелярии главного начальника снабжения [288, с. 23]. По своему положению они приравнивались к генерал-майору [352, с. 160]. Но вскоре, по инициативе главного священника армий Западного фронта, приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 22 февраля 1916 г. они были переподчинены дежурному генералу Штаба Главнокомандующего армиями фронта [209, л. 1 об.; 289, с. 26; 302].

В сферу влияния главного священника армий фронта входило все православное духовенство, служащее в войсках, управлениях, учреждениях и заведениях, расположенных в подчиненном главнокомандующему армиями фронта районе. В «Положении о полевом управлении войск в военное время» от 1914 г. в обязанности главного священника вменялось исполнение церковных треб при управлениях, подчиненных главному начальнику снабжений. В «Положении» в редакции 1916 г. этот пункт был отменен. При них учреждалось управление, по штату которого главному священнику полагался писарь среднего оклада (приказ начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 16 мая

1916 г.) [301]. Позже Приказом по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства от 23 августа 1916 г. в штат управления добавили писаря высшего оклада и помощника секретаря [300, л. 101]. Главным священникам полагалась печать по типу печати Духовного правления [324, л. 110].

Главные священники фронтов были посредниками между протопресвитером и подведомственным ему духовенством. Они координировали работу священников в армии, контролировали своевременное поступление распоряжений по ведомству в военные части, осуществляли командировки для проверки работы священников. Имели право рассылать от своего имени обращения к священнослужителям, сообщали им о решениях и приказах протопресвитера, главнокомандующего армиями фронта и других должностных лиц. Главные священники армий фронтов должны были наблюдать за поведением и исполнением подведомственным духовенством его пастырского долга, а также владеть информацией о состоянии церкви и священнослужителей, их нуждах. При посещении церквей им следовало разрешать возможные конфликты и недоразумения, давать указания и совершать богослужения. В их ведении были кадровые вопросы по фронту. Главные священники командировали священнослужителей в воинские части, учреждения и заведения и следили за тем, чтобы ни одна воинская часть не осталась без пастырского надзора. Они могли представлять протопресвитеру свои предложения о перестановках в личном составе штатного военного духовенства (под штатными должностями понимались вакансии, существующие в мирное время): имели право назначать священников во второочередные полки, госпитали, а также перемещать священнослужителей в пределах фронта. Обо всех кадровых перестановках сообщалось протопресвитеру. Главные священники могли и увольнять «неисправных и неблагонадежных» священников [324, л. 221]. При этом увольнение штатного духовенства осуществлялось с одобрения протопресвитера, а мобилизованного из епархий – с уведомлением епархиального начальства.

На плечи главных священников ложился контроль за ведением церковной отчетности, за метрическими и приходно-расходными книгами. Ими же разрешался расход церковных сумм до 1000 рублей [324, л. 221 об.]. Увольнение священнослужителей в отпуск производилось также главными священниками на общих основаниях для всех военнослужащих в условиях военного времени.

В годы Первой мировой войны в ведомстве протопресвитера состояло пять главных священников армий фронта: И. Покровский (Северный фронт), К. Богородицкий (Западный фронт), В. Грифцов (Юго-Западный фронт), П. Лепорский (Румынский фронт), Г. Кремянский (Кавказский фронт) [40, л. 149–150]. В 1916 г. были учреждены должности главных священников флота – Балтийского (А. Преображенский) и Черноморского (Г. Спасский). Главными священниками армий фронта становились обычно опытные протоиереи, долгое время состоящие на службе ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства, те, в чьих способностях протопресвитер был уверен.

На время военных действий в штабах главнокомандующих фронтами и штабах командующих армиями учреждались должности штабных священников. В условиях Первой мировой войны эта должность и обязанности по ней претерпели значительные изменения. До войны и на начальных ее этапах она не предусматривала серьезной занятости священника. В воспоминаниях протопресвитера указано, что изначально штабным священникам «не отводилось никакой другой работы, кроме совершения богослужений при штабе армии» [432, с. 96]. Ограниченная только лишь богослужебной деятельностью при штабе, должность штабного священника становилась бесполезной. С.Л. Фирсов и вовсе называет ее «неудачной» [412, с. 25].

Однако на рубеже 1914–1915 гг. начинается процесс расширения обязанностей штабных священников. В циркуляре от 19 декабря 1914 г. протопресвитер Г.И. Шавельский писал, что в связи со сложностями в осуществлении прямого контакта со всем духовенством, находящимся в пределах фронта, в особенности с госпитальным духовенством и священниками резервных полков, возникла необходимость четко обозначить обязанности священников при штабах Главнокомандующих и командующих армиями [422, л. 6]. Теперь штабной священник должен был наблюдать и руководить работой госпитальных священников и духовенства резервных частей. Он становился благочинным всех госпиталей (полевых запасных и неприданных к дивизиям), расположенных в районе армии, в штабе которой он служил. Кроме того, главные священники армий фронта должны были определить для штабных священников район, в пределах которого осуществлялась деятельность по управлению духовенством госпиталей. Главной заботой штабного священника, в соответствии с циркуляром, становился контроль за деятельностью госпитального духовенства [422, л. 6].

Штабные священники были обязаны поручать одному священнослужителю обслуживать ближайшие госпитали, не имеющие своего священника, или откомандировывать священников на время в те госпитали, которые остро нуждались в пастырской помощи. Также они контролировали деятельность призванных по мобилизации из епархий священников, выступали в качестве наставников в случае их неопытности, разъясняли циркуляры протопресвитера и указания главных священников армий фронта. Об убыли в составе госпитальных священнослужителей штабные должны были сообщать главному священнику, а об убитых, раненых, контуженных и без вести пропавших – непосредственно протопресвитеру [422, л. 6].

Однако на этом расширение обязанностей штабного духовенства не прекратилось. Обязанности, возложенные на штабных священников, были уточнены на совещании главных священников армий фронтов, состоявшемся 11–12 ноября 1916 г. в Ставке Верховного Главнокомандующего. При подготовке к этому совещанию протопресвитер предлагал духовенство госпиталей, приданных войскам, подчинить священникам штабов армий, а духовенство госпиталей, неприданных войскам, – гарнизонному благочинному города, где расположен эвакуационный пункт, которому подчиняются эти неприданные войскам госпитали. В ведение штабного священника предлагалось передать и военно-санитарные поезда [279, л. 8, 9]. Главный священник армий Западного фронта К. Богородицкий не поддержал это предложение, настаивая на сохранении порядка, установившегося в войсках его фронта, где контроль за духовенством поездов поручен благочинным, а штабной священник осуществляет общий надзор во время командировок. Несогласие выразили и другие священники. Поэтому совещание приняло решение предоставить штабным священникам права заместителей главных священников в вопросах управления текущей перепиской, разрешения вопросов хозяйственного и богослужебного характера, а также права благочинных по надзору за деятельностью духовенства, служащего при полевых госпиталях, неприданных армиям фронта [279, л. 10; 432, с. 96]. Такая практика имела место на Северо-Западном фронте еще в сентябре 1914 г. [33, л. 21 об.].

Приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 13 декабря 1916 г. на священников штабов Главнокомандующих армиями фронтов были возложены обязанности помощников главных священников армий фронтов и установлены полевые порции по 5-му разряду [279, л. 27].

В целом во время войны штабное духовенство оказывало помощь главным священникам, а также выполняло обязанности благочинных госпиталей, как приданных, так и неприданных армиям. Большое время проводило в командировках, а также ведало значительным объемом бумажной работы.

Нижним звеном в среде военного духовенства, выполняющего административные функции, были благочинные. Должность благочинного появилась до Первой мировой войны, она была предусмотрена «Положением» 1890 г. [15, с. 378–379; 291]. В нем шла речь о дивизионном благочинном, который был посредником между протопресвитером и подчиненным ему духовенством. Г.И. Шавельский признавал, что довоенная работа благочинных была недостаточной для нормального функционирования ведомства в силу их небольшого числа в масштабах Российской империи: «Протопресвитеру нужно было обладать чрезвычайной энергией и необыкновенной подвижностью, чтобы самому лично и на месте проверять работу всех своих подчиненных» [432, с. 95].

Предоставленное императором протопресвитеру военного и морского духовенства право учреждать новые должности по ведомству (в случае, если они не требовали дополнительных расходов) позволило тому создать в условиях военного времени должности благочинных запасных госпиталей (что было возложено на штабных священников) и гарнизонных благочинных, которые учреждались в местах, где находилось несколько священников.

В годы Первой мировой войны благочинные получали большое содержание, размер которого зависел от места, занимаемого в церковной иерархии. Если благочинный был священником (иереем), то его жалование составляло 1080 рублей в год, а если протоиереем – 1200 рублей, усиленное жалование составляло 1344 и 1536 соответственно [271, л. 5]. Благочинные священники могли получать добавочные в размере 300 рублей в год, в то время как благочинные-протоиереи – 480 рублей. Также только для протоиереев в должности благочинных полагались столовые деньги в размере 96 рублей в год [221, л. 18–18 об.]. При расчете квартирного довольствия священники и протоиереи в должности благочинных были равны: они приравнивались к штаб-офицерам. Кроме того, за выслугу 1-го и 2-го десятилетий в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства священники могли получать прибавочное жалование в размере 1/4 оклада штатного жалования [439, с. 422]. Имели место доплаты за выслугу лет по ведомству протопресвитера.

Рассмотрим должности дивизионных и гарнизонных благочинных. Обязанности госпитальных благочинных, как отмечалось ранее, в большинстве случаев исполняли штабные священники.

Дивизионные благочинные осуществляли непосредственный контроль за работой полковых священников и священников дивизионных госпиталей. Особенности должности и связанные с ней обязанности подробно изложены в законодательных документах, в частности в «Положении» 1890 г. Дивизионный благочинный назначался протопресвитером и осуществлял контроль за церквями и духовенством войск, входящих в состав дивизии. Подчинение имел двойное: с одной стороны – протопресвитеру, а с другой – местному архиерею (в мирное время) или начальству дивизии. Он был обязан не менее раза в год посетить находящиеся в его ведении церкви, совершить в них, при посещении, богослужение и произнести поучения и беседы. Во время этих визитов проводилась проверка имущества по описям, приходно-расходных книг и прочего, инспектировались школы, состоящие при полках. Все результаты проверки благочинный был обязан направлять в виде отчета протопресвитеру. В своей работе напрямую отчитывался священнику штаба армий [435, с. 233].

На имя благочинного священники направляли метрические и обыскные книги. Он должен был проверять их и после этого отправлять в Духовное правление. В его обязанности входило также решение споров между членами причта, а также разбирательство жалоб на полковых священно- и церковнослужителей. Интересно, что священники, служащие в дивизии, обязывались отправлять благочинному на предварительный просмотр поучений, предназначенных для произнесения во время полковых праздников и других торжественных случаев.

Гарнизонному благочинному подчинялось духовенство, состоявшее при различных учреждениях действующей армии, расположенных в районе того или иного гарнизона [422, л. 18]. Им становился старший по рукоположению священник, протоиереи имели преимущество перед иереями [405, л. 48]. Обязанности были четко обозначены в «Инструкции гарнизонным благочинным», утвержденной 20 сентября 1914 г. приказом по ведомству протопресвитера № 308. Во время своей службы гарнизонный благочинный был обязан владеть полной информацией о госпиталях, лазаретах, военных учреждениях, расположенных в районе гарнизона, и состоящих при них священниках. Эти сведения ему своевременно предоставляло местное военное начальство. Кроме того, по

прибытии в распоряжение гарнизона госпиталей и лазаретов гарнизонный благочинный должен был сразу познакомиться с их священнослужителями.

Гарнизонный благочинный осуществлял контроль за деятельностью священников, их поведением, следил, чтобы военные учреждения и воинские части гарнизона не оставались без пастырской помощи. Он имел право назначать подчиненное ему духовенство в части и учреждения, не имеющие таковых, а если священников в его распоряжении не было, то мог запросить помощь епархиального начальства. Каждый месяц благочинный докладывал епархиальному архиерею (если последний жил в районе гарнизона) и главному священнику армий фронта о состоянии пастырского дела [34, л. 3].

В соответствии с приказом по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства от 12 ноября 1916 г. благочинным, помимо надзора за деятельностью духовенства, находящегося в расположении гарнизона, вменялся в обязанности контроль за деятельностью духовенства военно-санитарных поездов [300, л. 125]. Пользу такого распределения обязанностей отмечал главный священник армий Западного фронта К. Богородицкий: «Военно-санитарные поезда подчинены тыловым эвакуационным пунктам, в места расположения которых они сравнительно часто заходят и здесь нередко имеют более или менее значительную стоянку, а потому гарнизонным благочинным, имеющимся в каждом месте нахождения тыловых пунктов, проще чем кому бы то ни было иметь надзор за духовенством санитарных поездов» [279, л. 6 об.].

В своих воспоминаниях протопресвитер Г.И. Шавельский говорит о гарнизонных благочинных как об элементе новой «стройной и совершенной организации» религиозного управления в армии [432, с. 96].

На основании изучения законодательных актов, нормативных документов, ведомственных приказов, новых архивных документов была полностью восстановлена структура ведомства военного и морского духовенства. Во главе его стоял протопресвитер. При нем действовала полевая канцелярия, занимающаяся делопроизводством военного времени, и Духовное правление, занимающееся общеведомственными вопросами. В непосредственном подчинении протопресвитеру находились главные священники фронтов, штабные священники армий. Координацию работы священников дивизии, гарнизона, госпиталей осуществляли благочинные.

Рядовое военное духовенство: категории, обязанности и мобилизация

Категории и обязанности рядового военного духовенства

Основным действующим лицом, напрямую взаимодействующим с военнотружущими, стал военный священник. В мирное время в распоряжении ведомства было только штатное духовенство: оно чаще всего находилось при церквях ведомства и регулярных воинских частях, но, по сути, в своей работе ничем не отличалось от епархиальных иереев. С.Л. Фирсов объяснял это отсутствием единых нормативных документов, регламентирующих деятельность духовенства, а также тем, что многие из его числа вовсе не были знакомы со спецификой службы в войсках [412, с. 21]. Священники обычно недолго задерживались в одном полку: они перемещались из одной части в другую, в среднем каждые пять лет. При этом новое место назначения могло быть в другой части Российской империи: «Из Брест-Литовска в Ашхабад, оттуда в Сибирь, потом на запад, в Гродно, и т.д.» [132, с. 53]. В военное время число священников увеличивалось за счет временно мобилизованных в ведомство протопресвитера.

Материальное положение военного священника качественно отличалось от положения священника епархиального. Условия службы, важность возложенных задач обусловили постоянный рост содержания по штатам ведомства военного и морского духовенства. Оно включало в себя жалование, столовые, прогонные, иногда квартирные, другие добавочные суммы [347, с. 83]. Для военного священника в рассматриваемый период времени годовое жалование составляло 900 рублей, а усиленное жалование – 1080 [169; 221, л. 18–18 об.; 421]. При этом духовенство, служащее в строевых частях, крепостных соборах и церквях, получало добавочные в размере 300 рублей. Священники, призванные по мобилизационному расписанию, получали 4 рубля суточных, а также сохраняли за собой оклад по епархиальной службе [144, с. 145]. За выслугу 1-го и 2-го десятилетий в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства священники могли получать прибавочное жалование в размере 1/4 оклада штатного жалования [439, с. 422]. Жалование приходского священника по размеру содержания не шло ни в какое сравнение с военным духовенством: они получали в среднем 500–600 рублей годовых во время войны [144, с. 144]. Поэтому на имя прото-

пресвитера постоянно поступали прошения от священников епархий с просьбой о принятии на службу.

Другое дело, что такое высокое жалование не означало высокой степени образованности священника. Если штатное духовенство преимущественно (за исключением отдельных диаконов и псаломщиков) имело хотя бы среднее богословское образование, по поток священников, хлынувший в армию в годы войны, не имел должного образования, а регулировать его, проводить тщательный отбор было невозможно.

Рассмотрим, как регламентировалась деятельность и обязанности православных военных священников в официальных документах, памятках и инструкциях.

Так, в «Положении» 1890 г. были закреплены основные обязанности военных священников. Они должны были в отведенное руководством время совершать в полковых церквях богослужения во все воскресные, праздничные и «высокоторжественные» дни, готовить солдат к причащению [345, с. 16]. Отдельной статьёй прописывалось, что за совершение таинств и молитвословий священник не имел права требовать вознаграждения. На плечи военного духовенства ложилась работа в школах полковых и солдатских детей, учебных командах и иных частях. Кроме того, для объяснения военнослужащим церковного учения ими организовывались беседы для воинов.

Важной частью работы полкового священника становилась деятельность по ограничению распространения вредных учений среди нижних чинов и офицеров: бороться с суевериями, указывать на ошибки и нравственные недостатки прихожан, препятствовать отходу от православной церкви, поддерживать в воинах веру и благочестие. Соответственно, и сами священнослужители должны были подавать пример своим поведением пастве. На плечи военного священника ложился значительный объем бумажной работы. Он должен был вести и хранить в порядке описи полковых церквей, их капиталов и имущества, клировые ведомости, приходо-расходные книги, исповедные росписи, метрические книги, брачные обыски и книгу указов начальства [310, с. 698–699]. Кроме этого, в начале года, не позже 15 января, военные священники отправляли на имя своего благочинного отчет о состоянии церкви, религиозно-нравственной обстановке среди воинских чинов, о произнесенных проповедях и внебогослужебных беседах, о пожертвованиях в пользу церкви на сумму более 100 рублей.

Как видно из вышеприведенного, большая часть обязанностей, прописанных в «Положении» 1890 г., касалась нужд мирного времени, в военное время к ним добавлялись новые. Как неоднократно писал и сам протопресвитер Г.И. Шавельский, несовершенство организации и отсутствие четких инструкций ограничивало работу священника, уменьшало эффективность служения в армии. В годы русско-японской войны 1904–1905 гг. духовенство армии могло руководствоваться только «Положением о полевом управлении войск в военное время», которое «своею краткостью... сбивало с толку не только рядовых священников, но и начальствующих лиц» [432, с. 91]. С приходом на должность протопресвитера Г.И. Шавельского ситуация стала меняться. Важным для совершенствования работы священника в армии стал Первый Всероссийский съезд военного и морского духовенства, на основе материалов которого были выработаны инструкции священникам. Они не были, как писал Г.И. Шавельский, «кабинетным произведением», а полностью основывались на опыте предшествующих лет, на духовных нуждах армии, которые были должны удовлетворить военные священники. Инструкции стали обязательными для исполнения, ими должны были руководствоваться абсолютно все священнослужители ведомства.

На материалах съезда была выработана «Инструкция полковым священникам». Она качественно дополнила «Положение» 1890 г. и «Положение о полевом управлении войск в военное время» 1914 г. Так, богослужения разрешалось проводить в любых условиях, будь то церковь, палатка, жилой дом или открытое поле. Небольшое число молящихся не могло стать препятствием для службы. Единственная веская причина для отмены богослужения – передвижение полка и непосредственно боевые действия. Следовало служить молебен перед боем, и панихиду после него [166, с. 99]. Если священнику позволяло время и силы, он должен был служить для частей, не имеющих своего священнослужителя. В любой удобный момент священнику следовало направить свои силы на поддержание «доблестного духа, веры в Бога и уважения к Его законам» среди военнослужащих [300, л. 308 об.].

Новым в инструкции стала рекомендация обучиться оказанию первой помощи раненым: «Вовремя сделанная перевязка нередко спасает жизнь раненому. Желательно, чтобы каждый священник умел перевязывать раненого. Он найдет тысячи случаев приложить это умение к делу и спасти многих» [300, л. 308 об.]. А если воин погибал, то священник должен был известить родственников о смерти и месте погребения.

В частях под эгидой священника разрешалось создавать общества помощи семьям убитых военнослужащих.

Камнем преткновения для священников стало требование находиться на передовом перевязочном пункте во время боя и идти вперед, если требуется его участие [16, с. 14; 164, с. 91]. Этот пункт, в связи с частым его игнорированием, оставался проблемой на протяжении всей войны [379, с. 136]. Завершалась инструкция предупреждением, что всех замеченных в пьянстве и недостойном поведении постигнет увольнение из ведомства. Этот документ стал теоретической основой для деятельности военного духовенства в годы Первой мировой войны.

Все вышеперечисленное касалось полкового духовенства. Однако во время войны от имени протопресвитера священникам рассылались циркуляры, в которых уточнялись специфические, соответствующие военной части обязанности. Так, в соответствии с циркулярами, из общего числа рядовых военных священников могут быть выделены полковые священники, госпитальные священники, этапные священники, священники, обслуживающие военно-санитарные поезда, священники артиллерийских бригад, священники запасных батальонов и полков, священники полков особого назначения.

Для территории Беларуси речь в основном идет о полковых, госпитальных, артиллерийских, этапных, а также обслуживающих запасные части и военно-санитарные поезда священнослужителях [392, с. 51].

Большое внимание ведомством было уделено помощи в организации работы госпитального духовенства. На его плечах лежала не только богослужбная деятельность среди раненых, но и поддержание среди них правильных настроений, связанных с войной, нарастающей пропагандой революционных идей и «сектантских» учений. Для этой категории рядовых священников была подготовлена отдельная инструкция-наставление (21 июля 1914 г.). Позже обстоятельства военного времени вынудили к изданию дополнения, в котором содержались тексты рекомендуемых молитв и слов, уточнялись отдельные аспекты работы [337, с. 20–24]. На начальном этапе войны в госпиталях Северо-Западного фронта служили преимущественно иеромонахи, позже их стали заменять иереями [218, л. 402–447].

Госпитальный священник должен был в обязательном порядке организовывать службы в определенные для этого церковью дни, вне зависимости от того, имеет ли госпиталь помещение, которое можно было использовать в качестве церкви. Священнику полагалось как мож-

но чаще проводить литургию, после которой он обходил палаты больных. Обязательным, особенно в праздничные дни, было совершение в палатах молебнов за исцеление от ран и болезней. Во время обхода больных следовало беседовать с ними и причащать.

Госпитальный священник оказывал больным помощь во всем, о чем они просили: мог помочь написать письмо домой, найти идущему на поправку книгу или самому организовать чтение в палате выздоравливающих, утешить умирающего и прочее [300, л. 310; 337, с. 19]. Немаловажной стала способность священника к осуществлению медицинской помощи: например, исполнением долга считалось сделать перевязку раненому, когда не хватает свободных медицинских рук. «Долг священника, как указывалось в «Наставлении госпитальным священникам», – «с любовью, кротостью и смирением неустанно служить всем и каждому, и только таким служением они могут снискать уважение у своих сослуживцев» [300, л. 310].

Учитывая, что через госпитали проходило большое число пострадавших православных военнослужащих, каждый госпитальный священник должен был иметь достаточный запас крестиков, листовок, иконок для бесплатной раздачи. За молебны, молитвословы, требы священник не имел права требовать и брать мзду. Запрещалось отлучаться из госпиталя без крайней нужды.

Священники служили и в военно-санитарных поездах, доставляющих больных и раненых с театра военных действий в госпитали и лазареты, находящиеся в тыловой или прифронтовой зонах. В таких поездах находились врачи, сестры милосердия, были оборудованы медпункты, а должности священника изначально не предусматривалось. Однако необходимость в поддержании морального духа раненых и совершении таинства исповеди и причастия умирающих в скором времени стала очевидна для военного руководства. С инициативой учреждения должности священника в военно-санитарных поездах выступила императрица Александра Федоровна в 1915 г., что было закреплено в приказе по военному ведомству от 20 сентября 1915 г. [106, с. 65; 304, с. 698].

Для этих священников, учитывая то, что изначально в штате их не планировалось, не было отведено специального места в поезде. Их предлагалось размещать в вагонах для раненых офицеров (если это был полевой поезд) или вагонах одной из переменных частей (если это был тыловой поезд) [282, л. 8 об.]. Также в поездах не было должности церковника и не выделялись деньги на церковную утварь, так как это не

было предусмотрено приказом от 20 сентября 1915 г. То есть их служба должна была сводиться к простейшей работе, такой как утешение раненых, совершение таинств исповеди и причастия, и не требовать особых затрат со стороны военного ведомства. В именных и эпидемических поездах должность священнослужителя не вводилась [73, л. 441].

Позже в документах полевой канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства упоминается тот факт, что эти должности были учреждены помимо желания протопресвитера, не признававшего это нужным. И как только стало возможным, все священники военно-санитарных поездов были уволены. Должность была упразднена в конце июня 1917 г. [72, л. 24].

Еще со времен русско-японской войны 1904–1905 гг. наблюдалась нехватка священников артиллерийских бригад. Бригады росли с каждым годом, количество человек в них могло достигать двух тысяч. Несмотря на это, новые священники в бригады не назначались. По мнению А.А. Кострюкова, это объяснялось тем, что в то время, когда в штат артиллерийских бригад вводились священники, их количественный состав был немногочисленным [144, с. 186]. Позже, когда артиллерия российской армии выросла в несколько раз, количество священнослужителей по штату осталось прежним. В годы войны эта проблема была частично решена за счет размещения артиллерийских бригад между полками дивизий. Благодаря этому полковые священники помогали в религиозном обслуживании артиллерии. Иногда помощь оказывали епархиальные священники. Однако протопресвитер отмечал, что необходимость быть постоянно при своих частях вынуждала полковых священников отказываться от служения в артиллерийских бригадах [431, с. 201].

Сами артиллерийские священники получали немало нареканий со стороны командования. Выполняя все обязанности, предусмотренные памяткой-инструкцией полковым священникам, на плечи этих священников еще в мае 1916 г. циркулярным распоряжением протопресвитера было возложено обслуживание дивизионных перевязочных отрядов. Однако командиры артиллерийских бригад часто не отпускали своего священника из части [303, л. 114]. В результате в циркуляре протопресвитера военного и морского духовенства от 14/18 января 1917 г. сообщалось о неоднократных жалобах на бездеятельность священников артиллерийских бригад. Г.И. Шавельский предупреждал, что все виновные в подобном должны добросовестно выполнять свои обязанности [422, л. 77].

Для решения неясности, связанной с обязанностями священников артиллерийских бригад, позже, 7/9 февраля 1917 г., был издан новый циркуляр, в соответствии с которым артиллерийских священников обязали обслуживать, помимо прочего, дивизионные перевязочные отряды и, что важно, жить в этих отрядах. Теперь эта категория священнослужителей должна была базироваться при перевязочном отряде, чтобы быть ближе к умирающим и раненым. Особенно это касалось непосредственно боевых действий, когда приток раненых очень велик. Когда же боевые действия частью не велись, артиллерийский священник должен был посещать батареи и вести беседы с воинами, совершать богослужения и исполнять требы. В праздничные и воскресные дни священник совершал богослужение только там, где ему разрешал начальник дивизии (или командир бригады по согласованию с начальником дивизии).

Несмотря на то что решение носило обязательный характер, иногда протопресвитер шел на уступки артиллерийскому духовенству [213, л. 56; 260, л. 110]. Примером этого может послужить ходатайство командира лейб-гвардии действующей на территории Беларуси 2-й артиллерийской бригады от 21 февраля 1917 г. Он жаловался, что священник был перемещен к перевязочному отряду, в результате чего артиллеристы лишились возможности молиться в своем походном храме и иметь своего иерея [213, л. 56]. Командир просил оставить священника с бригадой, и протопресвитер дал на это согласие при условии, что во время боя тот будет на перевязочном пункте.

Протопресвитер просил артиллерийских священников не ограничиваться обычным кругом обязанностей, так как эти священнослужители находились вблизи театра военных действий и через них проходил большой поток раненых: «Утешая, напутствуя больных, погребая умерших, заботясь о местах погребения, священник не должен упускать случая, если он представляется, помочь врачебному персоналу, который во время большого притока раненых бывает перегружен работой» [422, л. 78 об.]. Кроме того, он предлагал, по возможности, оказывать помощь врачам в регистрации больных.

Служба священников запасных батальонов отличалась от работы в действующей армии. Они обслуживали солдат, которые готовились для переброски на фронт. Соответственно, они не могли ограничиваться сугубо богослужебной деятельностью, на их плечах лежало религиозно-нравственное и патриотическое воспитание тех, кто в скором времени должен был пополнить ряды действующей армии. И было важно, какие

мысли и идеи, настроения привнесут они на фронт. Со слов протопресвитера, «роль запасных батальонов огромна... Мощь, сила и боеспособность полка зависит от степени энергии, воспитательной деятельности священника запасной полковой части, формирующей воина-бойца» [127, с. 68].

Архивные документы позволяют сделать вывод о том, что на начало войны в запасных батальонах не было предусмотрено штатного военного священника. Начало назначению военных священников в эти части было положено указом Синода от 8 января 1915 г. и циркуляром протопресвитера военного и морского духовенства от 23/24 февраля 1915 г., когда военным и морским иереям, непризванным в армию, поручались воинские части запаса, расположенные в местах их службы [235, л. 42].

Ускорение процесса учреждения должности священника в запасных частях наметилось в феврале 1915 г. в связи с началом распространения революционных идей в войсках запаса [235, л. 73]. Священник должен был выступить в качестве противовеса. Поэтому приказом Верховного Главнокомандующего от 24 июня 1915 г. в штаты запасных батальонов пехоты, находящейся вблизи фронта, были введены должности священника и церковника (по одному на батальон) на основаниях, одинаковых с пехотными полками [235, л. 190]. Когда в мае 1916 г. 189 пехотных и 39 сибирских стрелковых запасных батальонов были преобразованы в полки, священники появились и в них (т.к. в соответствии с положением, утвержденным в апреле 1916 г., в штат пехотного запасного полка входил священник) [213, л. 13].

При назначении священников в запасные части ведомство военного и морского духовенства сталкивалось с инициативой епархиальных консисторий. Нередко священник, назначенный протопресвитером, прибыв на место, находил его занятым кем-то из местных иереев. Кроме того, информация о местоположении запасных полков была засекреченной и не всегда сообщалась в полевую канцелярию. Для разрешения кадровой неразберихи летом 1915 г. при командировании священников в запасные полки устанавливался следующий порядок: в Петроградском военном округе назначения осуществлялись помощником протопресвитера; в Двинском, Минском, Киевском и Одесском – главными священниками армий; во всех остальных – епархиальными епископами [402, л. 30]. Указом Синода от 28 мая 1916 г. назначение священников в запасные полки было поручено епархиям [26, с. 11; 64, л. 106].

Понимая важность работы священника в запасных частях, ведомство протопресвитера военного и морского духовенства разработало инструкцию священникам запасных батальонов, которая стала частью «Руководственных указаний духовенству действующей армии». Главной целью работы священников запасных батальонов в ней называлось обучение и воспитание нижних чинов [300, л. 313]. Во всем, что касалось богослужений, исполнения треб и бесед, священник руководствовался инструкцией для полковых священников, за исключением той части, которая посвящена служению во время боя. А богослужения и беседы для поддержания патриотических настроений в новобранцах здесь должны были проводиться с особым усердием.

Одной из основных проблем запасных полков стала нехватка священнослужительских кадров. Г.И. Шавельский писал: «Недостаточность наличных духовных сил для воспитания в запасных батальонах в особенности сильно ощущалась во второй половине 1916 года». В это время уже дает о себе знать усталость от войны, с одной стороны, и разрастающаяся антимонархическая агитация – с другой [432, с. 269]. Антиправительственная пропаганда, в свою очередь, наиболее активно проникала в учреждения и части, находящиеся в тылу: в санитарные поезда, запасные части и больше всего в запасные батальоны. В таких условиях от имеющихся в запасных полках священников требовалось особое усердие. Но могло ли быть так, что все они были достойными и соответствующими возложенным на них задачам? Циркуляр протопресвитера от 3/19 октября 1917 г. говорит об обратном: «Поступающие ко мне сведения о деятельности священников запасных полков оставляют желать много лучшего. Пастырская работа этих священников не организована... во многих местах сведена к минимуму» [422, л. 85]. То, что исполнение обязанностей, а точнее пренебрежение ими, нашло свое отражение в циркуляре протопресвитера, адресованном всему духовенству, может говорить о том, что нерадивый священник в запасном полку не единичный случай, а распространенное явление на фронтах российской армии.

Еще одна категория священников российской армии – священники распределительных пунктов и этапов. Главной задачей распределительных пунктов была быстрая отправка воинских частей на театр боевых действий. Через них проходило большое число солдат, поступающих в распоряжение фронтовых армий, там же находились гауптвахты для арестантов. Для священника здесь было много работы, организовать ко-

тору следовало так, чтобы не помешать временному регламенту, действующему на пункте.

Так как войска надолго не задерживались здесь, перед священниками была поставлена задача в короткое время (иногда в 2-3 дня) удовлетворить религиозные нужды большинства проходящих пункт солдат: «Напутствовать их молитвой и теплым пастырским словом пред уходом на поле битвы, поддержать бодрость их духа, в популярных беседах раскрыть перед ними смысл переживаемого исторического момента и тем углубить их патриотическое настроение, рассеять их недоумения и тревоги, выслушать и посылно разрешить больные вопросы, узнать их желания и, в случае надобности и возможности, заявить о них администрации» [421, л. 6].

Для достижения этой задачи следовало обязательно устроить временный храм (например, в одной из казарм) или воспользоваться помещением постоянной церкви. Богослужения должны были совершаться как можно чаще, но с учетом регламента: так, утренние службы следовало заканчивать в 9 утра, когда начиналась разбивка, обед и прочее. При большом количестве солдат исповедь разрешалась общая.

Обязательны были беседы и произнесение поучений, поднимающие моральных дух, помогающие молодым солдатам правильно понимать происходящие исторические события [257, л. 42; 421, л. 6 об.]. Заботой духовенства становилась организация «разумных» развлечений по определенной программе: предлагалось устраивать аудитории для бесед и чтений с картинами «волшебного фонаря» или кинематографа, приглашать лекторов, организовывать духовой оркестр, хор певчих [421, л. 7].

Священники распределительных пунктов и этапов должны были регулярно посещать гауптвахты, где полагалось совершать молебны, всенощные бдения и обедницы, сопровождая их поучениями и беседами, вести чтения и раздавать задержанным и заключенным молитвенники, крестики и книги религиозно-нравственного, исторического содержания. Следовало выслушивать вопросы и просьбы задержанных нижних чинов и в необходимых случаях передавать их администрации пункта.

При проходах воинов на театр военных действий духовенство распределительных пунктов и этапов служило молебны, сопровождало их напутственным словом. Для торжественности рекомендовалось в каждом пункте иметь хотя бы небольшой, но постоянный хор и штатного псаломщика.

Наиболее важные этапы и пункты на территории Беларуси находились (по данным 1916 г.) в Орше (110-й этап), Борисове (105-й), Минске (101-й), Жлобине (139-й), Гомеле (143-й) и Бобруйске (136-й) [201, л. 10]. При этом не все признавали необходимым командирование сюда священников [201, л. 1–2]. Нередко обслуживанием этапов и пунктов занималось наличное в гарнизоне города полковое и госпитальное духовенство.

Особого внимания заслуживают учрежденные во время войны должности миссионеров и проповедников. Изменение настроений в армии, связанное с затянувшейся войной и ростом популярности революционных идей, потребовало от ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства искать способы более эффективного воздействия на солдатские массы. Для поддержания боевого и патриотического духа военнослужащих, с одной стороны, и как противовес пропагандистам, с другой, в 1916 г. по ходатайству протопресвитера были учреждены должности миссионеров тыловых частей. Необходимость в таких священниках объяснялась невозможностью одному священнику в своей работе охватить весь батальон, количество чинов которого могло достигать 10–12 тысяч человек, а также пропагандой сектантства, «разрушающего устои военной службы» [210, л. 1]. На миссионеров возлагался контроль за деятельностью священников запасных частей, так как в силу своей загруженности протопресвитер за их работой наблюдать не имел возможности.

Все эти функции были подобно изложены в Инструкции проповедникам (миссионерам) [210, л. 13]. Основной задачей миссионеров называлось ведение бесед и чтений в тыловых частях фронтов (преимущественно запасных батальонах и полках). В этих беседах обсуждалась война с религиозной, патриотической, исторической точек зрения. Считалось, что это поможет поддержать воинский дух в чинах, которые в скором времени должны пополнить ряды армий фронтов. Инструкция не была опубликована в качестве циркуляра протопресвитера. Вероятно, документ был напрямую передан священникам, назначенным на новую должность. Это кажется вполне вероятным, ввиду того, что миссионеров предполагалось пять, по числу фронтов. На деле только две должности из пяти были заняты. Указом Синода от 19 декабря 1916 г. на Северный фронт был направлен инспектор Воронежской духовной семинарии Д. Боголюбов, а на Западный – помощник инспектора Петроградской духовной семинарии А. Сокольский [210, л. 7–7 об.]. Учреж-

дение должностей миссионеров не оправдало себя: в марте 1917 г. было прекращено ведение бесед на Западном фронте, а в мае – на Северном [210, л. 41; 45].

Более успешным стало учреждение должностей армейских проповедников. Одновременно с ходатайством об учреждении должностей миссионеров начальником штаба Верховного Главнокомандующего была высказана мысль о том, что проповедническую деятельность следовало бы осуществлять и в рядах действующей армии. Для этого предлагалось ввести в каждую армию проповедника, который, «объезжая боевые части, своими беседами бодрит бы дух воинов» [239, л. 3]. Окончательное утверждение этих должностей было произведено приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 14 февраля 1917 г. [194, л. 157]. Они добавлялись в штат управления дежурного генерала штаба армии, который подчинялся главному священнику армий фронта, а также каждые два месяца отчитывался о своей работе протопресвитеру.

На должность отбирались священники с хорошими ораторскими способностями, имеющие большой опыт проповедования. Это было крайне важно, учитывая то, что их работа была связана с регулярными посещениями воинских частей армии и проведением в них бесед. На одну армию приходилось по одному проповеднику. Идея была встречена благожелательно, однако в скором времени стали очевидны проблемы в осуществлении задач, возложенных на этих священников. Для того чтобы успешно проповедовать, армейский проповедник должен был все время перемещаться от одной части армии к другой, чтобы суметь охватить как можно больше воинских подразделений. А одному человеку осуществлять такую работу было крайне сложно.

Деятельность регламентировалась специальной инструкцией, утвержденной приказом по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства от 9 мая 1917 г. Главной задачей проповедника становилось ведение бесед с воинскими чинами для поддержания доброго духа армии [395, с. 33]. Беседы эти не требовали особо торжественной обстановки, можно было использовать любую подходящую возможность и окружение для разговора с воинами. Причем темы не определялись заранее, они выбирались с учетом нужд и проблем конкретной части или полка. Выступления проповедника перед военнослужащими должны были быть убедительными, для чего следовало изъясняться простым, «от души идущим» словом [303, л. 245 об.].

В своих поездках проповедник проводил также работу со священниками с целью помочь в укреплении авторитета военного духовенства среди солдат. Проповедник расспрашивал о духовных нуждах дивизии, о вопросах, наиболее остро стоящих в частях, проблемах, требующих первоочередного освещения и разъяснения. Сам он, в свою очередь, делился наблюдениями об увиденном, рекомендовал, на что следует обратить внимание в работе. Рядовое духовенство с недовольством относилось к проповедникам. С одной стороны, это было вызвано стремлением тех представить себя в качестве вышестоящих лиц в отношении рядового духовенства. Ввиду жалоб рядовых священников протопресвитер был вынужден напомнить проповедникам, что их дело «помогать, а не начальствовать». С другой стороны, строевое духовенство видело в армейских проповедниках конкурентов, а потому не выказывало им большой радости.

Протопресвитер Г.И. Шавельский писал, что деятельность проповедников получила высочайшую оценку как российского командования, так и иностранцев. Протопресвитер вспоминал, что английский генерал А. Нокс (в годы Первой мировой войны полковник, состоящий при штабе Северного фронта) после наблюдения за работой проповедников назвал идею учреждения этих должностей «гениальной» [435, с. 233]. Российский исследователь А.А. Кострюков, ссылаясь на Г.И. Шавельского, писал, что институт проповедников в начале 1917 г. «блистал дарованиями и силами» [144, с. 158]. Действительно, на должности проповедников армии были назначены известные священнослужители.

Несмотря на высокие оценки, о которых пишет Г.И. Шавельский, в реальности далеко не все священнослужители стремились занять должность проповедника. На основе анализа приказов по ведомству протопресвитера можно сделать вывод о том, что на должности священники не задерживались. Приказом от 9 мая 1917 г. проповедниками было назначено 12 священников (еще один позже был назначен в Особую армию) [303, л. 245–246; 313, л. 2 об.]. Но уже приказом от 31 июня 1917 г. пятерых из двенадцати заменяют другими священнослужителями, причем один из них иеромонах [303, л. 254–254 об.]. Приказом № 43 с должности проповедников были сняты сразу 5 священников с пометкой «распоряжение о замещении будет сделано дополнительно» [303, л. 294]. Таким образом, только четверо из первоначально назначенных священников остались в должности (период с 9 мая по 3 октября 1917 г.). Еще трое пребывали в должности с 30 июня по 3 октября

1917 г. Пять армий с 30 августа вовсе остались без проповедника, и лишь в одной из них он был назначен в октябре [303, л. 320].

На Западном фронте проповедники были почти всегда: в 3-й армии священник Иоанн Голубев находился в должности с мая 1917 г., приказом от 30 июня 1917 г. во 2-ю армию в качестве проповедника был назначен иеромонах Иона и в 10-ю армию тем же приказом – Эмилиан Бекаревич.

Большим числом памятков и инструкций были заложены теоретические основы деятельности православных священников. Однако то, что предполагалось в теории, на практике отличалось. Это касалось как условий службы, так и особенностей работы в военное время.

Мобилизация православного духовенства с территории Беларуси в действующую армию

С опорой на опыт русско-японской войны 1904–1905 гг. в 1910 г. был подготовлен мобилизационный план военно-морского духовенства. Он определял порядок призыва епархиальных священников на службу в армию. Это было необходимой мерой, ведь в мирное время (накануне войны) в ведомстве протопресвитера, по воспоминаниям самого Г.И. Шавельского, находилось около 730 человек. Это были преимущественно священники регулярных войск и военно-местных церквей, то есть занимающие штатные должности. В условиях же ведения военных действий быстрыми темпами создавались новые воинские формирования и учреждения (например, лазареты, госпитали).

В литературе и источниках содержится разная информация о количестве священников в действующей армии в годы Первой мировой войны. Как писал протопресвитер, к концу 1917 г. их побывало в армии более 4000 (в другой работе – 5000) человек. Н.А. Печень и вовсе пишет, что во время Первой мировой войны в армии побывали 50 000 штатных военных священников, из которых 25 000 были отмечены наградами [265, с. 40]. Эта цифра не может соответствовать действительности. В. Василенко называет цифру в 5200 человек на конец войны [45, с. 19]. По данным А.С. Сенина, С.М. Малышко, в конце 1915 г. количество военных священников в армии достигло 2000, а всего, с учетом командированных из епархий, их было более 5000 [168, с. 240; 352, с. 161]. В исследовании О.В. Золотарева приводятся такие данные: 1914 г. – 1000,

конец 1915 г. – 2000, к 1917 г. – 5000 человек [113, с. 605]. Большинство исследователей придерживается мнения, что количество служивших в годы войны в армии священников не превышало 5000 человек. Единственно в армии в годы войны, по выявленным нами архивным документам, находилось от 3000 до 4000 человек [366, л. 71; 367; 368].

Так как на территории Беларуси дислоцировались войска преимущественно армий Западного фронта, то следует указать данные о количестве священников, служащих в них. По данным на ноябрь 1915 г., в армиях Западного фронта служило 665 священников, из них: 263 полковых, 117 лазаретных, 89 – полевых подвижных госпиталей, 131 – полевых запасных госпиталей, 49 – маршевых запасных батальонов и бригад государственного ополчения, 6 – артиллерийских бригад, 5 – при штабах армий, 4 – при штабах дивизий и 1 – при штабе Главногокомандующего армиями Западного фронта [98, л. 10]. К маю 1917 г. их количество увеличилось до 750 человек [366, л. 71]. В декабре 1917 г. сократилось почти до 400 человек [366, л. 184–193]. Для сравнения: по данным на май 1917 г., большее число священников находилось только на Юго-Западном фронте – 830 [366, л. 71]. На Северном служило 610 священников, на Кавказском – 270, на Румынском – 410, на флоте – 145 [366, л. 71].

Конечно, в первую очередь пополнение рядов военного духовенства шло за счет епархиального духовенства, попавшего в мобилизационные списки. Мобилизационное расписание составлялось для отправки священников в части и учреждения, формируемые в военное время. Оно вступило в силу с 1 сентября 1910 г., до начала войны претерпело некоторые правки (по другим данным, вступило в силу с 1 мая 1912 г.) [99, с. 53]. Расписание содержало перечень частей и учреждений, информацию о месте их предварительной дислокации и времени формирования, а также необходимом числе священников и сроке, в течение которого они должны были прибыть на место службы. Мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба рекомендовал, чтобы священники назначались по возможности из районов епархий, в которых располагались воинские части и учреждения. Это способствовало своевременному прибытию к месту назначения. Срок прибытия рассчитывался по принципу: по железным дорогам – 300 верст в сутки, водными путями сообщения – 100, почтовыми и проселочными дорогами – 75, а в распутицу – 50 [351, л. 13]. Мобилизованным также предоставлялось два дня на устройство домашних дел и один – для сдачи дел администрации и преемнику [351, л. 13]. Так, госпитали, рас-

положенные в Виленском военном округе, должны были быть в мобилизационной готовности на 7–16-й день, в Варшавском – на 5–12-й день [351, л. 69–69 об.]. К этому же сроку должны были прибыть священники. Если брать информацию не по военным округам, а по епархиям, то для территории Беларуси сроки были следующие: прибытие по Гродненской епархии – от 5 до 10 дней, по Минской – от 7 до 16 дней, по Могилевской – до 11 дней [351, л. 84–85 об.].

В соответствии с расписанием каждая епархия должна была предоставить списки священников, которые в момент необходимости могли отправиться на театр военных действий. Указом Синода «О назначении священнослужителей в войсковые части на случай мобилизации армии» от 12 января 1911 г. епархиальным епископам поручалось не просто составить общие списки, но при этом заранее распределить священников по частям и военно-врачебным заведениям, а также уведомить соответствующие окружные штабы об избранных кандидатах. Синод рекомендовал избирать лиц преимущественно из монашеского духовенства. Включение белого духовенства в мобилизационные списки допускалось только при наличии нескольких штатных должностей в их причте. Епархиальное начальство должно было следить за составленным списком, внося в него корректировки в случае изменения состава назначенных священников, и сообщать обо всех правках в окружные штабы [351, л. 49 об.]. Кроме того, епархии обеспечивали мобилизованное духовенство всеми необходимыми богослужебными предметами. Им предлагалось сразу заготовить комплекты по числу священников и хранить их до востребования на епархиальных складах.

Всего в военно-врачебные заведения от всех епархий Российской империи было запланировано отправить 434 священника [351, л. 27]. На основе анализа мобилизационных ведомостей удалось установить, что 59 из них призывались с территории Беларуси. Гродненская епархия должна была предоставить 22 священника. Двое отправлялись в Виленский военный округ в 365-й и 66-й полевые подвижные госпитали 26-й пехотной дивизии в Гродно. 20 должны были поступить в госпитали Варшавского округа: двое – в 45-й и 46-й полевые подвижные госпитали при 16-й пехотной дивизии в Белостоке; четверо – в 389-й, 90-й, 200-й, 201-й госпитали при 38-й пехотной дивизии в Брест-Литовске; трое – в 12 крепостных временных госпиталей в Брест-Литовске; одному поручались два крепостных временных госпиталя в Осовце; 10 свя-

щенников поступали в 366-й – 375-й полевые подвижные госпитали в Брест-Литовске [351, л. 55 об.].

Минская епархия должна была отобрать 14 священников, которые отправлялись в распоряжение Виленского военного округа: двое – в 74-й и 73-й полевые подвижные госпитали при 30-й пехотной дивизии в Минске; четверо в 93-й, 94-й, 202-й и 203-й госпитали при 40-й пехотной дивизии в Бобруйске; восемь священников следовало направить в 344–351-й полевые подвижные госпитали, неприданные дивизиям, в Минске [351, л. 56 об.].

14 священников от Могилевской епархии должны были выехать в 352–364-й госпитали в Бобруйске. В Виленский военный округ следовало отправить и 9 священников от Полоцкой епархии: для двоих местом службы становились 63-й и 64-й полевые подвижные госпитали при 25-й пехотной дивизии, для остальных – 313–319-й полевые подвижные госпитали в Двинске. Позже в расписание внесли изменения. Например, к 1912 г. из белорусских епархий в госпитали, неприданные дивизиям, было решено направить священников только из Полоцкой епархии в количестве 7 человек [351, л. 118].

В воинские части епархии должны были предоставить намного меньше кандидатов. Из 152 кандидатов только 8 были с территории Беларуси. Гродненская епархия отбирала четырех священников, которые в случае войны должны были отправиться в Варшавский военный округ. Местом их службы становились 149-й Черноморский полк в Брест-Литовске, 150-й пехотный Таманский полк в Кобрине, 151-й пехотный Пятигорский полк в Каргуз-Березе и 152-й пехотный Владикавказский полк в Брест-Литовске. Минская и Могилевская епархии отправляли своих священников в Виленский военный округ. Двое священнослужителей из Минской епархии должны были выехать в 157-й Имеритинский и 158-й Кутаисский, а двое из Могилевской – в 159-й Гурийский и 160-й Абхазский пехотные полки [351, л. 63–65].

Следует отметить, что не все епархиальные консистории смогли найти требуемое число кандидатов. Епископ Гродненский в марте 1911 г. писал в Синод о невозможности предоставить 22 кандидата в формируемые госпитали военных округов. Иеромонахов в монастырях Гродненской епархии едва хватало для исполнения богослужений, а отвлечение белого духовенства привело бы не только к лишению большого числа приходов священников, но и нанесло бы вред «гражданской и патриотической жизни общества» [351, л. 98 об.]. Ввиду этого указом

Синода от 15 марта 1911 г. вместо 22 священников, которых должна была отобрать Гродненская епархия, ей следовало избрать только двоих, остальных перепоручили предоставить Черниговской и Волынской епархиям. При этом Гродненская консистория все равно обязывалась обеспечить кандидатов богослужебными предметами. Пастыри с территории Беларуси стали поступать на службу по мобилизации с первых дней войны [330, с. 112].

При назначении священнослужителя в армию по мобилизации ему выдавался целый ряд пособий: прогонные деньги по расчету расстояния к месту назначения; на обмундирование – 150 рублей; военно-подъемные в размере четырехмесячного оклада содержания (300 рублей); суммы на приобретение верховой лошади, седла или повозки в зависимости от рода воинской части [324, л. 223 об.]. При выступлении в поход кроме основного жалования священник получал суточные полевые пособия, размер которых зависел от местности, где он служил. Это была экономически самая защищенная часть духовенства, поступающего в армию на время войны.

Помимо мобилизованного духовенства, на службу в ведомство поступали епархиальные священники, назначенные по специальному распоряжению протопресвитера. Это делалось с целью заполнить все вакантные должности, так как мобилизованного духовенства оказалось недостаточно [33, л. 46]. Для пополнения армии священническими кадрами по ходатайству протопресвитера Синод рассылал в духовные консистории епархий запросы о направлении определенного числа священников в ряды военных пастырей. Так, 23 мая 1915 г. указом Синода пяти епископам – Минскому, Могилевскому, Полоцкому, Курскому и Херсонскому – было поручено назначить по десять священников в распоряжение Г.И. Шавельского. К кандидатам выдвигались строгие требования: они должны были иметь надлежащее богословское образование, патриотический настрой, хорошее физическое здоровье, возраст до 45 лет [401, л. 1]. Их следовало снабдить церковными принадлежностями и книгами, а также сохранить за ними места по службе и содержание. Следует признать, что не все епархии отбирали кандидатов в соответствии с требованиями: «В 1915 году Полоцкое епархиальное начальство, по требованию Синода, избрало пятерых: четверо из них было в возрасте от 62 до 71 года, а пятый находился под судом. Конечно, ни один из них не был допущен протопресвитером на театр военных действий. При таком положении дела могли проникать в армию и не-

достойные» [432, с. 98–99]. Действительно, проконтролировать соответствие всех епархиальных священников требованиям было сложно ввиду их многочисленности.

Число священников на фронте увеличивалось и за счет добровольцев. На временную службу в ведомство протопресвитера они шли по разным причинам. Часть епархиальных иереев из чувства долга и патриотизма изъявили желание служить в воинских частях, считая, что этим они внесут свой вклад в победу. Другие же ставили перед собой более приземленные цели: служба в армии принесла бы значительный доход епархиальному священнику и его семье. Например, священник Пашковской церкви Могилевского уезда А. Билецкий просил архиепископа могилевского и мстиславского Константина разрешить поступить священником в действующую армию, так как Пашковский приход малочисленный и крайне скуден по обеспечению причта [80, л. 1].

Для добровольцев имело значение место назначения. В частности, когда духовенству епархий на территории Беларуси поступило предложение отправиться на временную службу в Галицию с сохранением своих приходов и содержания, гарантией дополнительных доходов, большинство благочинных заявило об отсутствии желающих обслуживать галичан [190, л. 5–6]. Иначе обстояла ситуация с поступлением в действующую армию [76, л. 1; 79, л. 1].

Протопресвитер, принимая на службу священников по специальному распоряжению и добровольцев, руководствовался не только уровнем их образования и соответствием месту службы, но и обращал внимание на их место проживания: он предпочитал священников из ближайших епархий, так как присылка их в армию требовала меньше затрат (прогонных) от казны и меньше времени на выезд [231, л. 95 об.]. Это позволяет сделать вывод о том, что многие из числа призванных с территории Беларуси епархиальных священников были назначены в части и учреждения Западного фронта.

С поступлением на временную службу в ведомство протопресвитера епархиальных иереев возникает ряд проблем, главной из которых стало сохранение за добровольцами мест по епархиальной службе, чтобы после войны они без проблем смогли вернуться в свои приходы, а также содержания по ним. Для призванных по мобилизационному расписанию и по специальным распоряжениям Синода и протопресвитера такой проблемы не было: указом Синода от 1 августа 1914 г. им гарантировалось сохранение места и содержания. При этом под содержанием

понималось казенное жалование, проценты с капиталов, доход от оброчных статей, выгоды от земли и квартиры в натуре, если такие имелись при церквях [264, л. 2–2 об.; 400, с. 294–295].

Добровольно командированные в распоряжение протопресвитера рассчитывали на то, что указ будет распространяться и на них. Но в скором времени некоторые из епископов направили в Синод замечание: так как поступающие в армию священники имеют очень достойное содержание, то сохранение за ними еще и содержания из местных источников представляется излишней премией, тем более что это осложняет обслуживание освободившихся приходов заместителями [393, с. 84]. На это Синод указом от 4 июня 1916 г. разъяснил, что на основное содержание и сохранение прихода могут претендовать только те, кто призван по мобилизационному расписанию. Кроме того, все, что не входило в основное содержание – кружечные и братские доходы, вознаграждения за требы, – получал заместитель [400, с. 295].

В ответ некоторые священники-добровольцы решением консисторий были лишены мест в епархиях и содержания по ним, так как были призваны не по мобилизационному расписанию. Нужно заметить, что подобные случаи имели место и до указа от 4 июня 1916 г. В прошении священника Горвельской церкви Речицкого уезда И. Загоровского на имя императора от 10 мая 1915 г. сообщалось о незаконном исключении священника из списков духовенства Минской епархии вопреки обещанию епископа оставить Гервельский приход за ним [195, л. 30]. Священник А. Шимановский из Борисовского уезда также был лишен содержания и отчислен от прихода по причине ухода на службу в армию [311, л. 1].

После указа Синода от 4 июня 1916 г. многие священники, ушедшие в качестве добровольцев в действующую армию, оказались под угрозой лишения епархиального прихода. В дело был вынужден вмешаться Г.И. Шавельский, рапорт которого послужил основой для указа Синода от 12 октября 1916 г. Ввиду сообщения протопресвитера о том, что в армии много священников, которые добровольцами ушли в армию до указа 4 июня 1916 г., но при условии сохранения места службы в епархии Синод распорядился не распространять июньский указ на священников-добровольцев, поступивших на службу в ведомство военного духовенства до 4 июня 1916 г., и сохранить за ними приходы и основное содержание [399, л. 1].

Позже указом Синода от 30 января 1917 г. в ответ на ходатайство протопресвитера об очередном командировании в его распоряжение

епархиальных священников было приказано направить в действующую армию добровольцев не менее 7 человек от епархии. При этом вопрос о сохранении за этими священниками должностей и содержания по епархиальной службе был предоставлен на усмотрение епископов [401, л. 1]. В соответствии с этим указом Могилевская духовная консистория отправила в распоряжение протопресвитера семерых священников, шестеро из которых сохранили свои приходы. Например, за священником К. Бекаревичем было сохранено право возвращения в приход, а семье предоставлялось право проживать в причтовом доме [75, л. 1]. Священник Дрибинской церкви П. Квятковский был отчислен от прихода, и на время его отсутствия приход был поручен иерею из Мстиславского уезда [77, л. 1]. Только одного из семи кандидатов Могилевской консистории – священника Городищенской церкви Горецкого уезда А. Керножицкого – было решено уволить с занимаемого места [401, л. 1 об.].

Полевая канцелярия протопресвитера и Духовное правление старались допускать в армию только тех добровольцев, у которых имелись бумаги, подтверждающие согласие духовной консистории на временный переход в военное ведомство священника, а также сохранение за ними прихода и содержания. Такие требования были обусловлены рядом причин. Это делалось с целью защитить ведомство протопресвитера от возможных претензий со стороны священников, получивших назначение в воинские части и учреждения временно. Ведомство опасалось, что не имеющие мест в епархиях по окончании войны потребуют компенсации годового жалования и просят предоставить им места в ведомстве протопресвитера [315, л. 401–401 об.].

Анализ переписки главного священника армий Западного фронта К. Богородицкого показал, что в случае отсутствия согласия со стороны епархиального начальства добровольцам отказывали [316]. Но даже если сама полевая канцелярия протопресвитера, в ответ на прошения добровольцев, делала запрос в соответствующую епархию, консистории чаще всего не соглашались на командирование. Такие примеры встречаются в епархиях на территории Беларуси. Так, на запрос о возможности отправить священника Мордашевичской церкви Оршанского уезда С. Глыбовского с сохранением за ним места по службе (август–сентябрь 1916 г.) архиепископ могилевский и мстиславский Константин «затруднялся» дать согласие на увольнение священника с сохранением прихода [84, л. 2]. Тот же архиепископ соглашался на отчисление священника Шамовской церкви Мстиславского уезда Н. Шафрановского в

армию, но при условии отчисления его от должности [92, л. 1]. Нежелание консисторий отпускать своих священников в армию объясняется тем, что в освобожденных епархиальных приходах ощущалась нехватка духовенства, а заместители не соглашались служить там ввиду малого вознаграждения [308, л. 15; 312, л. 2 об.].

При этом следует признать, что многие епархиальные священники, несмотря на отказ своих епископов в сохранении места, все равно уходили на службу в действующую армию. Они надеялись, что смогут закрепиться в постоянном штате военно-морского духовенства, или же рассчитывали без проблем найти место после войны. Некоторые добровольцы уже во время войны требовали у епархиального руководства сохранения прихода вопреки своему статусу добровольца. Примером этого может стать конфликт со священником А. Кадеем из Пинского уезда Минской епархии. Он, будучи добровольцем, назначенным во 2-й лазарет 64-й пехотной дивизии, в 1915 г. пытался вернуть себе право на епархиальное место. Но так как иерей ушел в армию вопреки предупреждению, что лишится прихода в случае зачисления в военное духовенство, Синод оставил ходатайство без удовлетворения [403, л. 140].

По мере наступления войск противника на территорию Российской империи многие священники были вынуждены спасаться бегством вместе со своей паствой. Обычно это происходило в суматохе, и многие необходимые для богослужения предметы, одежды, иконы оставались в брошенных церквях. Оказавшись в неоккупированных епархиях, священники-беженцы и их семьи часто находились в тяжелом материальном положении, не могли самостоятельно найти временный заработок. Когда стало ясно, что вернуться на свой приход в ближайшее время не представляется возможным, многие стали просить помощи у местных консисторий и Синода.

24 октября 1915 г. был издан указ Синода «Об устройении судьбы беженцев-клириков». Он преследовал целью защитить лишенных работы и дома священников. Для этого всем епископам было поручено предоставлять духовенству оккупированных епархий возможность временно исполнять священнические обязанности на имеющихся вакантных местах. Причем предоставлять их можно было без согласования с епископами тех епархий, где служили беженцы. Важным условием было наличие удостоверения личности духовного лица и документов, подтверждающих право на исполнение пастырских обязанностей [73, л. 301; 286, л. 2–2об.].

Этот указ был также адресован и протопресвитеру военного и морского духовенства, так как на его имя и имя главных священников армий фронтов поступали прошения о назначении в армию. Главный священник армий Западного фронта К. Богородицкий писал, что за последние два месяца (документ датируется октябрём 1915 г.) ему ежедневно поступали прошения от священников занятых неприятелем приходов о предоставлении им мест в армиях Западного фронта вследствие «полного разорения их и неимения средств на прокормление их семейств» [35, л. 117].

Можно привести лишь несколько из множества примеров таких ходатайств. Священник Зельвской церкви Гродненской епархии С. Скворцов подал прошение протопресвитеру об устройстве на службу в действующую армию: «По военным обстоятельствам по требованию военных властей я выселен в августе месяце с.г. из пределов своего прихода и до сих пор нахожусь без всяких занятий... я крайне нуждаюсь в получении какой-либо должности, чтобы поддерживать свою немалую семью» [315, л. 101]. Его было решено назначить в 1-й лазарет 42-й пехотной дивизии вместо служившего там иеромонаха. Священник Сынковичской церкви Гродненской епархии П.А. Макаревич писал главному священнику армий Западного фронта и просил назначить его в действующую армию: «...Я беженец. Имущество мое погибло. Я остался без средств к жизни» [83, л. 163]. Его отправили на службу в запасной батальон.

Епархиальные консистории не препятствовали поступлению на службу в армию священников-беженцев. Однако указывали на то, что оставляют за собой право отозвать его в случае необходимости. Например, в 1916 г. архиепископ Гродненский и Брестский писал главному священнику Западного фронта, что согласен оставить до конца войны в армии тех священников, которые назначены во фронтовые части и учреждения, а беженцы, служащие в тылу, будут вызваны в епархию по мере освобождения их приходов [194, л. 31; 261, л. 49].

Вкладом ведомства военного и морского духовенства в устройство беженцев стало поручение главным священникам армий фронтов предоставлять места в армии в первоочередном порядке тем из них, кто был пригоден к службе на театре военных действий [73, л. 347–347 об.; 286, л. 2 об.]. Изучение рапортов и донесений главного священника армий Западного фронта позволяет сделать вывод, что среди назначавшихся священников было большое число выходцев из Гродненской епархии,

что объясняется занятием территории епархии противником и эвакуацией священников с мест своей епархиальной службы [393, с. 84]. По данным РГИА можно сделать вывод, что большая часть этих священников была отправлена в военно-санитарные поезда и лазареты [198]. Помимо Гродненской, встречаются представители Минской, Литовской епархий. Так, за период с сентября 1915 по май 1916 г. на имя главного священника армий Западного фронта поступило 26 прошений от белорусского духовенства, из которых абсолютное большинство было из Гродненской и Минской епархий [241, л. 403–404; 331, с. 34].

Что касается обеспечения священников-беженцев, то в разъяснении управления дежурного генерала при штабе Верховного Главнокомандующего от 4 февраля 1916 г. сообщалось, что беженцам, назначенным на штатные должности священников, полагается жалование по этим должностям. Вопрос о сохранении за таким духовенством приходского жалования должно было решать епархиальное начальство. При этом если таковое жалование было решено выплачивать, то ни в коем случае не из военного фонда [315, л. 258–258 об.]. Также по распоряжению протопресвитера военного и морского духовенства беженцы были лишены права получения единовременных пособий военного времени. Это решение объяснялось тем, что, состоя на службе в армии, священники сохраняют содержание и по занимаемым в епархии местам, а получать полное содержание по двум вакансиям нельзя [315, л. 697–697 об.]. Поэтому беженцы при поступлении на службу в ведомство протопресвитера давали подписку о согласии служить за одно жалование и полевые порции, но без права получения пособий военного времени [198, л. 21, 26]. Например, главный священник армий Западного фронта сообщал беженцу из Гродненской епархии Н. Балицкому, что он назначен в 107-й военно-санитарный поезд с правом получения жалования по этой должности и полевых порционов, а также денег на получение дров для варки пищи, хлебопечения, отопления и на освещение, но без права на другие виды денежного довольствия [198, л. 105 об.].

Устройство беженцев было использовано ведомством военного и морского духовенства как возможность избавиться от части поступивших в воинские части и учреждения иеромонахов. Во-первых, это делалось, чтобы избежать расходов для казны, связанных со службой иеромонахов [35, л. 2 об.], а во вторых – чтобы заменить несоответствующих требованиям, оставив в армии наиболее достойных из них. В большинстве своем иеромонахи были уже в возрасте, физически сла-

бые и, что самое важное, не имеющие достаточной подготовки и уровня образования. Еще 12 октября 1915 г. главный священник армий Западного фронта писал священнику штаба 10-й армии С. Конопатову, что госпитальные иеромонахи «люди одинокие, нередко уже преклонных лет и после 15-ти месяцев военно-походной жизни уставшие и нуждающиеся в продолжительном отдыхе, а иногда и серьезном лечении» [35, л. 117]. Ввиду этого главный священник предлагал штабным священникам подготовить списки иеромонахов, которых можно было бы отчислить в монастыри, а на их места назначить беженцев.

Идея замены иеромонахов иереями была поддержана не только главными и штабными священниками, но также командирами частей и главными врачами госпиталей. Так, главный врач 408-го полевого запасного госпиталя, расположенного в м. Раков (сейчас Воложинский район Минской области), согласился с заменой иеромонаха, руководствуясь, с одной стороны, необходимостью оказать помощь священникам-беженцам, обремененным семьей, а с другой – удалить служащего в госпитале иеромонаха о. Иоанникия как человека болезненного и крайне скудного образования [35, л. 149]. Иеромонах 11-го полевого запасного госпиталя, находящегося в составе Западного фронта, был отчислен в августе 1916 г. по причине «болезненного состояния и необходимости дать место весьма нуждавшемуся в средствах священнику-беженцу, который, как получивший полное богословское образование, принесет больше пользы, чем не получивший образование иеромонах» [317, л. 131]. Начальник 9-го головного эвакуационного пункта в г. Лунинец писал о ненадлежащем образовательном уровне служащих в госпиталях иеромонахов: «Оба эти иеромонаха – люди не только без всякого образования, но люди едва грамотные... совершенно не могут быть терпимы в госпиталях, так как они не только не в состоянии вести каких-либо бесед духовно-нравственного содержания с больными и ранеными, но они не в состоянии дать даже надлежащее разъяснение прочитанному Св. Евангелию» [82, л. 67–67 об.]. Поэтому начальник пункта просил заменить иеромонахов образованными священниками.

Такая ситуация, безусловно, вызывала недовольство со стороны иеромонахов, так как служба в армии давала доход, а для некоторых и определенные свободы, невозможные в стенах монастырей. Поэтому многие писали прошения на имя главных священников о возвращении на службу в армию. Например, прошение бывшего священника 1915-го полевого подвижного госпиталя иеромонаха Филарета на имя К. Бо-

городицкого от 2 июня 1916 г. Так как поводом для отчисления иеромонаха стало отсутствие у него «красноречия», то иеромонах просил, в силу своей силы и бодрости, направить его если не в госпиталь, то в военно-санитарный поезд или туда, где больные часто сменяются. Там, по мнению иеромонаха, по состоянию здоровья паства не нуждается в долгих речах, а лишь в «ласковом участливом слове, беседе, напутствии и утешении», что вполне в его силах дать [316, л. 240–240 об.]. Главный священник армий Западного фронта оставил это прошение без удовлетворения.

При отправлении на фронт духовенство должно было уведомить главного священника об отъезде из дома или старого места службы и о прибытии на место назначения. Часто в вызовах на службу не указывалось место дислокации части или госпиталя, ввиду чего священнику следовало выехать в распоряжение полевой канцелярии или к главному священнику, где ему уже сообщали непосредственное место службы. Если священник не мог отправиться в поход по состоянию здоровья, то назначалась медицинская комиссия, по решению которой он увольнялся от службы [168, с. 240].

В некоторых исследованиях выдвигается идея о том, что в действующей армии на протяжении всей войны не хватало военных священников [131; 132, с. 49; 144, с. 184–190; 412, с. 29]. Но была ли нехватка священников в действующей армии серьезной проблемой?

По утверждению протопресвитера военного и морского духовенства, в мирное время православный священник полагался на 1800–2000 человек, а в военное время – на 4000–12000 человек [281, л. 187–187 об.]. К.Г. Капков указывает, что к 1917 г. на одного священника приходилось 3200 человек [132, с. 49]. При этом, основываясь на архивных данных, в армии на начало 1917 г. находилось не менее 2800 священнослужителей (по другим данным – 3025) [167, с. 90; 366]. Если принять за основу, что в среднем в действующей армии, без учета раненых и попавших в плен, находилось от 7 до 8 миллионов человек, то число солдат на одного священника сокращается до 2500–2800. По данным М.С. Корзуна, к концу 1916 г. в армии было 6,5 миллионов человек, что еще больше сокращает число солдат на одного священника [142, с. 219]. Даже с учетом пополнения частей новыми кадрами (при сохранении священником его места), и реформирования частей мы видим, что нехватка священников в армии выглядит несколько преувеличенной. Подтверждением этого факта являются частые отказы канцелярии

при протопресвитере военного и морского духовенства просителям в назначении на должности по ведомству.

Рассмотрим эту проблему на основе архивных материалов [76; 83; 231; 232; 258; 276]. Ходатайства священников из епархий отклонялись по разным причинам. Добровольцам единогласно отказывали, если они не предоставляли отзыв из епархиальной консистории. Обычно в нем указывалось, обладает ли священник достаточной подготовкой и способностями, чтобы обслуживать воинские части, не состоит ли он под судом. Также следовало высылать послужной список. При отсутствии этих бумаг кандидатура священнослужителя не рассматривалась. Отказывали священникам, не имеющим достаточного образовательного уровня. И, конечно, канцелярия не могла взять на службу священника, если не имелось свободных мест. В вышеперечисленных случаях канцелярия или оставляла прошения без ответа, или же следовали такие резолюции протопресвитера, как «Отклонить», «Отклонить за неимением мест», «Отклонить ввиду большого числа кандидатов», «Отклонить, так как есть более достойные кандидаты» [82; 83; 231; 232; 275; 276]. Заметим, что нехватка священников имела место в начале войны: речь идет о госпиталях, саперных и железнодорожных батальонах, артиллерийских бригадах [431, с. 201]. В артиллерийских бригадах, например, эта проблема оставалась актуальной на протяжении войны. Но в целом следует признать, что проблема нехватки священников в действующей армии в историографии преувеличена: она имела место только в некоторых воинских формированиях.

С поступлением на службу в ведомство протопресвитера епархиальных священников армия пополнялась лицами, не всегда имеющими достаточный уровень образования и пастырского опыта. Если священники-добровольцы представляли документы, подтверждающие их способность служить в армии, то по отношению к, например, священникам-беженцам ведомство протопресвитера вынуждено было быть снисходительным. «Руководство военным духовенством, – писал протопресвитер, – затруднялось тем обстоятельством, что армия переполнялась мобилизованными, взятыми из епархий, не знавшими духа, условий военно-духовной службы священниками» [144, с. 150]. Епархиальные священники, попав в армейскую среду, пытались устроить свою деятельность по принципу службы в приходе, т.е. с опорой на культовую деятельность, в то время как военному священнику полагалось не только отправлять требы, но и заниматься патриотическим воспитанием

солдат. Отчасти у ведомства протопресвитера не было выбора. Следовало замещать выбывших священников, назначать на новые места, а в его распоряжении были только предлагаемые кандидаты из епархий, в большинстве своем не имеющие достаточного опыта, образования и не понимающие значение такой службы. Все, что оставалось ведомству, – выбрать из предложенных кандидатов наиболее подходящих.

Таким образом, помимо штатных священников ряды ведомства протопресвитера пополнило епархиальное духовенство. Это были призванные по мобилизации и специальным распоряжением Синода, а также добровольцы и беженцы. При этом далеко не каждый подходил для работы с военнотрудовыми.

Накануне и во время Первой мировой войны осуществлялась модернизация института православного военного духовенства путем усложнения его структуры управления. Важную роль в этом сыграл Г.И. Шавельский, проявивший себя как инициативный и деятельный протопресвитер. Введение в штаты военного времени новых должностей и управлений преследовало целью создать оптимально работающую систему, в рамках которой обеспечивалась бы связь от протопресвитера до рядового духовенства. Изучение опубликованных, а также совершенно новых архивных источников позволили полностью восстановить все элементы управления православным военным духовенством и установить особенности их работы в годы Первой мировой войны.

Позитивный характер носила практика уточнения должностных обязанностей православного военного духовенства. До Первой мировой войны священники не имели четких и полных инструкций, имеющиеся нормативные документы не разъясняли порядок службы в военное время. Эта проблема была успешно решена в годы Первой мировой войны. Теоретической основой для осуществления деятельности стала памятка полковому духовенству, обязательная для всех священников ведомства, а также ряд специальных инструкций и циркуляров, определяющих службу духовенства разных частей и учреждений. Основываясь на этих документах были выделены категории рядового военного духовенства: помимо полковых, на территории Беларуси осуществляли работу госпитальные, артиллерийские, священники распределительных пунктов, военно-санитарных поездов, священники запасных частей, а также особые категории духовенства в лице миссионеров и проповедников.

По количеству военных священников Западный фронт уступал только Юго-Западному. Распространенное в историографии утверждение о постоянной нехватке священников в армии представляется преувеличенным. В годы Первой мировой войны в армии служили как штатные священники, так и призванные из епархий на временную службу. Мобилизация духовенства из епархий на территории Беларуси шла несколькими путями: по мобилизационному расписанию 1910 г., распоряжениями Синода, поступлением на службу добровольцев и устройством беженцев.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В РОССИЙСКОЙ АРМИИ (АВГУСТ 1914 – МАРТ 1917 г.)

Особенности организации и осуществления культурной деятельности православного военного духовенства на территории Беларуси

Исследование деятельности православного военного духовенства в пределах территории Беларуси обосновано рядом особенностей этого региона в годы Первой мировой войны. Отметим, что территория Беларуси практически полностью входила в состав сначала Северо-Западного, а после – Западного фронта. А потому служащие здесь священники находились в подчинении управления главного священника армий Западного фронта, чем обосновывается выделение этой части духовенства из общего числа священников ведомства.

Кроме того, особенности деятельности православного военного духовенства напрямую связаны со спецификой этого региона.

Большое влияние на службу православного военного духовенства оказало нахождение на его территории Ставки Верховного Главнокомандующего (сначала в Барановичах, после – в Могилеве). Размещение на территории фронта центра военного командования армий Российской империи требовало более внимательной и ответственной идеологической работы с военнослужащими. Священникам следовало предупреждать возможные волнения, стараться препятствовать росту популярности революционных идей в непосредственной близости к Ставке. Ведомство протопресвитера понимало, насколько опасным может быть нарастание здесь недовольства среди солдат. И действительно, армии Западного фронта сыграли важную роль в революционных событиях 1917 г. Поэтому в дореволюционный период работа военных священников здесь подкрепляла установленный порядок.

Еще одна особенность заключается в том, что линия фронта здесь проходила по территории с преимущественно православным населением, что не могло не сказаться на службе военного духовенства. Для сравнения: Северный фронт проходил по Прибалтике (Рига–Двинск), где было преимущественно католическое и протестантское население, Юго-Западный установился на занятой австро-венгерской территории с преимущественно униатским населением, Кавказский – в регионе

компактного проживания мусульман, армяно-григориан. Это создавало более благоприятные условия для работы православных военных священников: им был доступен весь ресурс, который могли предоставить местные православные епархии, будь то помещения для служб, культовые принадлежности, помощь в организации работы и прочее. Конфессиональный состав населения сказался на самой деятельности священников, в частности организации служб и погребений для местного населения.

Крайне важной особенностью стало нахождение на территории Беларуси протопресвитера и его полевой канцелярии. Пребывание Г.И. Шавельского при Ставке поставило духовенство Западного фронта под его особый контроль. В отличие от Кавказского (где Г.И. Шавельский побывал один раз за всю войну [432, с. 179]), Румынского, отчасти Юго-Западного (там контроль осуществлял представитель протопресвитера военного и морского духовенства в генерал-губернаторстве областей Австро-Венгрии [432, с. 37]) и Северного фронтов основные свои поездки протопресвитер совершал по территории Западного. А в процессе этих поездок им проводилась проверка работы подведомственного духовенства. Исходя из этого служба священников здесь была под пристальным вниманием протопресвитера и его ближайших помощников.

Свою роль сыграла развитая железнодорожная сеть и относительная близость крупных городов, что позволило священникам обеспечить себя всем необходимым для работы.

Все вышеперечисленные факторы должны были сформировать исключительно ответственное отношение военных священников к своей работе. Для этого в пределах данного фронта были наиболее благоприятные условия.

Исследователи уже предпринимали попытки систематизировать деятельность православного военного духовенства по направлениям (видам) [19, с. 56–57; 28; 70, с. 127; 187, с. 276; 328]. По нашему мнению, деятельность православного военного духовенства можно разделить на культовую и внекультовую [381, с. 80]. Культовая деятельность включает в себя все, что имеет отношение к священнослужению, внекультовая же вбирает в себя религиозно-нравственное воспитание, просветительскую работу и благотворительность.

Рассмотрим, как на практике осуществлялась деятельность духовенства на территории Беларуси в дореволюционный период войны.

Культурная деятельность являлась одним из основных направлений работы военного священника. Ее следует понимать в широком смысле. В это понятие включаются богослужения, таинства, исполнение треб и обрядов, а также создание условий для их осуществления (например, организация церквей и хоров).

Деятельность военного духовенства была направлена на укрепление военнослужащих в вере в Бога, преданности царю и государству. Для этого военнослужащие принимали участие в службах, таинствах и обрядах. Считалось, что посредством культурной деятельности военного духовенства можно не только поддерживать религиозность солдат, но и направлять их восприятие текущих общественно-политических событий в правильное русло, формировать требуемое отношение к действующей власти.

Большое значение в российской армии придавалось богослужениям. Под богослужением понимается внешнее выражение религиозной веры в молитвах и обрядах. Считалось, что в условиях боевых действий, да и в целом военного времени, среди военных, особенно нижних чинов, растет потребность в духовной поддержке, а постоянная опасность и близость смерти вынуждает солдат задумываться о вопросах вечности и бога [436, с. 4]. Кроме необходимости удовлетворения религиозных нужд солдат, посредством богослужений осуществлялось благословение на ведение боевых действий, распространялась идея «богоугодности» войны. Это вызывало внутренний конфликт верующего человека, вынуждая отступиться от заповеди «не убий». Следует признать, что не каждый военнослужащий руководствовался своими религиозными потребностями при посещении богослужений. Г.И. Шавельский накануне войны писал, что к церкви чины армии часто тянутся ввиду отсутствия развлечений и однообразия жизни [436, с. 4]. И действительно, в начале XX в. особо заметной становится секуляризация сознания российского общества. Участие в религиозной жизни в большей степени становится желанием следовать общепринятым нормам и традициям, а не религиозным нуждам. Православная церковь оставалась частью системы, но уже теряла позиции в сознании людей. Война только ускорила этот процесс.

Здесь следует указать на тот факт, что православные богослужения носили обязательный характер для военнослужащих. Их организация регламентировалась «Уставом внутренней службы», утвержденным 23 марта 1910 г. (в работе используется «Устав внутренней службы» с изменениями по 15 марта 1916 г.). Согласно Уставу ответственность

за организацию богослужений возлагалась на командиров частей. Они должны были определять, когда и какие роты должны посещать церковные службы, поститься и причащаться, или «говеть». Для говения назначалась неделя, во время которой солдаты освобождались от выполнения нарядов, кроме нарядов внутренней службы в своих ротах (их могли заменить неправославные военнослужащие). Если офицеры или нижние чины не имели возможности говеть в церкви своей воинской части, то они должны были предоставить свидетельство от своего духовника об исполнении этой обязанности [407, с. 180]. В табельные и праздничные дни, накануне служб и когда их нет, нижние чины православного исповедания отпускались в церкви в соответствии с порядком, установленным командирами частей [138, с. 43]. В дни же больших православных праздников все наряды в части по возможности должны были осуществлять лица, не исповедующие православие. Такой обязательный характер проведения богослужений имел негативные стороны. Посещение церкви не по желанию, а по «указке» сделало в понимании многих солдат это действие простой формальностью, не связанной с реальной духовной потребностью. Формальность подтверждается также тем фактом, что во многих воинских формированиях не было распоряжений о проведении утренней молитвы по причине того, что о ней не было указаний в «Уставе внутренней службы» [3; 147, с. 32]. Посты также соблюдались не всегда даже в мирное время. Такое положение вещей все чаще заставляло солдат задаваться вопросом: насколько необходимы богослужения и в целом удовлетворение религиозных потребностей усилиями многочисленного штата военных священников.

С началом войны протопресвитер неоднократно обращался к подведомственному духовенству с требованием уделять внимание богослужениям, отмечая их особое значение в военное время: «Индифферентизм в эту пору у большинства [солдат] отпадает, сомнения мирного времени забываются, душа ищет отдыха в таинственном, жаждет общения с Богом» [337, с. 9]. А потому долг военного священника – частое проведение богослужений. Отсутствие таковых, по мнению Г.И. Шавельского, являлось несправедливостью по отношению к солдатской массе, лишением ее духовного «утешения».

Чтобы богослужение оказывало должное действие, оно должно было совершаться «благоговейно и разумно». «Благоговейность» заключалась в грамотном и аккуратном ведении служб, ведь священника слушают «тысячи ушей, на него устремлены тысячи глаз, следящих за

каждым его словом, за каждым его движением». А потому допущенные небрежность, непристойность и суета могут вызвать осуждение и оскорбление верующих [300, л. 310].

«Разумность» же подразумевала такую организацию богослужения, чтобы слушатели смогли понять его содержание. При этом следовало укладываться во временные рамки: в военное время службы не должны были быть долгими, так как армейская жизнь была строго регламентирована. Кроме того, солдатам, и без того устающим от несения военной службы, было необходимо выделять время на отдых. Поводом для напоминания духовенству о продолжительности богослужения стала ситуация, произошедшая в мае 1916 г., когда при посещении императором божественной литургии, которая длилась 1 час и 40 минут вместо часа, сбился порядок его трудового дня [422, л. 45]. Поэтому духовенству предлагалось сокращать службу, но сокращать разумно, избегая безграмотного урезания. Г.И. Шавельский даже обращался в Синод с просьбой разрешить сократить службы за счет церковных пеней, на что прямого согласия не получил, но ему позволили принимать решение на свое усмотрение. Сокращение длительности богослужений было вызвано не только экономией времени, но и особенностями места служения. Так, в лазаретах и госпиталях рекомендовалось сокращать службы за счет стихирь, псалмов, кафизм, тропарей на канонах [337, с. 20]. Это делалось для того, чтобы не слишком утомлять пациентов.

Перечень богослужений в армии не отличался от общепринятого, хотя и имел особенности в организации и проведении. Так, духовенство воинских частей, госпиталей и лазаретов совершало их во все воскресные, праздничные и высокочестивые дни. В неподвижных церквях и храмах богослужения совершались одновременно с епархиальными церквями. Совершать суточный цикл богослужений ежедневно было невозможно. Это объясняется объективными причинами – нахождением полка в пути к месту назначения, участием в боевых действиях, отступлением. Поэтому священник должен был использовать любой удобный момент для богослужения. В основном речь идет о говении и причащении нижних чинов и офицеров, а также о всенощных и молебнах.

В первую очередь следует рассмотреть особенности проведения богослужений в действующей армии. Здесь можно установить разницу между культовой деятельностью во время боевых действий, во время передислокации и отступления, а также пребывания на длительном отдыхе.

Священники частей, принимающих непосредственное участие в боевых действиях, в большинстве своем отмечали случайный характер служб. Только находясь на отдыхе или в резерве, им удавалось сколько-нибудь наладить богослужебную работу. В отчете благочинного 20-й гвардейской кавалерийской дивизии В. Малаховского сообщалось о богослужебной деятельности в период, когда части, в которых служил названный священник, перемещались вверх по Бугу на защиту Бреста. Во время переброски частей они регулярно вступали в стычки с войсками противника. В таких условиях не было времени на отдых, не то что на организацию богослужений: «молились, как могли. Конечно, о богослужении в этот период и речи быть не могло» [273, л. 34 об.]. Все, что в таких обстоятельствах было возможно сделать, – это служить короткую молитву перед боем. Когда части дивизии остановились в районе м. Телеханы на Огинском канале (сейчас Ивацевичский район Брестской области), то есть войска не перемещались, а находились на позиции, священнику удалось организовать богослужения под открытым небом, в основном всенощные бдения и обедни [273, л. 36 об.]. И совершенно иная обстановка наблюдается в полках этой же дивизии в период с 24 ноября 1915 г. по 2 января 1916 г., когда они были отведены на отдых в район Полесских железных дорог (м. Кожан-Городок, станция Лохва (сейчас Лунинецкий район Брестской области)). Здесь в распоряжение духовенства дивизии были переданы местные церкви и богослужебная жизнь стала полноценной [273, л. 37].

Известны примеры богослужебной деятельности в период ведения боевых действий севернее, в районе Гродненской крепости. В отчете за 1915 г. благочинного 26-й пехотной дивизии М. Радугина описывается работа духовенства дивизии во время пасхальных праздников. Оно обслуживало части, переброшенные на защиту Гродно в район м. Сопоцкин (сейчас Гродненский район Гродненской области). Так как роты были разбросаны по хуторам, священник совершал богослужения повзводно: солдаты выходили во дворы, где организовывалось пение пасхального молебна [313, л. 113–114 об.]. На протяжении трех дней и Благовещения этот священник утром и вечером совершал богослужения. Также служили и другие священники дивизии.

Специфика организации служб во время отступления из Виленской и Гродненской губерний хорошо прослеживается в отчетах 1915–1916 гг. В большинстве случаев священники указывали на невозможность или, по крайней мере, редкий случай для организации службы.

При отступлении обычно ограничивались короткими молебнами, а деятельность священников была в основном связана с помощью раненым и умирающим. Благодичный 63-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся осенью 1916 г. в районе Рогачева, писал, что служить во время отступления удавалось редко, по мере возможности. Но с сентября, при переходе к позиционной войне, богослужения стали совершаться регулярно, полковые священники посещали окопы передовых линий, где периодически служили молебны с окроплением их водой и всенощные бдения [73, л. 937 об.]. Так обстояла ситуация в войсках, участвующих в боевых действиях.

Богослужебная деятельность осуществлялась и в гарнизонах. В крепостях, находящихся на театре военных действий, было сконцентрировано большое число военнослужащих, что могло серьезно осложнить работу духовенства. Было необходимо найти время, в которое формирования смогут говеть, а также подготовить для этого достаточно вместительные помещения. Например, в Гродно, накануне Великого поста, начались бои за близлежащие к городу районы. Только когда боевые действия немного ослабли, священником Д. Храпко было принято решение применить общую исповедь и организовать говение в цементном сарае, превращенном в импровизированный храм [418, с. 186].

В неподвижных церквях военного ведомства, находящихся на территории Беларуси, с проведением богослужений проблем не было. Обстановка здесь носила достаточно спокойный характер, не представляло труда достать все необходимое для совершения служб как со складов ведомства протопресвитера, так и из епархиальных запасов. Особенно это касалось военно-местных церквей, при которых остались военные священники. Например, в военно-местной Михайловской церкви в Могилеве в 1915 г. служба совершалась во все высокаторжественные, воскресные и праздничные дни [251, л. 28 об.].

Иначе обстояла ситуация в госпиталях и лазаретах. Если это были полевые подвижные госпитали, то там были проблемы не только со снабжением священников всем необходимым, но и с организацией богослужений для всего или хотя бы части госпиталя ввиду состояния больных и раненых. Ситуация в госпиталях, расположенных в тылу, была несколько лучше. Так, в 299-м полевом запасном госпитале в Могилеве в 1916 г. накануне всех праздников совершались всенощные бдения, а в праздничные дни все суточные богослужения, включая литургию. На службах присутствовали как больные, так и свободные от

занятий нижние чины, сестры милосердия, врачи [272, л. 206 об.]. В госпиталях Пинска в 1915 г. священники по воскресным, праздничным и высокаторжественным дням регулярно совершали богослужения в госпитальных храмах, а в отделениях госпиталей служили всенощные бдения [185, л. 438]. Схожая ситуация фиксируется и в других госпиталях, размещенных на территории Беларуси [73, л. 639 об.; 325, л. 21].

Обслуживание госпиталей осложнялось тем, что порой священников не хватало: кто-то был в отпуске, кто-то в командировке, некоторые места были вакантными. В таких случаях наличному духовенству предлагалось взять на себя обязанности по обслуживанию тех учреждений, которые не имели своего духовенства. Например, в Полоцке в 1916 г. на десять госпитальных священников приходилось пятнадцать военных госпиталей со штатными священниками, одиннадцать госпиталей Красного Креста и до пятнадцати разных военных команд и учреждений, и с этой нагрузкой они успешно справлялись [71, л. 273]. Это считалось посильной задачей, так как работа в госпитале не требовала больших усилий. На этой почве нередко возникали конфликты: священники отказывались обслуживать не свои лечебные заведения, не подчинялись приказам благочинных, а руководство госпиталей не отпускало их ввиду необходимости их пребывания по основному месту службы [35, л. 58 об.].

В запасных частях на протяжении всей войны число священников было недостаточным для того, чтобы в полной мере обслуживать новобранцев. Для решения этой проблемы в ноябре 1916 г. духовенство запасных частей Западного фронта предложило в ротах, которые не участвовали в богослужебных нарядах, совершать общую молитву в их бараках в присутствии офицеров [317, л. 491]. Особенностью запасных частей в силу их многочисленности (в них могло быть более 10 000 человек) стало проведение общей исповеди [392, с. 53].

Военные священники обслуживали не только воинские формирования, госпитали и лазареты. Нередко им приходилось также проводить службы для местного населения. Обычно это происходило в случаях, когда епархиальное духовенство эвакуировалось или бежало по мере приближения врага [71, л. 334].

Особое внимание уделялось исповедям, молебнам, крестным ходам. Исповедь в советской историографии получила негативную оценку. Считалось, что полученная информация сообщалась священниками в государственные органы (указ Синода от 1722 г.) [45, с. 19; 127, с. 29].

«Армейскому духовенству была дана установка, – писал Д.И. Сидоров, – внимательно следить за их настроениями и при помощи исповеди выяснять неблагонадежных для предания военно-полевому суду» [354, с. 58]. Г.А. Суглобов о госпитальном духовенстве писал: «Священник ... строчил и донос по команде, где сообщал полученные сведения о революционерах, дерзких солдатах и настроениях нижних чинов» [396, с. 36]. Необходимо отметить, что во время войны к индивидуальной исповеди прибегали редко, широкое распространение приобрела исповедь общая. Она, конечно, не оказывала психологическое и религиозное воздействие исповеди индивидуальной, но была необходима в целях экономии времени. Случаи общей исповеди зафиксированы в Гродно (1915 г.), на р. Щара (1916 г.) [42, с. 369]. Например, в Гродно, узнав, что исповедь будет общей, отдельно исповедоваться пожелало лишь 60 человек из 6000 солдат и 4-х госпиталей [418, с. 186]. Принудительный и всеобщий характер превращали исповедь в профанацию. Священное действие, к которому человек должен был обращаться в моменты раскаяния и примирения с собой, признания своих ошибок, теряло значение. Это не могло не сказаться на отношении к религиозным обрядам в армии, а также отношению к священнику.

Для наибольшего воздействия на религиозные чувства военнослужащих и подъема патриотических настроений священники устраивали молебны и крестные ходы, освящение знамен. Молебны обычно устраивались или в благодарность за что-то, или с произнесением просьб к Богу. В военное время молебны служили в связи с победами на театре военных действий, за успехи в предстоящих сражениях, в том числе и перед боем [71, л. 379; 88, л. 1–1 об.; 223; 320, л. 550 об.]. Например, в одном из отчетов встречается упоминание о молебне, проведенном в Полоцке, который был приурочен к взятию Перемышля 9 марта 1915 г. Весь город был украшен национальными флагами и повсюду раздавался колокольный звон, призывающий горожан к молитве [320, л. 550 об.]. Молебнами сопровождалось отправление войск на фронт – торжественно, с крестным ходом (с запрестольным крестом, хоругвями и иконами) и пением, освящением полковых икон, при участии всего гарнизонного духовенства [300, л. 313 об.].

Что касается крестных ходов, то на фронте они чаще всего организовывались для поминовения погибших солдат. Они сопровождалась колокольным звоном, шествием с несением крестов и икон, пением. Например, в крестном ходе в Рогачеве в феврале 1916 г., организованном

в память о погибших, приняло участие 7 священников, было большое число икон, крестов и хоругвей, пели сведенные госпитальные хоры [73, л. 495 об.–496].

Крестные ходы устраивались и по поводу прибытия на фронт известных икон. На их доставку в армию затрачивались немалые людские и финансовые ресурсы. Для этого назначались специальные сопровождающие, организовывался транспорт. Иногда иконы высылали в посылках: «Армия, – писал Б. Кандидов, – была засыпана подобными святостями» [127, с. 79]. Обширная переписка была посвящена иконе Владимирской Божьей матери, которую привозили в армии Западного фронта. Во всех населенных пунктах, где она останавливалась, следовало собрать все части для благословения и молебнов, крестных ходов [316, л. 224]. Во многом такое внимание было связано не столько с воздействием икон на солдат и офицеров, сколько с тем, что инициатором часто выступала императрица. О ее вере в мистику было известно многим. «Разные же сновидцы и предсказатели, – вспоминал Г.И. Шавельский, – то и дело сообщали ей... о своих вещих снах и видениях, которые иногда сводились к тому, что следует лишь в Ставку или на фронт привезти такую-то Чудотворную икону, и тотчас Господь пошлет армии победу» [432, с. 72–73]. Сам протопресвитер скептически относился к этому, крестные ходы с прибывающими иконами называл неуместной «мистикой», отнимающей силы и время у священников, и без того занятых большим числом обязанностей [105, с. 36; 377, с. 88]. Но понимая, что открыто высказанное несогласие будет воспринято как критика императрицы, протопресвитер принимал иконы в Могилеве и направлял их на фронт.

Об освящении знамен полков найти достаточное число информации не удалось, поскольку все посвященные этому дела, хранящиеся в РГИА, выбыли (вероятно, расшиты по фондам полков). Обычно оно осуществлялось в торжественной обстановке при участии всех свободных чинов полка (как солдат, так и офицеров). Часто в освящении знамен принимало участие все наличное духовенство дивизии или гарнизона [71, л. 352]. Например, в мае 1916 г., незадолго до Барановичской операции, торжественно было освящено новое знамя Скопинского пехотного полка. Освящение началось с церемонии прибавки: ударами серебряного молоточка в новое древко знамени вколачивали гвозди все – от командира корпуса до представителей от рот (фельдфебеля, унтер-офицера и двух нижних чинов). Потом знамя поднесли к аналою

и была прочитана грамота о даровании нового знамени, после чего началось освящение. Освящение происходило в форме молебна, пел хор полковых певчих, читалась молитва об освящении. Знамя и люди окроплялись водой, после чего следовала присяга на верность [165, с. 437].

Анализ отчетов священников и благочинных показал их тенденциозность. Начиная с 1914 г. и до января 1917 г. сложно встретить в них сообщения о недобросовестной работе духовенства, а равно и упоминания об изменении отношения к службам военнослужащих. Такие факты появляются в отчетах только на рубеже 1916–1917 гг. Даже формулировки сообщений о богослужебной работе на Западном фронте схожи: «священники благочиния добросовестно исполняют свои обязанности» (1915 г.), «все религиозные нужды удовлетворялись духовенством гарнизона в должной мере» (1916 г.), «богослужения с участием благоустроенного хора совершались неопустительно накануне праздничных и табельных дней и в эти самые дни» (1916 г.), «по воскресным и праздничным дням в церкви неопустительно совершалось... богослужение» (начало 1917 г.) [185, л. 394; 273, л. 54 об.; 318, л. 612, 640]. Положительно оценивается работа священников в письмах Г.И. Шавельского, его воспоминаниях [123, с. 143–148; 377].

Встретить критику, указание на недобросовестность можно только в анонимных сообщениях на имя протопресвитера и главных священников, в рапортах командиров и главных врачей. Из них мы узнаем, что не каждый священник выполнял свои обязанности добросовестно, и более того, известны случаи неподобающего положению и статусу поведения. Приведем некоторые примеры. В анонимном письме из Дорогобужа, датированном 4 августа 1916 г., сообщалось, что священник 136-го маршевого запасного батальона служил в пьяном виде: «Пьяным исповедует и совершает богослужение, недавно выронил св. чашу из рук» [317, л. 125]. Проверка подтвердила эту информацию. В анонимном письме за декабрь 1916 г. сообщалось, что священник 231-го полевого запасного госпиталя Антонович выходит из себя, нервничает, во время совершения богослужений «не перестает раздражаться и неприлично бранными словами выражается на певчих, если они дольше протянут какое-либо песнопение» [317, л. 714]. В 390-м полевом подвижном госпитале в Столбцах священник во время службы кивал из стороны в сторону, гримасничал, «заигрывал голосом как артист», небрежно относился к священным предметам [71, л. 168–169]. В отношении таких священников полевая канцелярия устраивала разборательства, однако

нередко им удавалось остаться в ведомстве путем перевода на менее ответственное место службы.

По возможности богослужения сопровождалась хором. Богослуженное пение в воинских частях носило общий характер, основные церковные напевы большинству солдат были известны. Считалось что совместное пение, пусть не всегда стройное и мелодичное, способствовало воодушевлению солдат. Если в Ставке для императора и его семьи пели лучшие исполнители хоров петербургских соборов и придворной капеллы [18, с. 22; 68, с. 126], то хоры в действующей армии были намного скромнее. В условиях военного времени формированием хоров занимались священники и заинтересованные офицеры.

Проще с организацией солдатских хоров обстоит дело в запасных частях. Из огромного числа обучающихся найти способных к церковному пению не представляло труда. В 1916 г. духовенство запасных частей Западного фронта даже просило не отправлять певчих на позиции, чтобы сохранить имеющиеся хоры [317, л. 491]. Это предложение осталось без удовлетворения.

Легко было организовать хор в неподвижной церкви: здесь на помощь всегда могли прийти епархиальные храмы и монастыри, учреждения образования, находящиеся в городе. Так, в Могилевской церкви на протяжении 1915 г. пел хор из девочек – учениц могилевских учебных заведений и взрослых. Расходилось на него в месяц от 12 рублей из церковных сумм [251, л. 28 об.].

В полках и госпиталях ситуация с хорами отличалась. Поиск певчих осуществлялся среди нижних чинов и офицеров. Хоры оставались укомплектованными, за исключением убыли из формирования в результате военных потерь и переформирования частей. В госпиталях ситуация обстоит иначе. Здесь нельзя было положиться на пациентов: во-первых, ввиду их тяжелого состояния, а во-вторых, потому что по мере выздоровления они покидали госпиталь. Поэтому священники прибегали к помощи персонала и служащих в районе госпиталя команд. В отчете пастырей госпиталей Рогачева за декабрь 1914 г. сообщалось, что хор организован из команд служащих нижних чинов, «за которыми еще смелее подпевают молящиеся больные» [34, л. 27]. В госпитале в Вилейке весной 1916 г. имелся хор, состоящий из врачебного персонала, чиновников, сестер милосердия и нижних чинов, знающих церковное пение, в Полочанах (сейчас Молодечненский район Минской области) в том же году – из сестер милосердия и нижних чинов [315, л. 770; 318,

л. 389 об.]. Если духовенству не удавалось организовать хор своими силами, оно на договорной или платной основе приглашало сторонних людей [318, л. 667 об.–668].

Неотъемлемым атрибутом службы была церковь. В годы Первой мировой войны использовались военно-местные и походные церкви.

Военно-местные, или неподвижные, церкви находились в ведении ведомства при протопресвитере военного и морского духовенства. На начало 1914 г. в его распоряжении числилось 28 соборов и 643 церкви, из которых было 3 домовых церкви, 464 полковых (учебных частей, гренадерских, пехотных и других полков), 9 крепостных, 39 госпитальных, 18 при тюрьмах, дисциплинарных батальонах и ротах, 7 портовых, 52 при военных учреждениях и местных командах, 7 кладбищенских, 3 при благотворительных военных учреждениях, 45 на судах флота [132, с. 158]. Также имелось еще 169 церквей, где штатной должности священника не полагалось. В работе Г. Цитовича на 1913 г. дается описание 34 храмов и соборов, находящихся в белорусских губерниях [423]. Большая часть находилась в Гродненской губернии [329, с. 161–162].

Строились и обслуживались эти церкви за счет сумм военного, морского и инженерного ведомств, большим вкладом были пожертвования офицеров и нижних чинов, местного населения. В них была не только церковная утварь и религиозные реликвии верующих, но также знамена частей, оружие военачальников, прославившихся в бою [265, с. 41]. Иногда хранились предметы, имеющие отношение к императорской семье, Б. Кандидов писал о культе «монархизма и Романовых» в военных церквях [127, с. 26–27].

Военно-местные церкви и соборы могли обслуживать нужды воинов, временно или постоянно размещенных в городах, где эти храмы находились. Обычно в них организовывали службы для запасных батальонов, войск, проходящих через эвакуационные пункты, выздоравливающих отрядов, гарнизонных войск [115, с. 36–37; 121]. Также военные церкви имели возможность посещать и местные жители (при наличии мест).

Во время Первой мировой войны священники военно-местных церквей часто уходили со своим полком на фронт. Это означало, что все имущество отправлялось на театр военных действий, а церковь закрывалась. Священник церкви мог оставаться и при ней, удовлетворяя религиозные нужды городского гарнизона, прибывающих воинских частей и местного населения [251, л. 29]. Духовенство расквартиро-

ванных в городе частей, госпиталей и лазаретов могло добиться разрешения использовать помещения как военных, так и епархиальных церквей [196, л. 119 об.; 318, л. 648 об.]. Особенностью работы на территории Беларуси стало то, что священники Западного фронта находились в более выгодном положении по отношению к своим сослуживцам. В их распоряжении было большое число епархиальных церквей и храмов, которыми можно было воспользоваться для проведения служб. В то время как на Юго-Западном фронте священники могли служить преимущественно в униатских храмах, из-за чего конфликтовали с местным духовенством [432, с. 35], а на Северном фронте вынуждены были занимать культовые здания католиков и протестантов или строить временные. Так, когда благочинный 2-й гвардейской кавалерийской дивизии оказался со своей частью в г. Люцине (Северный фронт), то был вынужден заниматься устройством новых церквей в сараях, так как местное население было преимущественно католиками и православных храмов не было [273, л. 38].

На территории Беларуси ситуация обстояла проще. По договору с консисторией военные священники могли служить в свободных епархиальных церквях. Обычно это касалось городов с гарнизонами, и городов, где на длительный срок располагались армейские части. Например, по сообщению гарнизонного благочинного Быхова от 13 мая 1916 г. все части гарнизона смогли исполнить свой долг причастия и исповеди. Это стало возможным благодаря достаточному числу помещений в городе: один священник служил на открытом воздухе, второй – в Св. Георгиевской церкви, а госпитальные священники – при своих церквях [71, л. 251 об.]. Схожая практика имела место в гарнизоне Полоцка, где богослужения совершались в походных церквях, палатках, а также в свободных близлежащих церквях: в Борисоглебском монастыре, в Спасо-Евфросиниевском монастыре, в приходской единоверческой церкви [71, л. 273]. Несмотря на разрешение служить в церквях других конфессий, священники предпочитали не использовать их культовые здания, а обходиться временными церквями. Это можно связать с нежеланием вступать в конфликт с неправославным духовенством и населением. Могли случаться и конфликты с епархиальными священниками, в церквях которых совершались богослужения военным духовенством [317, л. 724].

Конечно, в условиях ведения боевых действий не всегда священникам выпадало служить в традиционном храме или церкви. Чаще культовая деятельность православного военного духовенства на территории

Беларуси осуществлялась в походных церквях. В первый год войны, преимущественно в действующей армии, функционировало около 1000 походных церквей [113, с. 613]. С каждым годом их количество увеличивалось. Такие церкви создавались как при воинских формированиях, так и в лазаретах и госпиталях. Была походная церковь и у протопресвитера [207]. В 1916 г. был создан специальный комитет по сооружению подвижных храмов для действующей армии [113, с. 609; 127, с. 89; 430, с. 63]. Освящение военно-походных церквей проводилось довольно скромно, малым чином. Обычно обходились водоосвящением и окроплением помещения церкви и находящихся в ней предметов [267, л. 7]. На освящение приглашались командующие армий, командиры полков, главные врачи и персонал госпиталей, по возможности – сами команды и полки [71, л. 525 об.].

В собранном виде походная церковь представляла собой ящик с церковными предметами. Перечень предметов, необходимых священнику пехотного или кавалерийского полка, был утвержден еще в 1908 г. Среди них были богослужебные книги, все необходимые предметы, запас святых даров и утвари, необходимой для них, одежда [225, л. 30–30 об.; 404, л. 89]. Изготовлением таких ящиков во время Первой мировой войны занималась мастерская И.А. Жевержеева. Позже церкви стал производить фабрикант С.С. Мешков. При этом следует признать, что церкви производства мастерской И.А. Жевержеева были не из дешевых: полный комплект стоил 425 рублей. Это была большая сумма, тем более что в госпиталях и новосформированных частях на церковную утварь выделять суммы не полагалось, и все зависело от отношения к делу начальства госпиталя [67, с. 175]. В случае удовлетворения Духовным правлением запросов на устройство церкви священникам высылались суммы от 400 до 600 рублей [424, л. 95]. Нередко священники были вынуждены искать способы более бюджетного обустройства церкви. На помощь приходили сами военнослужащие (жертвовали суммы на приобретение церковной утвари, а также принимали участие в изготовлении, например, иконостаса). Советы об удешевлении походной церкви даже публиковались в «Вестнике военного и морского духовенства» [67, с. 175–179].

В историографии организация церквей на Западном фронте практически не рассматривается, хотя здесь встречаются интересные решения их устройства. Интерес представляют подробные описания полковых церквей 65-й пехотной дивизии, сделанные священником Н. Бутковым.

Церковь у деревни Чертовичи (сейчас Воложинский район Минской области) устраивалась на протяжении 1915–1916 гг. силами военнослужащих: «На самой вышке холма, среди ельничка, виден купол храма, в раме которого сделано несколько окон. Купол увенчан художественным березовым крестом. Деревянная крыша храма покрыта тонким настлом зеленого дерна. Все стены сложены из нетесаных оригинальных и цветных сосновых бревен... Вместимость рассчитана примерно на 500 человек» [281, л. 1021 об.]. Не имея возможности приобрести необходимую церковную утварь, ее изготовили самостоятельно: паникадило сделали из ели, подсвечники из березовой коры, для свечей установили пустые гильзы, лампы изготовили из солдатских баклаг. В Будславе (сейчас Мядельский район Минской области) полковая церковь представляла собой дощатый барак вместительностью 300–350 человек, в котором алтарь был отделен деревянным рамочным иконостасом, иконы которого были нарисованы на бумаге и наклеены на фанеру [71, л. 191 об.]. По эскизам солдат 42-й артиллерийской бригады для полковой церкви в деревне Прончаки Минской губернии были сделаны деревянные подсвечники и паникадило [237, л. 2].

Военно-походные церкви были довольно мобильны. Если вся утварь и иконостас могли разместиться в специальном ящике, то сама церковь также могла перемещаться вслед за полком. Если это был барак, то обычно он разбирался по частям и грузился на повозки, а на новом месте вновь собирался и укреплялся в землю. Например, в 69-й дружине 10-й армии штабной священник обратил внимание на простоту и удобность устроенной походной церкви: «Внешний вид ее – небольшой барак, очень удобно и скоро разбирается по составным своим частям и вполне умещается на одну, приспособленную для него, повозку» [318, л. 513 об.]. Военное духовенство старалось обозначить, что в бараках находится церковь. Это делалось посредством установки импровизированных колоколов, крестов и даже куполов [272, л. 174; 315, л. 1094–1094 об.]. Иногда вместо барakov использовали шатры, которые также легко собирались и разбирались.

Церкви, освященные в госпиталях, в документах того времени назывались домовыми, временными, походными, госпитальными. Все эти понятия соответствовали действительности. Госпитальными церкви назывались по месту их нахождения, походными и временными – так как могли вместе с госпиталем сниматься с места и перемещаться в другие районы, а домовые – так как часто располагались не в отдельных поме-

щениях, а в комнатах госпиталя. Хотя на территории Беларуси известны случаи, когда церковь госпиталя размещалась отдельно от него (это могла быть специально поставленная палатка, шатер и даже специально возведенный барак). Например, священник 297-го полевого запасного госпиталя в одном из сел Витебской губернии весной 1916 г. ежедневно совершал богослужения в большой палатке-шатре, растянутой на голой земле и украшенной ветками деревьев [71, л. 233], а для госпиталей Вилейки под церковное помещение в 1916 г. был отдан один из барачков [315, л. 770]. Интересно описание временной церкви, устроенной в Будславе в 413-м полевом подвижном госпитале: «Стены ее – из елок и сосен, плотно в несколько рядов поставленных друг с другом, кровля покрыта была брезентами и палатками, так что получилась возможность совершать литургию даже при неблагоприятной погоде... Внутри храм был украшен той же зеленью и в достаточном количестве иконами и картинами» [71, л. 192–192 об.].

Из сообщений и отчетов священников и госпитальных благочинных следует, что госпитальные церкви в большинстве своем были домовыми. Под них отводили отдельные помещения, часть комнат (иногда даже хозяйственных), а порой размещали в палатах. В фондах РГИА встречается немало примеров борьбы духовенства за место под церковь. Священники хотели выбрать «благое», почетное место для импровизированного места служения, в то время как главные врачи считали необходимым отдавать помещение по остаточному принципу, выделяя лучшее под палаты, хозяйственные комнаты. Порой такие конфликты доходили до абсурда: в 282-м госпитале главный врач настаивал, чтобы церковь установили в комнате с печкой, где она не заняла бы много места. А когда священник стал спорить, предложил место у клозетной стены [316, л. 394]. Такие ситуации скорее были результатом неспособности священника и главного врача найти общий язык и непонимания священниками своего реального положения в госпитале. В большинстве случаев они не получали требуемого: ведомство военного духовенства оказать поддержку было не в силах, так как руководство госпиталя не обязано было выполнять распоряжения протопресвитера, а лишь рассматривало предложения, выдвигаемые им или его канцелярией. Поэтому священники часто объясняли сопротивление врачей и сестер их вероисповеданием, так как среди них встречались иудеи, протестанты и даже старообрядцы. Такие обвинения были несправедливы, так как нередко неправославное руководство госпиталей шло навстречу

устройству временной церкви – в 363-м госпитале в Жлобине (помощь в работе над церковью оказал комендант этапа, католик) [71, л. 565], во 2-м подвижном госпитале в Столбцах (старший врач госпиталя, старообрядка, выделила под церковь помещение и способствовала ее устройству) [318, л. 313 об.]. Кроме того, устройство церкви никак не может быть приоритетнее жизни людей, на что неоднократно указывали главные врачи и персонал учреждений [315, л. 993].

Даже если в распоряжение священника выделялась только часть палаты, некоторым удавалось отделить импровизированный храм от пациентов. В госпитальной церкви в Столбцах была сделана специальная дощатая перегородка, которая отделяла церковь от остальной части барака, а при большом скоплении желающих молиться эта перегородка раздвигалась, и помещение могло вместить до 800 человек [318, л. 313 об.]. В 390-м госпитале (район Барановичей) церковь, устроенная священником А. Лебедевым, была занята больными и ранеными и отделялась от них только барьером из парусиновой занавески, которая во время богослужений раздвигалась в стороны [71, л. 499]. Плюсом такого устройства церкви было то, что даже лежащие пациенты могли принимать участие в службах, молиться и причащаться.

Война всегда вносила коррективы в работу священника в госпитале. В случае поступления большого числа раненых и больных помещения церковью отдавались под палаты. Так было в полевых госпиталях в Столбцах в июле 1916 г. В 508-й поступили «острозаразные» больные, для которых следовало выделить отдельное помещение, и выбор пал на палатку, где находилась церковь и часовня госпиталя [318, л. 47]. А богослужebная жизнь 423-го госпиталя была прервана Барановичской операцией. Поступление больных и раненых было так велико, что церковная палатка была освобождена для пациентов, для церкви заказали шатер [318, л. 47 об.].

По окончании войны, ввиду роспуска госпиталей, главные врачи Западного фронта предлагали передать церкви в приходы, наиболее сильно пострадавшие от войны [237, л. 2; 316, л. 370]. Протопресвитер признал хорошей эту идею.

Священники часто перемещались из одного места в другое, и на этой почве порой возникала неразбериха с церковным имуществом. Часть считала, что все приобретенное в церковь за время службы в госпитале принадлежит им, и, следовательно, забирала утварь с собой. На этот счет было дано разъяснение, что имущество, приобретенное на

суммы, выданные руководством, пожертвования паствы, должно быть сдано в присутствии ктитора, госпитального благочинного или другого уполномоченного лица. Документы дают большое число примеров, когда священники пытались под различными предлогами забрать имущество церкви, причем они могли забрать не только кресты, антиминсы и евангелия. Порой духовенство позволяло себе присваивать церковные суммы, приходно-расходные книги (чтобы не стало известно о точной сумме, имеющейся в церкви), а также свечи и вино (не только для служб, но и для перепродажи) [317, л. 56; 318, л. 65 об.; 319, л. 19–20]. В случае выявленного нарушения священника обязывали вернуть присвоенное, или компенсировать его стоимость.

В церковное имущество включались просфоры, вино, свечи. Циркуляром протопресвитера от 27 декабря 1914 г. духовенству действующих армий напоминалось о необходимости иметь большой запас Святых даров. Если они заканчивались, то следовало заготовить или получить недостающее от военных священников неподвижных храмов и епархиальных церквей. Обязанность заготовки хлеба и вина возлагалась протопресвитером на настоятелей соборов и церквей Петрограда, Москвы и Киева, а также штабных и госпитальных священников, находящихся долгое время на одном месте [300, л. 315 об.].

Что касается приобретения свечей, то в управлении ведомства находился свечной завод, который успешно работал в годы войны [268, л. 4]. Священникам рекомендовалось закупать свечи его производства, так как это было дешевле, и с каждого проданного пуда свечей завода отчислялся процент на издательство книг, брошюр и листовок религиозного, патриотического и исторического содержания [74, л. 12 об.]. На Западном фронте не возникало проблем со снабжением свечами. Для этого было открыто несколько свечных складов: в Москве при генеральном госпитале императора Петра Великого, в Борисове при 430-м полевом запасном госпитале, в Минске при штабе главнокомандующего армиями Западного фронта и при управлении главного священника [35, л. 157 об.]. В документах встречаются факты спекуляции священников на свечах. В циркуляре протопресвитера военного и морского духовенства от 29 мая 1916 г. сообщалось, что в некоторых частях церковная продажа свечей осуществляется по чрезмерно завышенной цене, превышающей обычную в 10 раз [422, л. 46]. То, что ситуация была отражена в циркуляре духовенству действующей армии, означает, что подобная практика имела широкое распространение.

На Западном фронте нередки были перебои с поставками церковного вина. Оно выписывалось из Одессы, и доставка поездами стоила больших денег, что значительно увеличивало его стоимость. В этом плане фронт был в менее выгодном положении, так как Юго-Западный и Румынский фронты находились ближе к Одессе, а Кавказский имел свои ресурсы, не требующие переплаты за транспортировку. Приобретение такого вина становилось тяжелым бременем для духовенства, особенно госпитального, не располагающего большими церковными суммами. Главный священник Западного фронта даже обращался к протопресвитеру с просьбой возбудить ходатайство о провозе вина по железным дорогам как воинского груза, а значит, бесплатно [280, л. 121 об.].

Неоднозначная ситуация сложилась в военно-санитарных поездах. Назначенные в них священники должны были исполнять минимальный набор треб, а именно исповедь и причастие. Это объяснялось тем, что паства их преимущественно не имела физических и моральных сил принимать участие в богослужениях и, кроме того, находилась в поезде короткий промежуток времени. Вопреки этому многие священники занялись устройством в поездах церквей. В рапорте священника военно-санитарного поезда № 1025 от 17 февраля 1916 г. сообщалось об оборудовании в вагоне, предназначенном для покойницкой, походной церкви. Она была устроена таким образом, чтобы можно было совершать литургию и другие богослужения даже во время движения поезда [73, л. 943]. А священник 117-го военно-санитарного поезда 5 мая 1916 г. сообщал, что им устроена церковь «со складным престолом и всеми принадлежностями для богослужения, которая нисколько не стесняет больных и раненых», а также организован хор [316, л. 48]. Некоторые священники поездов просили о прицепке к поездам отдельного вагона для церкви, а также о назначении в помощь священникам церковников [315, л. 78–78 об.]. Но приказом начальника эвакуационного отдела управления, начальника санитарной части Западного фронта от 29 января 1916 г. было разъяснено, что это невозможно, все устроенные церкви приказывалось разобрать, а новые не устанавливать [316, л. 49]. Все ходатайства духовенства о сохранении церквей были отклонены.

В периодике того времени нередко публиковались статьи, описывающие отношение немцев к православным храмам и церковному имуществу [44, с. 448–450]. Однако и со стороны российской армии имели место случаи хищения церковного имущества и повреждения церквей. Зафиксированы они и на территории Беларуси. С целью хищения была

вскрыта госпитальная церковь в Столбцах: «Облачения священнические и престольные небрежно побросаны на полу алтаря, все сожмано, скомкано; на полу валяются служебные книги и религиозно-просветительские листки... антиминса и местного напребстольного евангелия не оказалось» [313, л. 121 об.]. Разорению подверглась часовня в Кривске (сейчас Сморгонский район Гродненской области). Ее двери, окна, половицы были похищены, оторваны доски в иконостасе, крест брошен на пол [35, л. 161–161 об.]. Хищение произвели свои же солдаты ввиду отсутствия строительного материала для землянок и блиндажей.

Война всегда сопровождается людскими потерями. Первая мировая не была исключением, она стала одной из самых кровопролитных войн и велась как с помощью огнестрельного и артиллерийского огня, так и с использованием отравляющего газа. Помимо гибели в бою, смерть могла наступить от естественных спутников войны – голода, обморожения, болезней. Соответственно, воинские части и учреждения должны были в любой момент быть готовы к погребению погибшего или умершего военнослужащего. Лечебное заведение, в котором скончался солдат, сообщало об этом его командиру, а он, в свою очередь, уведомлял родственников. Устав внутренней службы 1911 г. требовал, чтобы отпевание и погребение совершалось по обрядам их религии с подобающими почестями. Для православных это означало, что умершего отпевал за обедней в церкви священник с помощью причта и певчих. Во время отпевания должны были присутствовать ближайшие начальники покойного и, по возможности, все свободные сослуживцы. После гроб в сопровождении священника отправлялся на кладбище [407, с. 350].

Но эти правила в большей степени были применимы ко времени квартирования войск или их пребыванию на позициях без перемещений. В условиях же служения на театре военных действий, во время ведущихся боев, наступления, перемещения, отступления частей российской армии погребение погибших на поле боя солдат и их отпевание становились проблематичными. Тела обычно доставляли санитарные отряды, добровольцы Красного Креста и других учреждений. Отпевать же погибших во время боя было крайне сложно и опасно для священника. Он мог это осуществить только с наступлением затишья, когда в его распоряжение могли поступить санитары и нижние чины, с помощью которых можно было организовать процессию и транспортировку тела к могиле. Например, после боя около деревень Новосады и Валовичевцы (сейчас в Гродненском районе Гродненской области) 21 февраля 1915 г.

противник отступил и появилась возможность убрать тела с поля боя. Специально назначенная рота убрала тела в четыре братские могилы (в них были погребены солдаты разных частей), и священник М. Радугин совершил отпевание над каждой отдельно [313, л. 112 об.]. Во время боя только священники, находящиеся на передовом перевязочном пункте, могли своевременно причастить умирающих и даже отпеть погибших.

Погребение погибших в бою осложнялось и другими обстоятельствами. Первая мировая война велась с широким использованием артиллерии и огнестрельного оружия, что в большинстве случаев приводило к изуродованию тел погибших до неузнаваемости, повреждению идентификационных меток и личных вещей. Это ставило перед священником непростую задачу: определить, кем является погибший: «Часто приходится хоронить убитых под артиллерийским и ружейным огнем, так что нет никакой возможности узнать погребаемого.. Я лично [благочинный 55-й пехотной дивизии В. Закхеев] хоронил убитых различных полков... под ружейным и шрапнельным огнем, погребенных было больше 300–400 человек, но узнать не было никакой возможности» [124, л. 1; 320, л. 384–385;].

Тела погибших нередко оставались на поле боя не то что без отпевания, но и вовсе без погребения. Протопресвитер писал, что в армии бывало немало случаев несвоевременной уборки трупов и погребения их без священника. И, несмотря на то, что в годы Первой мировой войны обеспеченность армии священниками выросла в значительной степени, «сама обстановка боя, разбросанность части и другие обстоятельства нередко лишали священника возможности поспевать всюду, где есть в этой части убитые и раненые» [230, л. 1 об.]. Вообще, помощь в погребении могли оказывать местные жители, а также специально созданные команды из санитаров и музыкантов [148, с. 67]. Вот только местное население редко оказывалось в районе поля боя, а команды могли находиться далеко от тел. В такой обстановке священнику нередко самому приходилось искать людей, чтобы собирать тела и предавать их земле.

Эта проблема в скором времени была замечена императрицей. Она предложила образовать из иеромонахов и послушников монастырей духовно-санитарные отряды, которые занимались бы уборкой убитых и раненых на полях сражений и погребением их по православному обряду [230, л. 1]. Синод признал это предложение разумным и указами от 17 сентября и 4 октября 1916 г. поручил ряду епархий подобрать кандидатов [230, л. 5 об.]. Отряды эти подчинялись протопресвитеру во-

енного и морского духовенства, а командировать их было решено непосредственно в распоряжение начальников санитарных отделов армий, так как в их ведении находились все санитарные учреждения (в том числе и частных организаций) обслуживающие нужды фронта. К началу 1917 г. для организации духовно-санитарных отрядов было отправлено 121 духовное лицо, из них 66 иеромонахов, 13 иеродиаконов, 28 монахов, 14 послушников [230, л. 87; 238]. Из них на Западный фронт было командировано 9 иеромонахов, 3 иеродиакона, 8 монахов и 4 послушника – всего 24 человека [89, л. 2]. Дежурным генералом штаба главнокомандующего армиями Западного фронта было предложено разделить их между 3 армиями по 8 человек на каждую, по принципу 3 иеромонаха, 1 иеродиакон, 4 монаха или послушника. Им в обязанности вменялось убирать с поля сражений раненых и убитых, перевязывать раненых, выкапывать могилы, напутствовать умирающих и хоронить погибших.

Забегая вперед, следует признать, что созданные отряды оказались неэффективными. Многие, прибыв на место службы и проведя на театре военных действий некоторое время, по состоянию здоровья и нехватке материального обеспечения запросились обратно в епархии. Кроме того, послереволюционная армия не считала необходимым содержать в своих частях духовно-санитарные отряды. Например, ротный комитет перевязочного отряда 7-й сибирской стрелковой дивизии 2-й армии признал пребывание монахов в отряде, как не несущих никакой службы, излишним [89, л. 29]. Большинство вернулись в свои монастыри еще до ликвидации ведомства военного и морского духовенства.

С началом полномасштабного наступления германских войск в 1915 г. к обязанностям священников, помимо погребения военнослужащих, добавилось погребение местного населения и беженцев. Население гибло как от голода и болезней, так и от действий армий противника. Например, духовенство 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, находясь в районе рек Ясельда и Щара, а также Огинского канала, сообщало о необходимости отпевать и хоронить умерших мирных граждан. Беженцев отпевали прямо у проезжей дороги, а крестьян – на сельских кладбищах [273, л. 36]. Опыт погребения беженцев во время отступления имели многие военные священники.

Отпевания и погребения в госпиталях проходили в более спокойных условиях, носили налаженный характер. Погребение здесь подчинялось определенному алгоритму: 1) тело умершего омывали и облачали в чистое белье; 2) укладывали в гроб (за исключением случаев, когда

изготовить гроб не представлялось возможным), накрывали саваном; 3) в сопровождении священника и особо наряженной процессии гроб направлялся до могилы с пением «Святый Боже»; 4) на могиле умершего устанавливали крест с информацией о звании, имени и фамилии умершего, дне и причине смерти. Надписи для долговечности наносили краской или вырезали [300, л. 311–311 об.; 392, с. 52].

Такой порядок считался последней честью, заслуженной солдатом, отдавшим жизнь за верность долгу, царю и Родине [320, л. 550 об.]. Священник 32-го полевого запасного госпиталя (Быхов) А. Карасев в отчете за 1916 г. писал, что погребения совершались им с должными церковными и военными почестями: «Тело умершего после омовения одевалось в чистое белье, полагалось в прочный деревянный гроб и покрывалось холстом; после отпевания гроб умершего... сопровождался мною на кладбище: за гробом обычно следовал воинский наряд, а иногда и кто-либо из сестер милосердия. Местом погребения служило «братское кладбище», устроенное на особо отведенном участке в ограде Быховского Петро-Павловского кладбища в юго-восточном углу его» [318, л. 670]. В 299-м полевом запасном госпитале в Могилеве (1916 г.) по православным воинам священник совершал панихиды и сопровождал тело «с подобающей честью» на военно-братское кладбище, находящееся в 3,5 верстах от госпиталя [272, л. 207].

Однако в архивах встречаются упоминания о плохих условиях для погребальной обрядности. В этом плане ярким примером служит гарнизон Гомеля, где неоднократно случались конфликты между духовенством и начальством. Так, собрание гомельского гарнизонного духовенства протоколом от 18 августа 1916 г. признало ненадлежащим состояние погребального дела в гарнизоне: пол в часовнях, где подготавливались тела, не мыли и не подметали; течь из гробов умерших засыхала, давая «питание мухам, разносящим опасность заразы»; гробы закапывали преждевременно, и приходящий священник не видел ни лица умершего, ни есть ли на нем нательный крест [317, л. 428].

Имели место конфликты священников и командования по отдельным моментам погребального процесса: неправильная окраска гроба, отсутствие фуражки на гробу с телом офицера, недостаток катафалков и лошадей [317, л. 427, 446]. Причем в отдельных случаях священники могли идти на открытый конфликт. Например, священник 209-го госпиталя Пилинкевич отказался хоронить тела восьми солдат, так как на выданный ему катафалк могло стать только 4 гроба, а остальные, ввиду не-

хватки лошадей и повозок, предлагалось поставить сверху [317, л. 446]. Священник 297-го полевого запасного госпиталя подал жалобу на главного врача за то, что ему для погребения предоставили тело не в одежде, а в простыне (вся одежда была испачкана сукровицей, и простыня была единственным выходом) [317, л. 188]. Начальство госпиталей и эвакуационного пункта со своей стороны признавало подобные жалобы отнимающими много времени и создающими нервную обстановку в и без того сложных условиях работы [317, л. 427 об.].

Внимание армейского духовенства также было обращено и на военные кладбища. По Уставу внутренней службы в каждом пункте квартирования войск следовало организовывать отдельное военное кладбище с разделением на участки по числу частей. Если же погребение осуществлялось на территории местных кладбищ, то каждой воинской части отводился отдельный участок [407, с. 351]. Если в городе или местечке собиралось несколько госпиталей, то для погребения также отводилось отдельное, строго упорядоченное кладбище. На воинскую часть, гарнизон или госпитали возлагались забота о благоустройстве своего участка (или кладбища в целом), поддержание в должном виде могил, установка крестов. Разрешалось украшать могилы по своему усмотрению, без отступления от закона и порядков, заведенных на кладбище [407, с. 352].

Участие в устройстве и поддержке военных кладбищ принимали и военные священники. Уже в декабре 1914 г. благочинным было распорядилось главного священника о необходимости обратить внимание на места погребения военнослужащих: «Весьма желательно, чтобы на всех кладбищах в местностях, где расположены госпитали, отводились бы особые приличные места для погребения воинов... чтобы после можно было отметить эти места» [34, л. 19]. Священникам поручалось делать запросы о выделении участков под новые кладбища.

В отчетах духовенство сообщало о состоянии прикрепленных к их частям или учреждениям кладбищ. Хорошо организованные обычно находились в тылу, в ведении гарнизонов, госпиталей и этапных пунктов. В 1915 г. в Витебске и Полоцке кладбища были признаны благоустроенными. Витебское гарнизонное кладбище содержалось в примерном порядке: кресты с соответствующими надписями стояли не только на отдельных, но и на общих могилах. Было захоронение четырех солдат с 4 крестами [320, л. 550 об.]. В Полоцке на 1915 г. было как отдельное военное кладбище на земле монастыря, так и место на Михайловском

городском кладбище. Могилы и кресты были в полном порядке, только на трех крестах из ста не было информации о покоящихся в могилах [320, л. 551 об.]. В Столбцах к весне 1916 г. находилось несколько госпиталей, для которых отвели большое кладбище: «Могилы обложены дерном и увенчаны крестами приличествующего размера с соответствующими на них надписями о погребенных в могилах воинах. Имена погребенных будут увековечены на досках в местной кладбищенской церкви» [71, л. 334 об.]. Высокую оценку получили кладбища в Быхове, Рогачеве и другие [71, л. 500; 318, л. 670, 649].

Однако отчеты священников не всегда рисуют благополучную картину устройства воинских погребений. На гомельском военном кладбище в 1916 г. многие могилы были без крестов, порядка 300 погребений не имели информации о погребенном. Книги учета погребенных велись плохо, что в будущем грозило неразберихой. Кроме того, специальная комиссия вынесла заключение, что на территории кладбища пасся скот и многие могилы имели неухоженный вид [317, л. 134 об.]. Схожая ситуация была отмечена на расположенном в 5 верстах от Гомеля кладбище в Новобелицах, где хоронили умерших из всех гомельских лазаретов. В рапорте начальнику 35-го эвакуационного пункта от 2 августа 1916 г. сообщалось, что оба эти кладбища если когда и имели определенную планировку, то теперь она заброшена: погребения производились не по одному ряду, а по нескольким одновременно, что осложняло поиск могил тех или иных солдат, тем более что на многих крестах не было указаний о том, кто в могиле погребен: «Кто может уведомить, что, например, в 3 ряду в крайней могиле погребен, положим, Степан Иванов, когда нет на могиле креста, нет и подписи, нет никакого признака?» [319, л. 231–231 об.]. Гарнизонное духовенство Гомеля просило привести кладбище в порядок, что и было сделано.

Духовенство Западного фронта также неоднократно сообщало своему главному священнику о положении военного кладбища в Вилейке [315, л. 770; 317, л. 359]. «Крайне жалкий и беспорядочный вид его. Ограды вокруг него нет... Могилы за короткое время пришли уже в запущенность, заросли сорной травой, размыты дождем и некоторые почти сравнены с землей, многие истоптаны скотом... Кресты на могилах не установленной формы, самые разнообразные, от больших размеров до самых маленьких, не окрашены, не прочные, наскоро сколоченные, врыты неглубоко, от чего многие уже покосились. Дощечки с именами погребенных на одних крестах прибиты сверху, на других внизу, а на

некоторых и совсем нет, вероятно, оторваны ветром. Самые надписи, вместо краски, по большей части писаны карандашом, теперь уже смыты дождем и восстановить по ним имя похороненных нет никакой возможности» – говорится в одном из сообщений [317, л. 514–514 об.].

Отдельного внимания заслуживает проблема погребения иноверцев. Для этого приглашались служители других религий, однако прибегнуть к их помощи не всегда удавалось. Тогда обряды проводило православное военное духовенство [267, л. 1]. В Минских епархиальных ведомостях это высоко оценено: «При полевом погребении нет ни католика, ни лютеранина, ни православного. Как-то так само собою сложилось, что по общему желанию сплошь и рядом приходится отпевать по православному обряду и воинов иноверцев – армян, католиков и лютеран. И такая терпимость полевого батюшки, считающегося в данном случае с порывом души, а не с буквой правила, прочно привязывает к нему не только православных воинов, но и иноверцев» [397, с. 98–99].

Хотя на почве погребальной деятельности между представителями разных конфессий нередко происходили конфликты. Чаще всего они были связаны с недовольством местного неправославного духовенства тем, что обряд погребения совершал православный священник [267, л. 1 об.]. Кроме того, возникали споры о месте погребения военнослужащих. Например, настоятель Дубровского костела Виленской римско-католической епархии в начале 1915 г. неоднократно жаловался, что без ведома прихода на католическом кладбище были похоронены воины православного и иудейского вероисповедования, в то время как в городе было как еврейское, так и братское кладбище. Ксендз просил переместить тела на надлежащие кладбища [35, л. 897–898 об.]. Во избежание подобных конфликтов циркуляром главного священника армий Западного фронта от 13 января 1916 г. духовенству рекомендовалось не погребать военнослужащих в оградах приходских церквей без разрешения соответствующего начальства [35, л. 236].

Таким образом, культовая деятельность православного военного духовенства Западного фронта разворачивалась в благоприятных условиях: в распоряжении военных священников были церкви епархиального ведомства, снабжение необходимыми для служб предметами носило налаженный характер, успешно создавались походные церкви. В зависимости от условий военной жизни священники организовывали службы, молебны, крестные ходы. Но обязательный характер служб, их содержание не могли не сказаться на отношении солдат к этому институту.

Внекультовая деятельность православного военного духовенства на территории Беларуси

К внекультовой деятельности относится вся работа, осуществляемая священником, помимо отправления служб и проведения таинств и обрядов. К ней следует отнести беседы, организацию библиотек, борьбу с сектантством и прочее.

Важнейшими являлись проповеди и беседы. Проповеди произносились за богослужением, беседы же могли проводиться в любое свободное для нижних чинов время. Принцип проведения и содержание проповедей и бесед в армии не отличались, а потому в исследовании рассматриваются вместе. Они имели три основные функции: просветительскую, воспитательную и идеологическую. Просветительская заключалась в сообщении военнослужащим норм и правил церковного учения, а также рассказах о событиях прошлого и современности, объясняющих текущее положение дел в мире. Воспитательная функция подразумевала такое содержание бесед, в котором объяснялось правильное поведение солдата (подчинение офицерам, выполнение приказов, неприятие алкоголя, карточных игр, нечистой песни). В особенности это касалось тех частей, в которых произошли инциденты или были совершены проступки. Идеологическая функция в условиях военного времени являлась наиболее важной. Она предусматривала поддержание в солдатах патриотических настроений, идеи преданности царю и Отечеству, защиты Родины от врага, верности присяге. Именно поэтому в официальных документах (в частности, в циркулярах протопресвитера, главных священников) уделено больше внимания проведению бесед, чем богослужбной деятельности. Советская историография называла беседы идеологической обработкой [140, с. 53; 440, с. 27; 441, с. 36].

Протопресвитер писал, что в мирное время проповеди посвящались вопросам катехизического характера, но в военное время эта практика была неприменима. Во время войн следовало разъяснять не вопросы веры, а аспекты боевой жизни и работы: «Учить долгу, разумному труду, самоотверженному служению, предостерегать от позора (сдача в плен и тому подобное), наставлять, ободрять, утешать, поддерживать в воинах веру в нашу правду, в мощь России, в самих себя, в силу молитвы русской земли, в помощь Божию» [337, с. 11]. Г.И. Шавельский указывал на то, что в условиях войны именно священник может и должен поддержать, ободрить и направить воинов [43, с. 29]. Для этого не

нужно было назначать время и место для бесед. Достаточно было, по мнению протопресвитера, просто начать разговор с одним из солдат, а другие присоединятся: «И тогда говори, батюшка, как отец с детьми, говори просто, без риторских прикрас и заученных выражений, говори, как говорят близкие люди... учи правде Божией, поддерживай веру и бодрость духа, верность долгу, Царю и родине» [436, с. 22]. Протопресвитер писал, что для проведения бесед достаточно 10–20 собравшихся слушателей, которые после разнесут сказанное пастырем по частям. Но такой принцип работы был возможен, только если священник имел авторитет среди военнослужащих, а тот падал с каждым годом войны.

В годы Первой мировой войны командный состав должен быть оповещать священника о событиях в части или учреждении. Узнав о том или ином инциденте, священнику следовало хорошее похвалить, а плохое осудить. При этом рекомендовалось быть осторожным в действиях и словах: «Резких обличений надо всячески избегать. Обличения причиняют страдания. Воинам же достаточно тех страданий, какие они переносят на поле брани – в окопах и в бою» [337, с. 11]. В случае проступка отдельного солдата священнику рекомендовалось быть тактичным: не допустить широкой огласки проблемы, не довести до озлобления обвиняемого и не настроить нижних чинов против начальства.

Изучение циркуляров протопресвитера позволяет установить, как возрастала роль бесед по мере наступления германских войск и перехода войны в статус позиционной. В циркуляре «Духовенству воинских частей действующей армии» от 14 сентября 1915 г., ввиду неудач на фронте, рекомендовалось усилить заботы о поддержании боевого духа военнослужащих. В недатированном циркуляре «Священникам действующей армии» (предположительно 1915 г.) отмечался упадок духа в армейской среде и протопресвитер просил священников армий приложить все усилия для поддержания боевого настроения как отдельных солдат, так и целых частей, следить за настроениями своей паствы, «рассеивая их сомнения, отражая злые веяния, идущие со стороны» [422, л. 10 об.]. Духовенству предлагалось по возможности часто вести отечески простые, душевные беседы с военнослужащими, особенно с новобранцами [422, л. 23–23 об.]. Главный священник армий Западного фронта также обращался к подчиненному духовенству (циркуляр от 27 октября 1915 г.) с требованием регулярного общения с нижними чинами с целью убедить их «не жалеть усилий и жертв для одержания полной победы над врагом» [300, л. 239].

Тогда же в ведомстве протопресвитера были разработаны основные темы, которых духовенству следовало придерживаться в своих беседах и проповедях.

Одной из главных стала тема патриотизма, верности присяге, продолжения войны до победного конца. Священники убеждали солдат, что конец войны, вопреки слухам, еще далеко и следует ее продолжать. На это указывают следующие формулировки в циркулярах военному духовенству: «[Духовенству предлагалось] подробно объяснять значение войны, в которой решается судьба народов, будущее нашей Родины, наших детей и внуков, и настойчиво раскрывать долг каждого гражданина всеми силами, даже до смерти, послужить в это время Родине для достижения ею конечного успеха; убеждать, что неудачи на театре военных действий не означают поражение в войне в целом; призывать не терять боевой дух, так как это то, чего враги ждут больше всего; объяснять необходимость продолжения войны до победного конца» [422, л. 23–23 об.]; «Разговоры о скором мире преждевременны. Мир будет только тогда заключен, когда будет одержана полная победа над врагом. Полная же победа тем скорее будет одержана, чем мужественнее будут сражаться наши воины, чем крепче они будут памятовать и усерднее исполнять свой долг» [422, л. 10 об.]. Священникам предлагались для обсуждения такие темы, как «рассуждения о высоте воинского звания; о страдальческом подвиге воина за других по подобию страдальческого подвига Спасителя за всех людей; о великом значении бранных страданий и смерти за Царя и Родину; о небесной награде, ожидающей доблестного воина, и вечном наказании, которое понесет негодный воин» [32; 172, с. 68; 254, с. 33–35; 140, с. 53].

Советские исследователи в качестве одного из аргументов против военного духовенства использовали тот факт, что, призывая продолжать войну, духовенство благословляло на смерть солдат, внушая им мысль, что смерть эта будет за богоугодное дело [46, с. 20; 140, с. 54; 440, с. 27; 441, с. 36]. Действительно, священники старались своими словами помочь преодолеть страх перед возможной смертью, апеллируя к христианскому учению о смерти. «Ожидать надо и смерти, – сообщалось в «Церковных ведомостях». – Она для воина – венец его подвига. Она для воина – приобщение к сонму мучеников» [54, с. 1750]. На начальном этапе войны, когда отмечается рост религиозности и патриотизма военнослужащих, такие проповеди имели успех. Но в скором времени они обернулись против самих священников. И дело не только в наруше-

нии заповеди «не убий». Каждый раз, слушая рассуждения священников о почетной смерти в бою, солдат видел, что вдохновляющий на ратный подвиг священник остается вне поля боя, как и офицеры, которых призывалось уважать, в то время как солдату оставалась «героическая смерть» на войне, причин которой он не понимал [382, с. 176–177]. Из анкетирования 1930 г. С.Я. Вольфсоном населения БССР следует, что отход от религии части опрошенных был последствием войны. Один из опрошенных был возмущен «ашуканствам папоў і розных афіцэраў, які гналі нас пад кулі, а самі ня шлі, угаварваючы, што на тым свеце трапім у рай». Другой участник войны называл причиной неучастия пастырей в бою и содержание бесед: «Да вайны з пенай на губах даводзілі, што нельга забіваць, а тут адразу стала магчымым рабіць гэта» [51, с. 59].

Германская пропаганда и факты добровольной сдачи в плен стали серьезной проблемой для российской армии. Поэтому приказом по ведомству протопресвитера от 22 января 1915 г. военному духовенству предлагалось уделить особое внимание этому в беседах [309, л. 283 об.]. Духовенство руководствовалось такими тезисами: «Обещания немцев, доедающих последние куски своего хлеба и во всем начинающих терпеть нужду, и заверения недобросовестных, лживых людей, что в плену хорошо, неверны. Пленных наших немцы подвергают всяким оскорблениям и лишениям». Солдат запугивали и последствиями сдачи в плен: «Изменники покроют себя, и детей, и внуков своих неизгладимым позором... Детям трусов, изменников страшно будет вспоминать, что отцы их не исполнили в эту войну своего долга, изменили Родине, трусливо бежавши или сдавшись неприятелю. Позор отцов навеки ляжет на детей и внуков» [422, л. 10 об.].

Вопросам теологического характера внимание уделялось в меньшей степени, чем вопросам боевой жизни. Обращаясь к богословским проблемам в беседах, военное духовенство старалось связать их со спецификой служения в армии [110, л. 752–753; 256, с. 239]. В таких беседах рекомендовалось соблюдать осторожность, чтобы не оскорбить неправославных солдат. В циркуляре протопресвитера от 3 ноября 1914 г. отмечалась объединяющая для общества роль войны: «Утихли раздоры, прекратились распри, примирились партии, смолкла и религиозная вражда между гражданами одной земли» [422, л. 5]. В беседах и чтениях духовенству следовало избегать религиозных споров и обличений других исповеданий, чтобы поддерживать здоровую обстановку в частях и учреждениях армии. Также нужно было следить за тем, чтобы в библиотеки не попадала литература, содержащая резкое обличение в

адрес других религий, чтобы не оскорблять чувства исповедующих эти религии и настраивать их против православия [20, с. 116; 23; 29; 114, с. 69; 134, с. 144; 263, л. 4; 422, л. 5]. Но при этом следует признать, что военное духовенство вело борьбу с «сектантством» [47; 158, с. 20; 178, с. 373–375; 350, с. 104–110]. Ему следовало препятствовать распространению неправославных учений среди воинских чинов, способствовать приведению к присяге лиц, не желающих этого по религиозным убеждениям. Помимо бесед и проповедей, священники должны были наблюдать за посещающими госпитали, предупреждать воинов не слушать тех, кто говорит с ними о вере, предлагает религиозные книги и листки. Следовало убеждать солдат, что разговоры о других учениях ведут «неблагонадежные люди, желающие обратить других в немецкую веру, предатели своего отечества, стремящиеся вместе со своими единомышленными немцами погубить Россию» [34, л. 43].

Особое внимание уделялось баптистам. В 1916 г. на фронте вопрос о пропаганде баптистов, видимо, приобрел острый характер. Связано это было с жалобами солдат на агитацию, случаями перехода отдельных православных воинов в баптизм. Эта «секта» считалась вредной для воинской среды [2, с. 159–162; 422, л. 21]. Однако донесения священников Западного фронта позволяют сделать выводы о том, что деятельность «сектантов» не была такой масштабной и организованной, как на соседних фронтах. Последователи учений были рассеяны по частям и действовали по отдельности. Открытой и организованной пропаганды «сектантства» в войсках Западного фронта не наблюдалось. Проверка, осуществленная в 10-й армии, показала, что во многих полках «сектантов» как таковых не было, а если и были, то агитационной деятельностью не занимались [35, л. 355, 349, 372, 377, 379]. Отдельные случаи следования «сектантов» своему учению не означали массовой пропаганды и склонения к отходу от православия. Например, в 16-й пехотной бригаде (бригада обычно состояла из нескольких полков, в числе от 2000 до 8000 человек) было зафиксировано лишь несколько случаев неповиновения: в 8-м батальоне один рядовой, именовавший себя «субботником» (приверженность Церкви адвентистов 7-го дня), категорически отказался брать в руки винтовку, за что Минским военно-окружным судом приговорен к каторжным работам на 8 лет; в 265-м батальоне «евангельский христианин» отказался от принятия присяги (согласился после беседы со священником), а «штундист» отказывался от выполнения воинских обязанностей, несмотря на уговоры священника и при-

менение телесных наказаний (позже подчинился) [317, л. 579–579 об.]. Главный священник армий Западного фронта писал, что даже если в воинской среде есть тайная пропаганда, то больших успехов она не имеет, так как за время войны на фронте был зафиксирован только один случай перехода нижнего чина в «сектанство» (ноябрь 1916 г.) [211, л. 9].

В противовес, деятельность священников по склонению в православие всегда поощрялась. За приведение к православию иноверца священники даже получали награды за службу. Единственное, что для обращения в православие требовалось время. Следовало объяснить солдату основы учения, выучить с ним некоторые молитвы и наиболее важные положения о православии, исповедовать его и крестить. Эта процедура занимала несколько месяцев.

Священники также поднимали в беседах темы употребления алкоголя, сквернословия. Проблема употребления спиртных напитков крайне остро стояла в российской армии. «Война с пьянством, – писал «Вестник военного и морского духовенства», – должна считаться у нас святым и великим подвигом» [22, с. 717; 24, с. 461; 352, с. 162]. Еще в мае 1914 г. вышел приказ по военному ведомству № 309, в котором были обозначены меры борьбы с употреблением спиртных напитков в армии. Военному духовенству поручалось оказывать воздействие на солдат посредством систематических бесед (не менее раза в неделю со всеми и один раз в неделю с молодыми солдатами, замеченными в пьянстве), привлекать их в «общества трезвенников», организовывать воскресные чтения и школы грамоты, наладить богослужebное дело [299, с. 449; 429, с. 272]. В 1916 г. приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего продажа спирта, хлебного вина, водочных изделий и прочих крепких напитков не в медицинских целях была запрещена [297, с. 320]. В помощь священникам издавалась специальная литература, например, «На пути к трезвости», «В минуты трезвости», «Жизнь алкоголика и трезвенника» [139, с. 513]. Книги сопровождалась иллюстрациями, которые можно было использовать в беседах.

Как же обстояло дело с проведением бесед среди войск, дислоцировавшихся на территории Беларуси? Отчеты полкового духовенства Западного фронта в абсолютном большинстве положительно характеризуют это направление работы. Благочинный 41-й пехотной дивизии в отчете за 1914 г. сообщал, что духовенство по пять раз в неделю, согласно приказу, посещало каждый батальон, команду и гауптвахту вверенных его попечению полков и, кроме этого, вело неофициальные «дружеские

разговоры родителей с детьми». Иерей конного пограничного Ломжинского полка В. Пох докладывал священнику 10-й армии в 1916 г.: «По окончании богослужения говорю краткое слово поучения и делаю перерыв. После известного перерыва и отдыха собираю на беседы... На таких урочных беседах разрешалось людям держать себя более свободно, и кто из слушателей желал, мог задавать тот или другой вопрос на разрешение» [74, л. 17]. Негативное отношение в проведении бесед фиксируется в документах к концу 1916 г.

Нередко духовенство, соглашаясь с рекомендациями ведомства, составляло свои программы бесед с военнослужащими [53; 101; 243]. Многие прилагали списки к своим отчетам. Так, священник 93-й бригады государственного ополчения П. Андреев (10-й армии), рапортовал о темах проводимых им бесед. Среди них встречаются как темы богословского характера, так и воспитательного: «обязанности человека вообще и священные обязанности воина; за Веру, Царя и Отечество; повинуйтесь наставникам вашим; Божий промысел (сюда входит и забота царя нашего о нас и наших семьях); кто наш враг (характеристика немецкого отношения к нашим раненым пленным и мирным жителям); что ждет нас всех в случае победы немцев; о молитве; о сквернословии и других пороках; потерпевший до конца, тот спасется» [35, л. 11]. Некоторые священники крайне внимательно относились к содержанию своих речей и их воздействию на военнослужащих. Они использовали не только рекомендации протопресвитера, но и обращались к периодической печати, а также свидетельствам очевидцев и событиям, происходящим с полком во время несения службы. В. Малаховский, благочинный 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (в период с 24 ноября 1915 по 2 января 1916 г. была на отдыхе в м. Кожан-Городок, у станции Лохва), рассказывал солдатам о жизни в плену у немцев, для чего использовал газетные заметки, а также описывал зверства, совершенные противником, опираясь на увиденное. Так, для того чтобы предупредить попытки дезертирства и сдачи в плен, рассказал солдатам историю местного прихода, когда священник запретил общаться населению с дезертирами и их семьями [273, л. 37]. Для поднятия боевого духа рассказал об отступлении из Бреста в район Кобрина, а также о том, как немцы в селе Пески Гродненской губернии приказали местным жителям бежать и стреляли вдогонку: «Эти ужасные моменты я использовал еще тем, что указывал своим солдатам на страшные муки земляков, и тем возбудил в них новую жажду подвигов бранных» [273, л. 25 об.].

Организация бесед, как и богослужений, в полках, находящихся на фронте, не носила постоянного характера. Священники должны были использовать любую возможность, чтобы побеседовать с военнослужащими. Священник 93-й бригады государственного ополчения (дислоцировалась в районе Гродно – Ораны) писал, что ввиду разбросанности команды и передвижения дружин на назначенные участки невозможно организовать беседы на религиозно-нравственные темы (рапорт от 26 июня 1915 г.) [35, л. 15]. А благочинный 2-й туркестанской дивизии в отчете за 1916 г. писал, что, так как дивизия в течение года стояла на позиции или участвовала в боях, то духовенство определенной программы бесед и проповедей не придерживалось, а строило беседы с целью поддержать и укрепить в воинах «веру в помощь Божию» [273, л. 54].

Проведение бесед в госпиталях имело свою специфику. Так как паства священника здесь состояла из больных и раненых, то духовенству госпиталей рекомендовалось в беседах быть ненавязчивыми. Кроме этого, не имеющим полного богословского образования и иеромонахам запрещалось вступать в научные и богословские споры с офицерами и врачами. Причины были просты: невежество таких священнослужителей могло подрывать авторитет, как их, так и военного духовенства в целом [300, л. 310]. В советской литературе главной причиной бесед в госпиталях считали не заботу о раненых и больных, а беспокойство о том, чтобы те не вносили смятение в обществе, сомнение в необходимости таких мучений для себя и новобранцев [441, с. 40].

Сообщения духовенства госпиталей однотипны. «Ежедневно обходятся мною палаты больных и раненых, посещаются помещения команды, ведутся беседы живым словом или прочитываются статьи, соответствующие по содержанию темам, намеченным в Руководственных указаниях», — отмечал священник 299-го полевого запасного госпиталя, размещенного в пределах Могилевской епархии в отчете за 1916 г. «Почтения за богослужениями и равно внебогослужебные беседы на различные темы, применительно к праздникам и современным событиям, велись насколько позволяли мне силы в мои старческие годы, при чем ни от кого не встречал к тому каких-либо препятствий», — сообщал настоятель Гродненского военного госпиталя в отчете за 1916 г. «Больные видели его [священника] ежедневно, так как он, обходя палаты, проводил время в духовно-нравственных беседах среди них», — говорилось в приказе по 298-му полковому госпиталю в г. Бобруйске за 1916 г. [251, л. 70–70 об.; 272, л. 206 об.; 318, л. 339].

Особая ситуация была в запасных частях. Так как главной задачей для священников запасных полков было воспитание и обучение военнослужащих, привитие им чувства патриотизма и верности Родине и долгу, то беседам было уделено особое внимание, чтобы «в обучающихся воинах воспитать могучий дух и готовность послужить изо всех сил» [300, л. 313 об.]. Специально разработанная инструкция содержала наиболее полный перечень тем для бесед: «воинское служение вообще, и в особенности в настоящее время; святость воинского подвига; присяга или клятва именем Божиим; преступность нарушения клятвы и наказание клятвопреступников по суду божескому и человеческому; любовь к Царю и Отечеству; поведение воина, обязанного хранить чистоту души и беречь правду; преступность для воина грабежа, воровства и всякого насилия; преступность добровольной сдачи в плен, наказываемая и здесь на земле жестоким обращением врагов с нашими пленными... и презрение честных граждан к добровольно сдавшимся в плен; преступность саморанения» [300, л. 313 об.; 392, с. 53]. Ведомство протопресвитера рекомендовало избегать долгих бесед: каждая проблема должна была излагаться убедительно и воодушевляюще, а беседа вестись в форме диалога. Проповедническая деятельность духовенства запасных частей противопоставлялась растущей политической и революционной агитации. Здесь было благотворное поле для распространения подобных идей.

Съезд духовенства запасных частей Западного фронта (ноябрь 1916 г.) признавал, что постановка проповеднической деятельности на фронте осложнена количеством военнослужащих. Так, полковые церкви не могли вместить большого числа военнослужащих, а потому духовенство ходатайствовало об их расширении. Кроме того, оно выдвинуло идею об использовании при беседах кинематографа, посредством которого предлагалось демонстрировать сцены военной жизни, бытовые, религиозно-нравственные сюжеты, не допуская картины легкого жанра [317, л. 492]. Священник 1-й бригады кавалерийского запаса И. Кобяков писал, что беседы велись почти каждый день, военнослужащие были внимательны и «не было случая, чтобы за беседы солдатики меня не благодарили и не приглашали прийти поскорее снова» (1915 г.) [251, л. 24].

Посредством бесед осуществлялась также и образовательная функция военного духовенства. Речь идет в первую очередь о лекциях по закону Божьему, беседах исторического содержания. Для обучения нижних чинов создавались учебные команды, полковые школы. Но, исходя

из отчетов священников, следует признать, что в рассматриваемый период времени образовательная деятельность в основном была сведена только к беседам [3; 14, с. 58]. Упоминания о работе в учебных командах и полковых школах на территории Беларуси встречаются крайне редко. Священник 101-го пехотного Пермского полка писал о работе такой команды в 1915 г. (район Гродно). Команда была собрана в июне и обучалась до декабря 1915 г. Обучение общеобразовательным предметам и Закону Божьему не отличалось последовательностью. Учебная команда часто отвлекалась на работы по рытью тыловых окопов, для пилки леса, устройства проволочных заграждений, окопных козырьков, ходов сообщений, блиндажей для укрытия и часто во время боев привлекалась к позиции в качестве резерва для оказания помощи бойцам. И хотя часть времени команда в боевых действиях почти не участвовала, но ее отвлечение мешало проведению занятий. По программе священник объяснял все, что следует знать о молитвах, заповедях, символах веры, таинствах и богослужении, а для заучивания наизусть некоторых молитв и заповедей прибегал к многократному хоровому исполнению их ввиду отсутствия учебников [313, л. 117].

Проведению бесед сопутствовали чтения, организуемые священниками, и создание библиотек. Опыт русско-японской войны 1904–1905 гг. показал, что книга является необходимой вещью. В перерывах между боевыми действиями они часто не могли найти себе занятия, а потому чтение для многих становилось единственной возможностью скоротать время. Протопресвитер Г.И. Шавельский считал, что повторять ошибок русско-японской войны 1904–1905 гг. не следует, а потому в будущем «библиотечная ошибка» должна была быть устранена. Поэтому еще до Первой мировой войны было принято решение о включении в воинские обозы библиотек с «правильной» литературой. «Если находится место в обозе для хлеба обыкновенного, – писал он, – то должно найтись место для хлеба духовного; возятся сухари – должна возиться и библиотека» [436, с. 24].

К Первой мировой войне ведомство протопресвитера военного и морского духовенства подготовилось более серьезно. Был составлен список книг, одобренных протопресвитером и Духовным правлением, из которых могла состоять библиотека военного священника. Главный священник Северо-Западного фронта еще в сентябре 1914 г. сообщал подведомственному духовенству о необходимости завести библиотеки во всех госпиталях и лазаретах. На то время выписывать эти книги было возможно из склада при Обществе распространения религиозно-нрав-

ственного просвещения. Комплект книг, одобренный протопресвитером, стоил для госпиталей 15 рублей и 1,5 рубля за пересылку [325, л. 4]. Кроме того, издательская комиссия при Синоде составила для раненых специальные библиотеки ценой в 5, 10, 15 и 20 рублей [127, с. 101]. Позже для упрощения поставки книг в части и учреждения армии было принято решение об открытии собственного книжного склада. 20 февраля 1916 г. такой появился при Ставке Верховного Главнокомандующего и полевой канцелярии протопресвитера [315, л. 323]. Со склада предлагалось выписывать как отдельные издания, так и уже собранные библиотеки. С 29 февраля 1916 г. духовенство Западного фронта получило возможность прибегать к его услугам.

Были и другие источники поступления литературы в церковные библиотеки. Книги могли присылать из епархиальных консисторий, монастырей, соборов, складов образовательных учреждений, а также по линии благотворительности [35, л. 195; 57, л. 34]. В документах нередко встречаются уведомления о высылке на фронт листов и евангелий из православных монастырей. Например, в ноябре 1915 г. Московский Ставропигиальный Симонова монастырь выслал в каждую армию до 10100 экземпляров книг, брошюр, листов религиозно-нравственного содержания, а также Евангелий и книг Св. Писания [35, л. 195]. Нередки были случаи, когда священники самостоятельно отправлялись на приобретение книг в краткосрочные командировки. Обычно они выезжали в крупные города, находящиеся сравнительно недалеко от фронта и имеющие книжные склады. В основном командировки осуществлялись в Москву, Петроград, Киев, Минск. На приобретение книг священники тратили церковные суммы, средства, полученные от командиров частей или главных врачей, личные сбережения. Духовенство обращалось с запросами к отдельным учреждениям и благотворителям. Так, священник 436-го полевого запасного госпиталя в Гомеле К. Пилинкевич получил от Московского местного комитета по снабжению раненых целую библиотеку, рассчитанную на 300 читателей [73, л. 759], П. Авдашкевич за время командировки в Москву собрал у разных лиц 3000 листов и 8000 книжечек [73, л. 69].

Духовенство армий Западного фронта имело больше чем на других фронтах возможностей по приобретению литературы: на территории фронта находились книжный склад протопресвитера, склады духовных консисторий православных епархий, а территориальная близость Петрограда, Москвы, Минска, Киева и развитая сеть железных дорог

обеспечивали быструю доставку требуемой литературы. Многие священники армий Западного фронта в короткие сроки смогли если не организовать полнокомплектные библиотеки, то приобрести для военнослужащих листки и брошюры религиозного и воспитательного содержания [71, л. 194; 87, л. 3 об.; 185, л. 438 об.]. Но некоторые священники фронта не имели возможности обзавестись библиотеками. В первую очередь это касается духовенства строевых частей. Священники частей, участвующих в боях на территории Беларуси, не имели возможности заказать литературу или выехать в командировку за ней. Кроме того, транспортировка литературы могла стать обременительной для полка. Поэтому священники полков преимущественно обходились листовками и брошюрами [251, л. 21]. Например, в церквах 2-й кавалерийской дивизии не было постоянных библиотек, так как полки не имели средств для их приобретения и хранения. Все издания, которые приобретались духовенством для полка, немедленно раздавались. Обязательные же издания (например, «Церковные ведомости», «Вестник военного и морского духовенства») были обузой в плане их хранения и перевозки; в 6-м запасном кавказском полку были заведены маленькие подвижные библиотечки, в то время как церковных библиотек в полном смысле не имелось [71, л. 194; 251, л. 21]. Факты отсутствия библиотек, особенно в первые годы войны, фиксируются и в некоторых госпиталях [71, л. 433а; 185, л. 438].

Еще одной проблемой обеспечения религиозно-нравственной литературы в армии стал недостаток средств у военного духовенства. Литература должна была выписываться не только из церковных, но и из полковых и госпитальных средств. Однако часто ее приобретение ложилось только на священников, начальство не всегда шло навстречу, иногда священнослужителям не разрешали воспользоваться церковными суммами [147, с. 40]. При этом стоит отметить, что на издание церковной литературы выделялись большие средства, стоила она дешевле светской [332, с. 616].

Однако необходимость «правильной» литературы для военнослужащих была очевидной, ведь при ее отсутствии в их руки в лучшем случае попадала светская книга развлекательного характера, а в худшем – революционная пропаганда [318, л. 66]. Например, когда стало известно, что в пинских госпиталях нет библиотек, а солдаты читают светские журналы «Современный мир», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Нива» и ни у кого из них не имеется евангелий

и молитвенников, администрация приняла меры: священники раздали раненым и больным листовки, сестры милосердия – книги светского содержания, а позже все госпитали уже имели евангелия и молитвенники [185, л. 438].

В отчетах священников Западного фронта встречаются описания хорошо организованных библиотек. В 299-м полевом запасном госпитале в Могилеве она была образцовой: «Библиотека хранится в небольшом шкафу, под замком, с надписью «библиотека». В ней имеется около 200 экземпляров книг и брошюр. Нынче на церковные 13 рублей 50 копеек куплены книжки-брошюры из книжного склада протопресвитера военного и морского духовенства... Жертвуются многие книги, брошюрки, листки и кладутся на определенных местах, у которых имеются ярлычки с надписью «книги, брошюрки и листки, возвращать обратно». Что касается возвращения, то публикацией обычно не исполняется» [272, л. 206–206 об.]. Хорошая библиотека была в 32-м полевом запасном госпитале в Быхове: «В истекшем году я за свой счет выписывал для библиотеки журнал «Ниву» с приложениями. Кроме книг, выдаваемых для чтения из библиотеки, мною на каждую палату было выдано из имеющегося у меня запаса вполне достаточное количество экземпляров евангелий, а также по мере поступления раздавались «Воскресные листки»... и другие брошюры» [318, л. 699].

Во всех библиотеках имелся «Вестник военного и морского духовенства» и прилагаемые к нему «Воскресные листки». Стоимость годового комплекта журнала составляла 5 рублей. Во время войны типографские работы стали дороже, и с 1916 г. цена годовой подписки составила уже 15 рублей в год [322, с. 678]. Для военного духовенства подписка была обязательной. Кроме того, в «Вестнике» помещалась реклама книжного склада Общества религиозно-нравственного просвещения [327, с. 129]. Часто в библиотеках встречались журналы «Чтение для солдат», «Верность», «Витязь», «Разведчик», «Русское чтение», а также множество брошюр [101, с. 217; 126, с. 15–16]. Содержание брошюр было преимущественно религиозно-патриотическим, что следует из их названий: «Священная война», «За веру, царя и отечество», «Иди на службу, как на зов Божий», «Держи присягу до смерти», «Берегитесь смуты», «Смерть – воину венец», «С богом на войну», «Не бойся смерти» [126, с. 15–16; 127, с. 63].

Особо инициативные священники не только раздавали листовки, брошюры и книги, но устраивали их чтения, после которых следова-

ло обсуждение прочитанного. Это был хороший способ воздействия на военнослужащих: «Многие полюбили беседы и книги настолько, что теперь не приходится уже навязывать кому-либо ту или иную книгу, теперь солдаты сами осаждают меня и просят книг» [74, л. 17]. А священник 32-го полевого запасного госпиталя в Быхове сопроводил чтения использованием диафильмов [318, л. 669 об.].

В военное время распространенной практикой была организация благотворительной помощи действующей армии. В нее были включены практически все приходы православной церкви. Они осуществляли сбор одежды, белья, продуктов питания для солдат [85; 86; 91; 93; 163; 215; 262]. Но самыми главными, безусловно, были денежные сборы. Для православного военного духовенства можно выделить три группы сборов: общегосударственные сборы, внутриведомственные сборы, сборы, инициированные самими священниками. Общегосударственные сборы обычно представляли собой установление кружек для пожертвований в церквях. Самыми распространенными были пожертвования на нужды Российского общества Красного Креста, Земского союза, на нужды раненых и убитых, калек, детей-сирот и прочее. Чаще всего решение о проведении такого сбора осуществлялось директивно, спускалось сверху протопресвитеру, а он, в свою очередь, рассылал распоряжения на места. Сборы могли быть кратковременными (осуществлялись во время церковных праздников), долговременными (год и более), постоянными [27, с. 14; 74, л. 43; 82; 246, с. 8; 405, л. 24]. Полный перечень производимых в церквях военного ведомства сборов публиковался в «Вестнике военного и морского духовенства» в начале года [245, с. 40–41; 321, с. 34–35].

Внутриведомственные сборы были направлены на оказание материальной поддержки священникам ведомства. Отчисления производились как с церковных доходов, так и с доходов самих священников. Из церковных сумм ежегодно отчислялось 6% в пользу вдов и сирот военного ведомства и 3% на воспитание детей этого же духовенства. Отчисления производились с валового дохода, то есть со всех статей доходов, кроме капиталов, имеющих специальное назначение, а также чистой прибыли от свечной продажи [74, л. 25]. С доходов самих священников ежемесячно брались отчисления в размере 2% от получаемого содержания (2 рубля) и единовременные взносы на учреждение стипендий «в память переживаемой войне» и на выдачу пособий священнослужителям, потерявшим работоспособность на войне [35, л. 102].

Духовенство Западного фронта не всегда делало взносы добросовестно. 30 апреля 1915 г. главный священник обратился с просьбой активнее жертвовать на учреждение стипендии в память о переживаемой войне: «Сбор на учреждение стипендий военного духовенства в память о переживаемой нами великой войны достиг на Юго-Западном фронте 10 000 рублей, а на нашем фронте не достиг и половины этой суммы. Моя заветная мечта, чтобы подведомственное мне духовенство не только не отставало, но сравнялось и даже превзошло своих собратий Юго-Западного фронта – нас больше числом – в святом порыве увековечить добрым делом настоящие мировые события» [35, л. 117]. В итоге к сентябрю 1915 г. с духовенства Северного и Западного фронтов (до этого они были одним фронтом) было собрано 28 000 рублей [35, л. 102]. На стипендии и помощь священникам ведомства в период с ноября 1915 по август 1916 г. духовенством фронта было собрано более 25 000 рублей [344, с. 580]. При этом в конце 1915 г. Духовное правление сообщало благочинным соборов и церквей ведомства, что ввиду упадка церковной доходности поступления в правление сокращались [248, с. 739].

В 1916 г. сбор на стипендии военного духовенства был прекращен и вместо него был учрежден сбор на устройство поселка для священнослужителей, пострадавших во время войны. «Прошу отнестись к означенному сбору с особым вниманием, так как из нас никто не может быть уверен, что он во время настоящей тяжелой войны не потеряет трудоспособность к дальнейшей службе, – писал главный священник К. Богородицкий. – Наш долг позаботиться о возможно широком и наилучшем осуществлении идеи отца протопресвитера» [35, л. 259]. Поселок должен был быть устроен недалеко от свечного завода в Тверской губернии Старицкого уезда. Еще военным духовенством было решено жертвовать на устройство на Кавказе, в Ессентуках, санатория для военного духовенства. Он был предназначен для лечения и отдыха священнослужителей ведомства. Был начат сбор средств: например, в 10-й армии постановили отчислить 10 рублей единовременного платежа и по 2 рубля ежемесячно [62, с. 83; 74, л. 12]. Такого же принципа отчислений придерживались и другие армии Западного фронта. Также в ведомстве военного и морского духовенства в 1914 г. была создана касса взаимопомощи на случай смерти служащего в ведомстве священника [249, с. 392].

Военные священники способствовали организации благотворительных обществ и обществ вспомоществования в воинских частях и учреждениях. Обычно это была помощь семьям убитых и раненых во-

инов полка. Например, в конно-гренадерском полку 2-й гвардейской кавалерийской дивизии было учреждено общество вспомоществования, которому удалось к 1917 г. собрать добровольными взносами 2500 рублей [273, л. 40].

Из периодической печати и официальных отчетов можно узнать, преимущественно о положительной стороне службы военного духовенства в российской армии, о полученных наградах и совершенных подвигах [55, с. 33–56; 90; 107; 173, с. 160–161; 184, с. 415; 197; 244; 253, с. 45–46; 255; 292, л. 40–41; 377, с. 87–88; 411]. С целью показать успешность работы священников на фронте и в тылу, подчеркнуть их вклад в поддержание морального и патриотического духа солдат протопресвитер военного и морского духовенства уже 2 сентября 1914 г. распорядился собирать материалы о подвигах, совершенных как воинами, так и его подчиненными. Для удостоверения подлинности эти материалы следовало заверить двум-трем офицерам. Позже циркуляром от 10 октября 1914 г. протопресвитер поручил благочинным немедленно сообщать о раненых, контуженных, убитых и взятых в плен священниках, при этом указывать подробности о месте, времени и обстановке случившегося [422, л. 3].

На основании этих циркуляров в редакцию «Вестника военного и морского духовенства» стали поступать материалы о героических подвигах священнослужителей на поле брани [61; 66, с. 271–274; 188; 204; 219; 333; 334; 349; 420]. Эти материалы публиковались в неофициальной части среди них были как заметки очевидцев подвига, так и некрологи. Несмотря на то что военная цензура часто удаляла названия населенных пунктов и наименования частей, а священники нередко подписывались инициалами, все-таки установить примеры самоотверженной деятельности священнослужителей на территории Беларуси на страницах периодики можно. Например, иеромонах Анатолий 276-го пехотного Купянского полка заслужил уважение солдат тем, что всегда был со своей частью: благодаря своему постоянному присутствию на передовой во время сильного артобстрела смог спасти солдата, которому оторвало руку снарядом [188, с. 587]. А в ночь на 29 июля 1916 г. он отправился с группой разведчиков к местечку Крево, где они встретили врага, превосходящего их числом. Он воодушевил разведчиков, и враг был разбит, а сам иеромонах был ранен разрывной пулей в бедро с раздроблением кости [205, л. 41]. Еще один пример доблестной службы во время исполнения обязанностей продемонстрировал иеромонах Амвро-

сий 3-го Перновского гренадерского полка (в названный период времени находился в составе 4-й армии на Северо-Западном фронте). 23 июня 1915 г. во время боя, когда полк стал отступать под напором противника, священник, находившийся среди них, с крестом в руках произнес речь, воодушевлявшую воинов, но при этом сам погиб [252, с. 542].

Небольшое число упоминаний в периодической печати о военном духовенстве, служащем на территории Беларуси, компенсируется за счет архивных материалов. Основное внимание следует уделить рапортам командиров, главных врачей, благочинных и аттестатам, выдававшимся духовенству при смене места службы.

Героической названа смерть священника А. Холмогорова. Он служил в 42-й пехотной дивизии, которая входила в состав 2-й армии Западного фронта. В честь праздника Крещения он обходил передовые окопы и освящал их святой водой. Начавшийся обстрел позиций артиллерией и минометами противника не остановил священника, и в результате он был смертельно ранен: «Когда прибежали санитары отец Холмогоров отказался от перевязки, приказав ранее перевязать нижнего чина, несмотря на сильное истечение крови. Напрягая последние усилия с крепко зажатым в руке крестом и епитрахилью на груди с осколками, батюшка напутствовал лежащего рядом с ним умирающего солдата» [199, л. 171–172].

Еще один пример преданности делу продемонстрировал священник 396-го полевого подвижного госпиталя (Сморгонь) Н. Боровский. 19 июня 1916 г. он исполнял обязанности в госпитале, когда в 4 часа утра тот подвергся газовой атаке. Несмотря на то что священник получил отравление («четыре сильные болезненные легочные схватки»), уже в 8 утра совершил литургию и молебен за спасение от отравляющих газов, а после этого напутствовал пострадавших перед эвакуацией [71, л. 455]. Полковой священник 35-го сибирского стрелкового полка иеромонах Ионикий 22 мая 1916 г. посетил передовые окопы занимаемой полком позиции, оставался в окопах во время обстрела их ружейным и пулеметным огнем и артиллерийскими снарядами с газом, при этом вел беседы с находящимися в окопах, «своим словом и примером вселяя бодрость» в них [318, л. 102]. Священник М. Билинский в одном из боев между реками Стырь и Стоход (пограничье Беларуси и Украины) был ранен и контужен, но отказался от эвакуации и в том же бою «самоотверженно продолжал утешать раненых и напутствовал умирающих, за что представлен к награждению наперстным

крестом на георгиевской ленте» [318, л. 323]. Во время совершения богослужения в походной церкви при станции Полочаны произошел авиационный налет германских аэропланов, во время которого священник Ковалев, несмотря на угрозу для жизни, не прекратил службу, а после обошел все лечебные заведения, совершая в них краткие молебны [318, л. 548].

В аттестатах командиров и рапортах священников тоже можно встретить примеры искреннего и добросовестного выполнения обязанностей военным духовенством. В большинстве своем эти аттестаты описывают образцовую службу по инструкциям протопресвитера. Например, об И. Альбове (госпиталь в Бобруйске) дан такой отзыв главного врача: «Проявил себя редким работником и ревностным пастырем... Больные видели в нем своего советника и отца в различных их нуждах, больше всего семейного характера. Таковым же он был и в отношении нижних чинов команды» [318, л. 339].

На декабрь 1915 г. на Западном фронте от общего числа священников числилось 3 убитых, 7 умерших от болезней, 2 раненых, 3 пострадавших от газа, 22 контуженных, 5 пропавших и 9 находящихся в плену. При этом многие из плененных священников Западного фронта продолжали свою проповедническую и богослужебную деятельность в лагерях для военнопленных [387; 389]. О больших потерях в рядах военного духовенства писал в своих письмах Г.И. Шавельский [377, с. 87–88].

В противовес надо сказать, что были в рядах духовенства Западного фронта не соответствовавшие назначению лица. Это нашло отражение в ситуациях, подрывающих авторитет как отдельного священника, так и всего ведомства.

Так, некоторые священники уклонялись от необходимости разделять все тяготы военной жизни с паствой. Такой вывод можно сделать при изучении циркуляров протопресвитера военного и морского духовенства. Как известно, священники в годы Первой мировой войны должны были находиться на перевязочном пункте, в непосредственной близости к ведущемуся бою. Однако при анализе циркуляров протопресвитера фиксируются уклонения священников от этой обязанности. В циркулярах от 10 октября 1914 г., 4/14 сентября 1916 г. и 14/18 января 1917 г. сообщалось об уклонении священников от службы на передовой [422, л. 2, 4, 51, 76–77]. Вопреки предупреждениям о штрафах и даже увольнении эта тенденция сохранялась на протяжении всей войны.

В воспоминаниях современников, статьях в периодике на посредственную деятельность священнослужителей обращали внимание многие. Например, генерал Н.А. Епанчин невысоко оценивал военных пастырей, деятельность которых сводилась к простому исполнению треб, богослужений и проведению бесед с солдатами [100, с. 362–363]. В материале «Провинциальные очерки», опубликованном в «Богословском вестнике» в 1917 г., отмечалось, что на фоне патриотического подъема населения в начале войны священники госпиталей являли собой равнодушные к происходящим событиям и своей работе: «Батюшкам некогда, завалены отчетами, сведениями, служебными и семейными делами». При этом заявляли, что с ранеными им говорить не о чем [144, с. 152; 150].

На некомпетентных священников поступали анонимные жалобы, рапорты командиров и благочинных. Документы фиксируют немало таких примеров на территории Беларуси. Приведем некоторые из них. На имя главного священника армий Западного фронта поступила информация о священнике 271-го пехотного Красносельского полка С. Казанском, что он позволяет себе употребление спиртных напитков до состояния опьянения, чем подрывает отношение себе воинских чинов [317, л. 87]. В анонимном письме из Дорогобужа от 4 августа 1916 г. сообщалось, что священник 136-го запасного батальона О. Федон «часто шатается по улицам пьяный, пьяным исповедует и совершает богослужение» [317, л. 125–125 об.]. Отрицательная характеристика дана священникам 1-го и 4-го сибирских стрелковых полков Ф. Георгиевскому и Ф. Рубановскому. Их обвиняли в небрежном отношении к обязанностям, оскорблении нижних чинов: «Вы, гг. офицеры, берегите себя, а этого навоза (нижних чинов) хватит». Также сообщалось, что Ф. Георгиевский часто не служит, боясь обстрела, а также курит и играет в карты в присутствии солдат [317, л. 740–740 об.]. Начальник 73-й пехотной дивизии в январе 1917 г. сообщал, что священник Разумовский имеет пристрастие к крепким напиткам и, приводя себя этим в состояние, несовместимое с местом службы, крайне негативно влияет на нижних чинов [317, л. 886]. В рапорте главного священника К. Богородицкого указывалось на ужасный характер священника Кадея: крайняя грубость, полнейшая недисциплинированность, неуживчивость и паранойя [216, л. 7–7 об.]. Священник Н. Ломакин, по отзыву командования и благочинного, только и делал, что требовал наград и денег, а литургии не организовывал [73, л. 707].

Еще одна негативная тенденция – это попытки некоторых священников уклониться от службы под предлогом командировок, отпусков, болезни. Стоит отметить, что им не разрешалось надолго уезжать из части, отпуска и командировки были возможны только с разрешения командиров и при наличии заместителя. В письме полевой канцелярии главному священнику К. Богородицкому от 24 мая 1916 г. сообщалось, что многие священники оставляют свои части в то время, когда они стоят на позициях и уезжают по личным делам [261, л. 28]. В связи с этим протопресвитер просил, чтобы священники не покидали части, находящиеся на театре военных действий, без пастырского попечения [422, л. 51 об.]. В ноябре 1916 г. протопресвитер и вовсе обозначил меры наказания священникам, уезжающим в отпуска без разрешения: выговоры с внесением в 9-ю графу послужного списка, денежный штраф до 50 рублей, перевод на худшее место и, в крайнем случае, увольнение [300, л. 124].

Отлучки нередко позволяли себе священники армий Западного фронта. Например, священник 24-го Симбирского полка И. Пашуто уезжал без уведомления благочинного из части в апреле и сентябре 1915 г. и в апреле 1916 г. [317, л. 92 об.]. Начальник 100-й пехотной дивизии писал главному священнику Западного фронта, что священник Симоновский к пастырским обязанностям относится с недостаточной серьезностью и хлопочет только об отпусках и наградах самому себе [317, л. 586]. Красноречивым примером является рапорт священника штаба 10-й армии от 28 января 1916 г. о священнике И. Федорове: «О. Иоанн... Не дорожит, нужно думать, своей паствой, так как, отпущенный на несколько дней в Минск, отсутствовал три недели, без увольнительного билета, а в это время полк оставался без пастыря, церковные службы не совершались, убитые предавались земле без обряда отпевания» [83, л. 385].

На почве отпусков возникали конфликты между священниками, благочинными и командованием части или госпиталя. По правилам, чтобы уйти в отпуск, следовало получить разрешение командира. Но протопресвитер распорядился, чтобы об отпусках сообщали благочинным и главным священникам фронта. Нередко происходило так, что священники уезжали, получив разрешение командования, не поставив в известность духовное начальство. В таких случаях благочинные составляли рапорты на имя командира части или врача госпиталя, а также главного священника. Некоторые вступали в спор с начальством, что

являлось нарушением субординации [315, л. 764, 924 об.; 318, л. 15]. Духовенство позволяло себе ходатайствовать о наградах для вышестоящих лиц, вмешиваться в военные вопросы, давать советы командирам о тактике, устраивать ненужную переписку по незначительным поводам личного характера и вовсе совершать поступки, недостойные их сана [74; 212; 216; 270; 315; 316]. Были случаи вмешательства в план наступательной операции [35, л. 1028]. Такие ситуации только усугубляли общие тенденции, связанные со снижением влияния православного военного духовенства на армию.

Внекультовая деятельность состояла из проведения бесед, создания библиотек, благотворительности, борьбы с «сектантством». Самым важным из этих направлений службы стала идеологическая работа, осуществляемая через беседы. Однако следует признать, что если на начальном этапе войны священникам удавалось завладеть вниманием солдат, то в скором времени беседы перестали оказывать эффект. Это объясняется содержанием бесед; снижением доверия к священнику, вызванным неграмотностью и некомпетентностью части военного духовенства, его нежеланием делить с солдатами все тяготы военной жизни; усталостью от войны.

Служба православного военного духовенства на территории Беларуси имела свою специфику, заключавшуюся в нахождении здесь Ставки, конфессиональной ситуации в белорусских губерниях, особом внимании со стороны протопресвитера военного и морского духовенства. Священники Западного фронта были в благоприятных условиях для осуществления своей деятельности.

Культовая деятельность включала в себя богослужения и сопутствующее им: организацию церквей, хоров, заготовку вина, свечей и просфор. Организация и проведение служб на территории Беларуси зависели от условий (бой, перемещение, позиции) и места проведения (полк, госпиталь, запасная часть). Когда война приобрела характер позиционной, богослужебная деятельность стала регулярной.

Неотъемлемой частью культовой деятельности стала организация церквей. Священники служили как в церквях в традиционном их понимании, так и в специально оборудованных походных храмах: они могли приобретаться у изготовителей или создаваться силами священников и армии. Особое значение в условиях войны приобрели погребения и от-

певания, также священники принимали участие в организации и уходе за братскими кладбищами.

Богослужебная работа определялась не столько духовными потребностями солдат, сколько «Уставом внутренней службы». Кроме того, одним из проявлений модернизационных процессов, охвативших российское общество, стала секуляризация сознания населения. Скачок религиозности на начальном этапе войны, вызванный страхом перед смертью, верой в помощь сверхъестественных сил, в скором времени сменился сомнениями солдат о необходимости отправления религиозных обрядов. Это было вызвано не только потрясениями от жестокости и ужасов войны, но и излишней формальностью служб, восприятием их как части распорядка дня. Содержание служб с каждым годом войны все реже позитивно воспринималось солдатами.

Внекультовая деятельность священников состояла из проведения бесед и поучений, организации библиотек, благотворительной работы. Посредством бесед осуществлялось религиозно-нравственное и патриотическое воспитание военнослужащих: они посвящались вопросам ведения войны «до победного конца», осуждению сдачи в плен и дезертирства, отказу от пагубных привычек. Организация библиотек на территории Беларуси была облегчена ввиду близости книжного склада протопресвитера и налаженности сообщения с крупными книжными складами. Духовенство активно способствовало благотворительной деятельности на нужды войны.

Несмотря на то что накануне и в годы войны институт православного военного духовенства был модернизирован, а работа священников четко сформулирована в документах, это не помогло им справиться с возложенными на них обязанностями. Если для епархиального священника основной задачей было отправление религиозных обрядов, то для военного духовенства главной функцией становилась работа идеологическая. Посредством проповедей и бесед священники должны были поддерживать моральный и боевой дух армии, убеждать солдат в необходимости проливать кровь за отечество, а также подавать пример своим поведением. Но многие призванные из епархий священники не понимали, что основная их задача не богослужения, а нравственно-патриотическое просвещение. Помимо этого, среди военных священников Западного фронта зафиксированы неисполнение обязанностей, частые отлучки, пьянство, тяга к азартным играм, конфликты с солдатами и начальством. Призывы к солдатам придерживаться определенной модели

поведения, которой сами священники не следовали, ухудшили отношение ко всему военному духовенству, хотя в его рядах были и добросовестные пастыри. Мало того, проповедование идеи «богоугодности» войны, трансформация священника в агитатора настроили уставших от войны солдат против тех, кто призывал идти на смерть, а сам не сражался.

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА

Изменение положения и деятельности военного духовенства (март–октябрь 1917 г.)

Пришедшее к власти в результате Февральской революции Временное правительство проводило активную законотворческую деятельность в сфере религиозной жизни российского общества, преследуя целью создание внеконфессионального правового государства [122, с. 214]. Новая власть видела необходимость в провозглашении реальной свободы совести, упразднении государственной опеки церкви, а также части ее привилегий. Декларацией Временного правительства от 3 марта 1917 г. была объявлена амнистия по всем «религиозным делам». 20 марта вступило в силу постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Этим документом все ограничения, обусловленные вероисповеданием, отменялись, среди них – запрет на свободу перемещения, приобретение собственности, деятельность (ремесла, торговля, промышленность), поступление на государственную службу, в учебные заведения и прочее [342, с. 46–47]. Постановление уравнивало граждан в их политических и социально-экономических правах. Важнейшим документом в сфере конфессиональной жизни общества стало принятое 14 июля 1917 г. постановление Временного правительства «О свободе совести». Им впервые в России было провозглашено право граждан на вневероисповедное состояние: «Каждому гражданину Российского государства обеспечивается свобода совести. По сему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к вероисповеданию и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры» [122, с. 221]. С 14-летнего возраста разрешалось переходить из одного вероисповедания в другое или же вовсе признавать себя не принадлежащим ни к одному из них. Новое законодательство лишило военных священников гарантированной прежними порядками аудитории.

После отречения Романовых от престола и установления власти Временного правительства православная церковь оказалась в совер-

шенно новых для себя общественно-политических условиях и первое время была дезориентирована. На протяжении многих лет она проповедовала идею, что монархия в стране была «Богом утвержденной», но уже 9 марта 1917 г. Синод обратился к православным России с призывом поддержать Временное правительство, называя свержение самодержавия «волей Божьей»: «Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит он труды и начинания Временного правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость» [406, л. 11–11 об.]. На протяжении весны 1917 г. по стране прокатилась волна съездов духовенства и мирян, на которых была выражена лояльность Временному правительству [128, с. 59–60; 386, с. 137]. Таким образом, церковь поддержала смену власти в России.

Несмотря на обстановку в армии, на то, что, как писал Г.И. Шавельский, отечество оказалось «на краю пропасти» [422, л. 83], на военное духовенство возлагалась задача показать солдатам пример правильного понимания свободным гражданином своего долга, самоотверженного служения не за страх, а за совесть. Потому ему следовало с особым усердием отнестись к исполняемому долгу. А в новых общественно-политических условиях это было не так просто. Если с Временным правительством православная церковь смогла установить приемлемые отношения и институт военного духовенства продолжил функционировать в действующей армии, то поддерживать здоровую рабочую обстановку в самой армейской среде было сложно ввиду изменившегося отношения солдат. «Воины, – писал протопресвитер, – завоевав свободу, еще не разобрались ни в своих, как граждан, правах, ни в своих обязанностях; самая свобода многими понята превратно; в общей массе в последнее время обнаруживается охлаждение к вере и церкви, а для некоторых вера и церковь стали казаться остатками старого режима» [422, л. 83].

Такая ситуация была обусловлена несколькими причинами. Для солдат священники и самодержавие всегда были единым целым, что и понятно: духовенство призывало возносить молитвы за самодержавие и императорскую семью, служило в важные дни в истории царствующего дома, оглашало солдатам волю императора. Дореволюционная деятельность военного священника была направлена на поддержку императорской власти. Теперь же многими солдатами духовенство воспринималось как пережиток старого, как контрреволюционный элемент. «Ум от радости опьянен, – писал об отношении солдат проповедник 3-й армии И. Голубев. – Погасла искра божия в сердце их – с одной стороны; с дру-

гой – вследствие существовавшего еще при старом режиме некоторого антагонизма между паствой и нами – пастырями, как иногда не по разуму точными проводниками в жизнь эгоистических распоряжений власти, от царя постановлений; антагонизма, который, кроме того, мелочными и злопамятными людьми и хлесткими газетными репортерами, лицемерно поддакивающими под современный тон, всюду усердно ими разжигается» [239, л. 173–173 об.]. Схожие мысли встречаются в рапорте благочинного 4-й кавалерийской дивизии: «Солдаты ставили в вину духовенству, что оно рабски поддерживало самодержавие, было жалким рабом низвергнутых поработителей – правительства, держало народ в несправедливом безропотном рабстве» [202, л. 8]. С отречением Романовых многие солдаты уже не видели необходимости в присутствии священника в армии, тем более что обязательные до революции богослужения превратились в добровольное дело.

Еще одна причина неприятия солдатами священнослужителей – это ассоциирование их с офицерами, начальством. Священники имели особое положение между солдатами и офицерами. В каком-то смысле они играли роль буфера между ними. Особенно явно это проявилось после революции, когда священнику следовало примирить, как пишет А.А. Кострюков, «враждующие стороны внутри армии», «барина» и «мужика» в лице офицера и солдата [144, с. 154]. С солдатами они должны были стать духовными отцами, найти общий язык, при этом не опускаясь до панибратства. С офицерством же следовало установить хорошие отношения, без раболепства. По заверениям современников, с этой задачей духовенство не справилось. Генерал Н.А. Епанчин писал, что военным священникам не удалось наладить тесную связь ни с теми, ни с другими [100, с. 362]. Схожая мысль была высказана и генералом А.И. Деникиным: «Духовенству не удалось создать более прочную связь с войсками... в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов» [94, с. 7]. Стоит отметить, что офицеры далеко не всегда демонстрировали высокую религиозность: «Все веруют в Бога, но степень веры и качества ее – далеко не одинаковы. [Офицеры], особенно молодые, уже заразившиеся духом отрицания и вообще, веруют слабо, неустойчиво... Разумеется, война на них повлияла: религиозное чувство усилилось, но мало прояснилось. Богослужения посещают редко, дома мало молятся. У одних силен ложный стыд, у других – отсутствие привычки молить-

ся» [318, л. 572]. Еще до революции они позволяли себе небрежное отношение к священникам и культовой деятельности [36, л. 33; 159, с. 64; 332, с. 616]. Однако для солдат это не имело значения, так как разница в жизни священника и офицера, в их понимании, была небольшой: они имели денщиков, хорошие комнаты и квартиры, ели на офицерских столах, получали значительное содержание. И, что немаловажно, не принимали непосредственного участия в бою, как и офицеры. Командиры отдавали приказы, которые священники благословляли и к исполнению которых призывали солдат. Но по мере того как война становилась тяжелой и росла военная усталость, нижние чины стали искать виноватых в своей непростой жизни. И нашли их в лице офицеров, а с ними и в священнослужителях.

Еще одной причиной ухудшения отношения военнослужащих к духовенству стало проповедование непопулярных идей среди солдат. Это наиболее ярко проявилось во время бесед и проповедей. Немаловажную роль также сыграли личные качества части военного духовенства. Как уже отмечалось, если на штатных должностях находились вполне достойные и соответствующие месту службы священники, то штаты военного времени часто заполнялись малообразованными священниками, не имеющими представления о работе в солдатской среде. Если священник плохо зарекомендовал себя, то до революции военнослужащие в большинстве случаев вынуждены были с ним мириться. Теперь же солдаты смогли открыто выражать свое недовольство.

Подогревала эти настроения и литература, хлынувшая в армию с падением самодержавия и ростом активности социалистических партий. В этих изданиях священники изображались представителями контрреволюционных сил, стоящими на защите самодержавного строя и поддерживающими привилегированный класс. В «Церковно-общественной мысли» сообщалось о «гнусной, позорной травле... на страницах бульварной прессы, лубочной брошюры или узко партийного шовинистского органа» [253, с. 45]. 7 июня 1917 г. главный священник Западного фронта от имени подчиненного ему духовенства обратился к протопресвитеру с просьбой ходатайствовать перед Временным правительством об ограничении издания сатирических журналов, в которых помещались карикатуры и иные материалы, направленные против церкви и священников [281, л. 296]. Однако меры, принятые Временным правительством для защиты духовенства от нападок, не возымели действия [326, л. 8].

Смена власти в России и изменившееся отношение солдат к военному духовенству не могло не повлиять на осуществление культовой и внекультовой деятельности. А.И. Деникин писал: «Голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось...» [94, с. 7]. Так ли это было в войсках, дислоцировавшихся на территории Беларуси?

Отречение от престола и установление власти Временного правительства потребовало от военного духовенства (как и в целом духовенства православной церкви) изменить содержание богослужений, а именно порядок поминовения царской семьи. 4 марта 1917 г. на имя протопресвитера пришла телеграмма от А.А. Брусилова, в которой тот спрашивал, как связать отречение императора с эктениями, произносимыми в церкви священниками. Главнокомандующий фронта беспокоился, что упоминание Романовых может быть неверно истолковано солдатами [228, л. 14], но своевременно ответа никто не давал. Только 7 марта протопресвитер смог ответить, что на эктениях (великом входе, молитве «Спаси Господи») следует поминать «богохранимую державу российскую» и «благочестное Временное правительство», а на отпуске и многолетиях к этому добавлять «христоролюбивое воинство». Это разъяснение было направлено духовенству Западного фронта [228, л. 1; 319, л. 63]. Само военное духовенство, вплоть до указаний от протопресвитера, следовало распоряжениям, полученным от епархиальных консисторий, или решениям, переданным через благочинных от главных священников. Например, Минская духовная консистория распоряжением от 4 марта 1917 г. предложила военному духовенству гарнизона поминать из царской семьи лишь Марию Федоровну, а дальше Синод и по порядку. Кроме того, духовенству поручалось прочесть манифест об отречении в церквях города. Также следовало произносить имя Николая Николаевича как главнокомандующего Российской армии. Но в целом вопрос оставался открытым вплоть до подготовки Синодом разъяснений. Указом от 6 марта 1917 г. духовенству поручалось объявить об отречении в храмах и церквях с провозглашением многолетия государству и Временному правительству [406, л. 13]. Только указ Синода от 9 марта 1917 г. подробно разъяснял, как изменится богослужение в связи с прекращением поминовения царствующего дома [406, л. 12].

Многим священникам, в особенности пожилым, было сложно сразу переключиться на новый порядок поминовения, что нередко приводило к конфузам и конфликтам с солдатами. Например, прикомандиро-

ванный к штабу Минского военного округа протоиерей И. Протопопов 9 марта за службой по привычке произнес «помолимся о благочестивейшем, самодержавнейшем великом государе императоре Николае Александровиче» [280, л. 679; 319, л. 488]. Эту ситуацию попытался использовать ктитор церкви в личных целях. Несмотря на то что солдаты с пониманием отнеслись к ошибке священника, он раздул конфликт, чтобы отстранить священника и получить больше власти в церкви. Такие случаи имели место на всех фронтах российской армии, и последствия зависели от того, как солдаты относились к своему священнику.

С принятием нового законодательства посещение служб резко упало. Это было связано с тем, что многолетний обязательный характер превратил богослужения в формальность, «место побывки», сакральное их значение для солдат со временем исчезло. А после Февральской революции в армии была провозглашена свобода совести, в рамках которой, как отмечалось в приказе военного и морского министра А. Керенского от 11 мая 1917 г., «никто не может быть преследуем за исповедуемое им верование и принуждаем к присутствию при богослужениях и совершении религиозных обрядов какого либо вероисповедания... участие в общей молитве не обязательно» [103, с. 318; 183, с. 33].

Можно сказать, что провозглашенные в религиозной жизни российского общества свободы обнажили реальную религиозность военнослужащих. «В последнее время, – отмечалось на страницах «Церковно-общественной мысли», – в некоторых воинских частях обнаружались такие печальные явления, которые свидетельствуют о полном непонимании того, в чем состоит религиозная свобода и к чему она обязывает русских воинов-граждан» [183, с. 34]. Протопресвитер писал подведомственному духовенству, что в воинских частях с освобождением солдат от обязательной молитвы ежедневная общая молитва забыта. Но он призывал не опускать руки и попытаться вернуть интерес солдат к службам: «В каждой части, если не найдется много, то найдется хотя бы несколько человек, желающих помолиться. С ними пусть и начнет священник общую молитву» [338, л. 40 об.]. Так, в 1916 г. в армии таинства причащения соблюдали 100% православных солдат. В 1917 г. этот показатель упал до 10% [372, с. 140; 408, с. 295–296]. В отчетах о богослужебной работе священники признавали, что заполненные до революции церкви во время служб теперь часто пустовали, или посещались небольшим числом солдат [72, л. 321; 205, л. 50, 52; 250, л. 44 об., 69]. М.С. Корзун пишет, что количество посетителей храмов сократилось с

200–400 человек до 13–20 [142, с. 277]. Лишь в отдельных местах посещаемость церквей оставалась прежней [239, л. 180–182, 226–228].

Военнослужащие чаще предпочитали церкви посещение кинематографа или выступления приезжих актеров. В 10-й армии, например, штабной священник сообщал о том, что оставшееся на должностях духовенство продолжало служить, иногда в пустых храмах, и эта тенденция сохранялась на протяжении всего 1917 г., укрепившись после Октябрьской революции [250, л. 44 об.]. Священнослужители 2-й сибирской стрелковой дивизии к сентябрю 1917 г. констатировали упадок религиозности в солдатском сознании, выразившийся в индифферентном отношении к своим религиозным обязанностям [72, л. 321]. «Как только было объявлено о свободном посещении богослужений, – писал в отчете за 1917 г. священник 214-го пехотного полка, – количество посещающих храмы значительно упало и, в конце концов, прекратилось... [Службу] посещали немногие из старших возрастов, офицерский состав не посещал службу» [250, л. 69]. Священник Попов сообщал, что солдаты не пришли помогать устраивать церковь, а также отказались от посещения всенощного бдения, так как оно совпало с приездом артистов со спектаклем. Полковой комитет советовал не упрашивать солдат ввиду провозглашенной свободы совести [205, л. 50]. Также этот священник сталкивался с негативным отношением к церквам и службам: «Не надо молитвы, не надо икон, не надо церковных украшений. А храмы для демократического народа... потому как нужно место для собраний и для прочего» [205, л. 52]. С другой стороны, сами священники с меньшим энтузиазмом относились к организации и проведению богослужений: летом 1917 г. протопресвитер писал, что богослужения в некоторых частях на фронте совершаются небрежно, скоропалительно, невнятно и неразумно [422, л. 79 об.].

Изменение отношения солдат проявилось не только в непосещении служб, но и в поведении на них. Солдаты могли вести себя вольно, не снимать головные уборы, курить, позволять едкие замечания в адрес священника. Даже в церкви штаба Верховного Главнокомандующего служить стало сложнее, ее ктитора просил коменданта о помощи в поддержании порядка среди молящихся, на что особый комитет при ставке Верховного Главнокомандующего ответил отказом, так как это не входило в его обязанности. Хотя стоит отметить, что чаще службы игнорировались, чем посещались ради оскорбления и споров со священниками.

Другое дело – проведение бесед и чтение проповедей. Военное духовенство оказалось в растерянности. Призыв «За Веру, Царя и Отечество» уже не был актуальным: вера «исчезла» с объявлением свободы совести, царь был свергнут, оставалось только Отечество в лице народа и новой власти. А Временное правительство придерживалось необходимости вести войну до победного конца. Поэтому военное духовенство продолжило вести проповеди, беседы и поучения о войне, о долге, верности присяге и государству. Особенно важно было сдерживать от разложения армии Западного фронта, размещенные столь близко к Ставке, за поддержку которых велась активная борьба разных политических сил. Проблема заключалась в том, что солдаты на волне провозглашенных свобод и военной усталости придерживались позиции немедленного мира и возвращения домой, поэтому содержание бесед в большинстве случаев не устраивало солдат и на священнослужителей обрушился шквал критики и издевок [74, л. 140, 156; 200, л. 133–134; 250, л. 67]. «Солдаты, – писал И. Голубев, – стали подозрительными, недоверчивыми, темными, озлобленными, а иногда и грубодержкими с нами, священниками, а потому иногда проповедь церковно-религиозно-нравственного характера уже не производит в настоящее время должного впечатления, не имеет, как прежде, влияния на слушателей» [239, л. 173 об.]. Солдаты обычно возмущались тем, что священники, не проливая своей крови на поле боя, призывают делать это других [74, л. 140]. Споры при беседах сделали их затруднительными. Осуществлять их удавалось только при готовности паствы слушать проповеди.

Сложно пришлось даже лучшим ораторам ведомства – армейским проповедникам. Ни их авторитет, ни опыт и ораторские способности не смогли сдержать солдат от выражения недовольства содержанием речей. Это можно проследить на отношении к проповедникам Западного фронта, должности которых, в отличие от других фронтов, всегда были заняты. Протоиерей И. Голубев писал о том, что вести беседы теперь следует осторожно, взвешивая каждое слово: «Во многих воинских частях армии нельзя было произносить в каких бы то ни было смыслах слова «начальство», «подчинение» и «дисциплина»... И вся аудитория с криками «долой, вон его, провокатор, буржуй, поп-кровопийца, паук, арестовать его»... Можно говорить только на современно-политические темы, поначалу непременно о свободах, различных вольностях, правах, льготах, мире без аннексии и контрибуции, раздаче земли, а потом уже полегоньку, крайне осторожно... можно подойти к своей цели» [239,

л. 173–174 об.]. А поведение солдат, по его словам, оставляло желать лучшего: «Слушают, придираются к словам, возражают, вызывают на разъяснение, доказательства, высказывают открыто и озлобленно различные упреки и жалобы на то, что даже не относится к данному времени и что было еще при их дедах и отцах» [239, л. 174]. Он признал работу в таких условиях невозможной, сообщал, что солдаты не желают слушать проповедей: «Начинаю говорить кротко, ласково, сердечно, как говорил бы отец со своими детьми. А из задних рядов раздаются реплики «Черт кудлатый!... Водолаз!... Воевать хочешь, бери винтовку и вой» [52, л. 533; 144, с. 166]. И это отношение к одному из лучших ораторов ведомства.

Листовки и брошюры, служившие подспорьем священнику в его проповеднической деятельности, устарели и к раздаче были непригодны. Священники, по невнимательности раздав устаревшую литературу, в которой шла речь о самодержавии, царской семье, рисковали потерять поддержку среди солдат, а также быть обвиненными в контрреволюционных настроениях. Так, например, старую литературу раздал священник 2-го лазарета 62-й пехотной дивизии [319, л. 516]. Священник 522-го полевого подвижного госпиталя также совершил подобную ошибку: «И хотя сами по себе такие листки бессмысленны и для мыслящего значения не имеют, – писал главный врач госпиталя, – но на малоинтеллигентную массу действуют возбуждающе и могут вызвать эксцессы» [74, л. 149]. Из-за этой ошибки он даже просил перевести священника в другое место. Новая литература поступала медленно, а тем временем революционные листки, газеты и книги потоком хлынули в армию. На съезде духовенства и мирян в Москве, проходившем 1–12 июня 1917 г., признавалась нехватка церковной литературы в армии: «На фронте есть в избытке всякая «правда», и печатная, и непечатная, но только не церковная. Там нет ни листков, ни воззваний духовенства» [151, с. 45; 238, л. 3]. Предлагалось отправить на фронт церковную литературу в том количестве, в каком там распространяется антицерковная.

Революция повлекла за собой и ухудшение положения военных церквей. По мере того как усиливался отток солдат из церкви, падала посещаемость служб, нужда в церквях отпадала. Кроме того, они ликвидировались по мере расформирования воинских частей и госпиталей [391, с. 20]. Полковые церкви разбирали или использовали приспособленные для них помещения в других целях, порой даже размещали в них полковые комитеты. В госпиталях комнаты, занимаемые под цер-

ковь, освобождали и передавали под палаты или хозяйственные помещения. Строительство и освящение новых церквей практически не осуществлялось [72, л. 375–375 об.]. Некоторые лица использовали сложившуюся ситуацию, чтобы отнять церковь у священника с целью укрепления власти ктитора или устройства другого священнослужителя. Например, в Гомеле священник Гинтов вводил в заблуждение горожан, утверждая, что в гарнизонной церкви хотят устроить иллюзион, так как военное духовенство вместе с протопресвитером ликвидировано, а потому с целью защиты церкви необходимо организовать новый приход, во главе которого бы стал названный священник [241, л. 24–29].

Уже в марте 1917 г. был поднят вопрос о необходимости строить бараки-церкви в армиях Западного фронта. Штаб 2-й армии ответил, что в постройке церквей в частях резерва надобности не имеет, штаб 3-й армии указал на то, что постройка может вестись только самими частями, так как у строительных организаций есть более срочные поручения. Штаб 10-й армии, признавая, что сама идея строительства церквей приветствуется, отказался ввиду более важных в военном отношении потребностей [319, л. 158–159]. Падение уважения к церкви выразилось в росте числа краж церковного имущества и сумм [72, л. 329; 319, л. 301, 388]. В большинстве случаев они были совершены солдатами.

Священнослужители были лишены многих привилегий, которыми пользовались до революции. Им запретили прибегать к помощи вестовых и денщиков. Пользоваться их услугами священнослужители могли, только обеспечив оплату труда. Кроме того, специальные комиссии занялись проверкой условий жизни офицеров и священников, в частности размеров квартир [319, л. 125]. В случае превышения норм производилось отнятие лишнего. В отдельных местах священников лишали также лошадей. Даже протопресвитеру стали отказывать в служебном транспорте [222, л. 1–4].

Не видя нужды в военных священниках, многие солдаты решили, что необходимо отправить их в епархии, а должности ликвидировать. Делалось это руками полковых и госпитальных комитетов. Обычно на священников поступали жалобы и доносы, анонимные или коллективные, после чего назначалась проверка [391, с. 22]. Причем она проводилась не только комитетом, но и ведомством военного духовенства (если полевая канцелярия вовремя узнавала о начале против армейского священнослужителя деле). Священника вызывали на заседание комитета, где он должен был отвечать на обвинения. Это подрывало и

без того пошатнувшийся авторитет духовенства, так как часто его представители были вынуждены оправдываться перед солдатами. Следует признать, что выдвигаемые обвинения носили как обоснованный, так и надуманный характер. Справедливо военнослужащие обвиняли тех, кто небрежно относился к своим пастырским обязанностям, превышал полномочия. Например, священника 298-го полевого запасного госпиталя (Бобруйское благочиние) в октябре 1917 г. отстранили от службы за невыполнение своих обязанностей и неприемлемого поведения: за все лето он отслужил не более 5–6 раз, за все время службы в госпитале не проводил бесед с командой и больными; занимался спекуляцией; не платил вестовому; пренебрежительно отзывался о команде и выступал в поддержку старого правительства [319, л. 713]. Священника 3-го эвакуационного госпиталя о. Григория в апреле 1917 г. было решено отстранить за невыполнение обязанностей (вместо него служил иеромонах, также находящийся в госпитале) и участие до революции в деятельности Союза Русского народа [281, л. 7]. Священник 3-го лейб-гвардейского стрелкового полка О. Козлов оказался в центре разбирательства общего собрания певчих полка, обвинивших его в неподобающем отношении к ним [234, л. 8–9].

Были случаи, когда обвинения носили необоснованный характер. Обычно это делалось с целью устранить из полка или учреждения неудобного священника и поставить на его место другого (часто иеромонаха) или с целью получить больше власти (обычно такие ситуации провоцировали ктитория или другие священники). На территории Беларуси таких случаев зафиксировано немало [319, л. 155–155 об., 357–360, 516–516 об., 766, 768–768 об.]. Например, священника 3-го пограничного Рижского полка К. Петрова в мае 1917 г. обвинили в следующих проступках: «1) после арестования о. протопресвитера, священник продолжал короткое время поминать его на богослужениях; 2) в своей квартире священник имел отрывной календарь с рисунком изображением царской семьи и не уничтожал его... после отречения царя от престола; 3) в одном рапорте на имя командира 3-го полка священник употребил выражение “Ваше высокоблагородие”» [319, л. 15–15 об.]. На основании этих положений комитет обвинил его в приверженности старому правительству. Интересно, что большинство солдат стало на сторону священника, а проверка показала, что обвинения были выдвинуты группой солдат, которые хотели вернуть в полк ранее отстраненного от службы иеромонаха. А комитет 722-го сводного госпиталя в Гомеле

постановил удалить И. Красновского за антиправительственную пропаганду, в которой наиболее значительным проступком было то, что священник пожалел М. Романова и говорил о страданиях военного духовенства [319, л. 257–257 об.]. Крайне негативное отношение к священнику 4-й бригады государственного ополчения (3-я армия) о. Нифонта было вызвано его проповедями, в которых он призывал не упиваться новыми свободами, а усерднее относиться к обязанностям [319, л. 768]. Эти слова привели не только к отстранению от службы в бригаде, но и к поступлению в его адрес угроз. Крайней степенью выражения агрессии были угрозы расправы, попытки покушения на жизнь и убийство священнослужителей [285, л. 32; 319, л. 768]. А. Кострюков пишет, что многие священнослужители в 1917–1918 гг. сбрасывали бороды, переодевались в солдатскую форму и бежали в таком виде с фронта, спасаясь от расправы [145; 144, с. 150]. На территории Западного фронта в 1917 г. случаев убийства священников не зафиксировано [258, л. 237].

С подобными тенденциями, укрепляющимися с каждым месяцем в действующей армии, положение священника стало шатким. Еще до ликвидации ведомства военного и морского духовенства, с весны 1917 г., фиксируются случаи увольнения военных священников из армии. Происходило это тремя путями. В первую очередь, отчисление от должности осуществлялось при сокращении штатов и расформировании частей и полков [199; 200; 277; 319]. Решение это принималось высшим военным или духовным руководством и было обусловлено военной необходимостью, а также сокращением расходов. В данном случае в первую очередь сокращали занимающих нештатные должности, то есть мобилизованных, беженцев и добровольцев. Помимо них, в эту категорию попали священники военно-санитарных поездов и священники-миссионеры, в конце года были упразднены должности проповедников [141, л. 18; 210, л. 46]. Попытка сокращения штатов была принята и в отношении полевой канцелярии протопресвитера (в августе 1917 г. ее хотели ликвидировать в целях экономии). Однако ведомству удалось ее отстоять, разъяснив, что ликвидация повлечет еще больше трат, а совершенно лишить разросшийся аппарат военного духовенства центрального органа управления невозможно [229, л. 23; 307, л. 19 об.].

Увольнение священника и сокращение штатов могло быть инициировано самими военнослужащими. Здесь речь идет именно об отношении солдат и командования к присутствию священника в части и также о необходимости сократить траты на духовенство. Тогда отчислить

могли как штатного, так и внештатного священнослужителя. Например, постановлением команды 174-го сводного эвакуационного госпиталя было закрыто «для сохранения народных денег» штатное место священника [233, л. 120], команда 58-го полевого запасного госпиталя в Новоборисове признавала наличный состав духовенства слишком большим и полагала ограничиться двумя священниками [319, л. 386].

Также отчислить священника мог протопресвитер и главные священники фронтов. В этих случаях отчисление объяснялось невыполнением обязанностей, неразрешенными отлучками и отпусками, неприятием новой власти. Например, священник-беженец из Гродненской епархии, служивший на Западном фронте, был отчислен в епархию за то, что, прибыв на работу в госпиталь, перед солдатами выразил недоверие как к самим событиям Февральской революции 1917 г., так и властям, а также надежду на восстановление самодержавия [234, л. 1]; священник 7-й сибирской стрелковой дивизии Покровский – за отсутствие на службе на протяжении двух месяцев [233, л. 96 об.].

Вопрос расхода государственных средств на содержание священнического аппарата в Российской армии после Февральской революции поднимался как солдатами, так и священниками. Пример – открытое письмо протопресвитеру от солдата Константинова. Оно было направлено против госпитальных священников. Автор писал, что госпитали стоят по несколько в одном населенном пункте, и в каждом есть священник, в то время как два священника могут обслуживать три госпиталя. «Почему, – писал солдат, – из госпиталей подвижных не посылают священника и церковника в такие места ближе к фронту, где нет священников, а солдат много? Церкви есть, пустуют... Штабные, санитарные и главные духовные дармоеды» [326, л. 2]. Это письмо представляет интерес, потому что протопресвитер не оставил его без ответа. В циркуляре от 5 апреля 1917 г. ненужных госпитальных священников предлагалось отправить на фронт для замещения выбывших священнослужителей [338, л. 59]. А 17 июня 1917 г. он писал К. Богородицкому, что одному священнику под силу обслужить три госпиталя, а потому можно сэкономить расход казны путем отчисления ненужных в епархии [326, л. 10–10 об.]. Главному священнику предлагалось решить, кто останется, а кто будет уволен. Благодичинный 3-й кавказской казачьей дивизии (в 1917 г. находилась в составе 3-й и 10-й армий) Д. Феденко предлагал сократить штат священнослужителей в целях экономии ввиду малой занятости священников в армии [36, л. 17, 18].

Сами же рядовые военные священники по-разному смотрели на свое дальнейшее будущее. Положение штатного военного духовенства, число которого доходило до 700 человек, до Октябрьской революции было более надежным: их должности в случае завершения войны и демобилизации армии сохранялись, а потому гарантировалось рабочее место [376, с. 123]. Хуже обстояла ситуация с нештатными священнослужителями. По отношению к ним наметились две тенденции.

С одной стороны, военные священники стали подавать рапорты об увольнении их из ведомства военного духовенства и возвращении в епархии [383, с. 69]. Особенно это касалось призванных по мобилизационному расписанию и специальными распоряжениями Синода и протопресвитера. Заинтересованы в этом были отдельные священники-добровольцы, которым гарантировалось сохранение прихода при возвращении из армии. Отчасти священники хотели уйти со службы, опасаясь за свою жизнь. Однако главной причиной стало стремление срочно вернуться на свои приходы в епархии. Наиболее дальновидные понимали, что конец войны близок и по демобилизации мест в ведомстве военного духовенства может и не быть. Одновременно с этим они понимали, что чем дольше они будут отсутствовать на прежнем месте службы, тем выше вероятность, что по возвращении прихожане уже выберут другого священника. Нередко случалось, что за несколько лет заместителю удавалось хорошо зарекомендовать себя и прихожане поддерживали его кандидатуру. Священники-добровольцы и часть мобилизованных пытались быстро вернуться в епархии, чтобы успеть занять свободные должности, пока они еще были. В таких случаях они писали рапорты на имя протопресвитера с просьбами об отчислении или хотя бы длительной командировке, чтобы можно было устроить свои дела на старом месте службы. При этом они мотивировали свое увольнение разными причинами. Некоторые жаловались на семейные обстоятельства, необходимость выехать к больной жене и детям, смерть родни и прочее. Другие объясняли необходимость увольнения болезнями, старыми ранами и усталостью [278, л. 250–250 об.; 319, л. 736–736 об.]. Отметим, что единственной уважительной причиной для увольнения было подтвержденное болезненное состояние, с которым продолжать службу в армии невозможно. Священники направляли на имя протопресвитера и главных священников вместе с рапортами справки о медицинском освидетельствовании, сделанные при обследовании в военных госпиталях. В них не так часто встречаются указания на действительно серьезные

заболевания, а чаще на утомление, бессонницу, слабость желудка. Например, когда у священника второй бригады 1-й Донской казачьей дивизии не было обнаружено серьезных болезней, он просил отпустить его, ссылаясь на слова протопресвитера: «Священники уставшие, немощные, не пламенные духом пусть уйдут из боевых рядов» [319, л. 172 об.]. А священник К. Румянцев, сломавший ногу на Огинском канале в 1916 г., просил отправить его в отпуск спустя год после травмы [278, л. 250].

Священники, не имеющие проблем со здоровьем, пытались вернуться посредством прошения со стороны прихожан [59, л. 74; 78, л. 1]. Например, архиепископ могилевский Константин осенью 1917 г. просил протопресвитера Г.И. Шавельского о возвращении в приход священника Новоюрковичской церкви Гомельского уезда А. Догуревича, так как население осталось без религиозного обслуживания и просило вернуть старого священнослужителя [78, л. 1, 4]. Но подобная практика была замечена в ведомстве протопресвитера. 26 октября 1917 г. из полевой канцелярии главному священнику Западного фронта пришло разъяснение, согласно которому ходатайство прихожан о возвращении в приход тех или иных священников, находящихся в действующей армии, не может служить основанием для увольнения в епархии [319, л. 725].

Некоторые, не сумев уволиться официально, просто бежали из армии, особенно иеромонахи [319, л. 784]. Еще в апреле 1917 г. это было замечено как протопресвитером, так и военным командованием. Особое значение проблема приобретала не только из-за желания некоторых иереев оставить службу в армии, но и из-за необходимости возврата сумм, полученных по военному ведомству. Дежурный генерал штаба командующего армиями Западного фронта 16 апреля 1917 г. писал главному священнику, что священники, назначенные в армию и получившие все виды пособий военного времени, не могут быть уволены из армии по семейным или иным обстоятельствам [326, л. 6]. Однако число рапортов священнослужителей, а с ними и увольнений не сокращалось, на что отреагировали даже солдаты. В письме на имя протопресвитера от 12 сентября 1917 г. группа солдат указывала на бегство епархиальных священников из армии и невозмещение ими полученных пособий [194, л. 180–180 об.]. Протопресвитер согласился с мнением солдат и просил главных священников поставить ситуацию на контроль. В ноябре 1917 г. он разрешил увольнять священнослужителей без взыскания пособий военного времени только в случае, если их вакансии можно заме-

стить без новых расходов казны (священниками, оставшимися без мест) [194, л. 187].

В иной ситуации оказались священники-беженцы, добровольцы и мобилизованные из бедных и малочисленных приходов. Такие священнослужители старались любой ценой остаться в ведомстве военного и морского духовенства. После войны, по расформированию частей, идти им было некуда: священники-беженцы лишились своих приходов, священники-добровольцы были отчислены, а на их место назначены другие. Кроме того, почувствовав разницу между доходами и занятостью духовенства епархиального и военного, некоторые хотели попытаться счастья и закрепиться в штате. Поэтому, когда началось расформирование частей, в полевую канцелярию стало поступать большое число прошений о переводе на новое место службы [199, л. 777–777 об.; 277, л. 321, 369; 319, л. 763]. «Ввиду предстоящего в скором времени расформирования... воинских частей, – писал священник лазарета 62-й пехотной дивизии К. Зенькович, – я, как беженец из Гродненской епархии, по демобилизации могу... остаться без должности, так как возвратиться в Гродненскую епархию на прежний приход нет надежды» [319, л. 763].

Поэтому полевой канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства, а также управлениям главных священников следовало, по возможности, устраивать на свободные места лишившихся должностей священнослужителей. Однако свободных должностей не было, а если и были, то на них в первую очередь назначали духовенство, находящееся в штате или лишившееся должностей. Прошения от добровольцев из епархий и вовсе отклонялись. В июне 1917 г. протопресвитер писал главному священнику Западного фронта, чтобы тот не вызывал из епархий новых священников, а на свободные места назначал лишившееся должностей госпитальное духовенство и священников военно-санитарных поездов [326, л. 24]. Поэтому на большинстве таких прошений встречаются резолюции «Отказать», «Отказать за множеством кандидатов», «Ничего не могу сообщить, ибо не знаю, сколько постоянных мест останется», «Не могу обещать, пока не пристрою старослужащих в ведомстве» и прочее [231; 277]. К декабрю 1917 г. число священников в армиях Западного фронта сократилось до 392 человек (против 750 в мае 1917 г.) [366, л. 184–193].

Несмотря на то что многие солдаты считали военных священников контрреволюционными силами, само духовенство в большинстве подержало Февральскую революцию 1917 г. Это было связано с общей политикой, проводимой Синодом, которой следовало все духовенство

православной церкви. Военные священники не только поступали сообразно позиции Синода, но и сами не были заинтересованы в сохранении верности самодержавию после его падения. Нелояльные новой власти рисковали потерять свое место службы, а также подвергали себя опасности со стороны солдат [364, с. 45]. Поэтому армейские священники начали поминование за богослужениями Временного правительства, стали приводить к присяге ему солдат действующей армии и новобранцев, в беседах объясняли необходимость проводимых им мероприятий.

Провозглашенные свободы и рост влияния различных политических сил не могли не оказать влияние на военных священников. Некоторые из них даже стали на позиции РСДРП(б), что не поощрялось в ведомстве протопресвитера. В документах встречаются случаи неправильного толкования полученных российским обществом свобод, призывы, расходящиеся с политикой, проводимой Временным правительством, в том числе основанные на идеях большевиков. Фиксируются случаи подпольной агитации против Временного правительства, сборов пожертвований на войну, внушение солдатам недоверия в отношении начальства. Священник 124-го пехотного Воронежского полка С. Волосович, например, перед присягой объяснял солдатам, что Временное правительство может проявлять свою власть только до тех пор, пока оно будет действовать в согласии с представителями демократии, то есть с Советами рабочих и солдатских депутатов, и как только последнее выразит ему свое недоверие, его приказам можно не подчиняться [206, л. 15; 283, л. 52]. Случаи большевистской пропаганды священниками были отмечены и в частях 2-й гренадерской дивизии [283, л. 87]. Левым священником называет себя А. Кадей, крайне негативно зарекомендовавший себя на службе почти всех фронтов и объясняющий свое отстранение «тиранией старорежимистов» [216, л. 6, 42]. За враждебную, с тенденцией к большевизму работу был отстранен от службы священник 533-го Новониколаевского полка Сокольский (после Октябрьской революции попросился обратно в полк) [200, л. 77].

Кроме этого, в рядах военного духовенства ухудшилась ситуация с отпусками и командировками, а также с поведением священников в отношении вышестоящего военного духовенства [74, л. 130, 135; 233, л. 96–96 об.]. Со стороны священников наблюдалась апатия, падение энтузиазма и даже безразличие к работе, во многом вызванное отношением к ним солдат после Февральской революции. Кто-то небрежно выполнял обязанности и не посещал паству для бесед, кто-то позволял

себе неблагоприятные поступки, например, пьянство и карточную игру. «В речах пастырей, – писал проповедник Н. Разумович о духовенстве 10-й армии, – проглядывалось их удручающее, пессимистическое настроение... заметно, что священники на войне теперь представляют из себя стадо, не имущее пастыря, и многие из него убегают от своего великого призвания или же подделываются под доминирующее настроенные толпы» [239, л. 182–182 об.].

Многие восприняли провозглашенные свободы как право на нарушение субординации по отношению к вышестоящим (благодичным, главным священникам и даже протопресвитеру военного и морского духовенства). Отдельные священники обвиняли вышестоящее руководство в ущемлении прав и предвзятом отношении, в несправедливом увольнении. Порой это выражалось не только в нарушающих субординацию телеграммах, но и в прямых оскорблениях в адрес руководящих духовных лиц. Например, уволенный из ведомства за развращение малолетнего иеромонаха 15-го драгунского полка в августе 1917 г. лично обвинил протопресвитера в предвзятости и в упрек поставил его лояльность новой власти: так как сначала тот был в хороших отношениях с царем, а потом с Временным правительством, то значит, он кого-то обманул, принося присягу [229, л. 17 об.]. Священник И. Пономаревский обвинил протопресвитера в принятии на службу в ведомство по протекции «Распутиных, Васильчиковых, Голицыных» (и это учитывая крайне негативное отношение Г.И. Шавельского к Распутину и протекциям со стороны высокопоставленных лиц) [231, л. 96 об.]. Священник А. Кадей приехал в Минск к главному священнику Западного фронта, где на повышенных тонах угрожал К. Богородицкому судом, жалобами в Синод и Главнокомандующему и, в конце концов, оскорбил его при исполнении обязанностей на глазах всего управления [216, л. 7 об.]. Думая, что Г.И. Шавельский все еще под арестом, священник 7-го гусарского полка А. Бекаревич обвинил его в несправедливом снятии с должности благодичного и нанесении этим личного оскорбления [189, л. 27]. Священник П. Авдашкевич написал множество рапортов с целью подорвать авторитет благодичного Гомеля протоиерея Нименского [319, л. 174–175, 177–178, 236–235]. А в письме на имя А.Ф. Керенского священник Степанов обвиняет «духовных генералов» в том, что в их приемных встречались случаи «низкопоклонства» со стороны военного духовенства и проявления надменности, доходящей до наглости со стороны военно-духовных начальников [217, л. 5 об.].

Таким образом, положение и деятельность православных военных священников изменились после февраля 1917 г. В богослужебной деятельности отмечается спад посещений служб. Беседы и проповеди неоднократно срывались ввиду непопулярности их тем и падения авторитета духовенства. Фиксируется рост негативного отношения к самим священникам, выразившийся в обвинениях в адрес духовенства, угрозах физического насилия и попытках отстранения от службы. Начинается процесс увольнения священников из армии, многие сами хотят вернуться в епархии. Небольшая часть духовенства поддалась революционным настроениям армии, что выразилось в пропаганде большевистских идей, нарушении субординации.

II Всероссийский съезд военного и морского духовенства в Могилеве как попытка реорганизации института военных священников в армии

В ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства понимали, что к новым общественно-политическим реалиям необходимо приспособиться, реорганизовать свою работу так, чтобы она могла быть интегрирована в послереволюционную армию. Инициативу нередко проявляли непосредственно на местах. Священники устраивали пастырские собрания, на которых обсуждались дальнейшие действия в новых общественно-политических условиях. 5 мая Синод официально разрешил духовенству проведение на местах съездов и собраний, где бы обсуждались не только местные проблемы, но и перемены в жизни русского общества. По результатам работы съезды принимали резолюции, а также направляли телеграммы (Временному правительству, Думе) [6, с. 37; 7, с. 212; 187, с. 276; 259; 425]. Вырабатывались подходы к организации служб и бесед, обсуждалось, каким образом лучше проводить собеседования с солдатами. Анализ протоколов собраний и съездов духовенства в период весны – лета 1917 г. показал, что к необходимым мерам священники относили устройство и улучшение храмов, продолжение бесед и проповедей, несмотря на падение авторитета духовного пастыря [36, л. 9, 11а–11б; 72, л. 312 об.]. Еще одна попытка самих священников повлиять на сложившуюся в армии ситуацию – это войти в полковые, ротные, корпусные и госпитальные комитеты, а также в военные собрания – солдат, офицеров, врачей и военных чиновников,

чтобы иметь возможность участвовать в принятии решений в полку и отстаивать свои предложения [388, с. 84]. Протопресвитер подчеркивал значение участия в полковых комитетах: «Комитеты в данное время являются для своей части и самым авторитетным руководящим органом, и выразителем ее внутренней жизни», а потому через комитет возможно быть постоянно в курсе «дум и чаяний своей паствы», а также иметь возможность высказываться и иметь влияние на воинскую среду [422, л. 85 об.]. При этом при выборе в состав комитетов и судов священник уравнивался с офицерами [326, л. 28].

Кроме того, духовенство одного полка или дивизии могло создавать собственные церковно-приходские советы и братства при участии как исключительно священников, так и прихожан [422, л. 85 об.]. В них обычно входили военный священник, ктитор церкви, псаломщик, по одному представителю от каждой роты и три представителя от полкового комитета [113, с. 716]. Такие советы преследовали только духовно-просветительские и благотворительные цели. Так, созданное в одном из полков Братство Христа Спасителя посредством своих членов помогало полковому священнику в организации богослужений: устраивало походную церковь или приспособляло для нее помещение; заботилось о церковном хоре и стройном пении за богослужением, приобретало ноты, устраивало спевки; личным примером членов поддерживало в сознании сослуживцев необходимость молитвы [419, с. 26].

Армейские священники также выступали с предложениями по реформированию института военного духовенства [36, л. 17–20; 217, л. 5–6 об.; 283, л. 140–140 об.]. Например, священник 495-го полевого подвижного госпиталя, состоящего при 10-й армии, предлагал лишить протопресвитера и главных священников права увольнения, перемещения, принятия на службу священников единолично и учредить для этого специальные священнические советы, а также сделать все руководящие должности выборными [283, л. 140]. Вопрос необходимости реформ поднимался на съездах духовенства в Петрограде и на местных собраниях, в Духовном правлении [36, л. 4, 9, 11; 298, л. 11–13]. Начало революции и последовавшие за ней государственные изменения поставили перед военным духовенством ряд вопросов, ответы на которые не могли быть даны сверху, циркулярно, как это делалось ранее протопресвитером и Духовным правлением. Принятие тех или иных решений и выработка единого мнения по актуальным общественно-политическим вопросам требовали участия широкого

представительства состоящих в ведомстве военного и морского духовенства лиц. Причем речь шла уже не только о священниках – иереях и протоиереях, но также о диаконах, псаломщиках, членах Духовного правления. Такой подход соответствовал настроениям российского общества, когда росла политическая активность низов и каждому человеку, вне зависимости от должности и социального положения, было предоставлено право участвовать в принятии решений. Осуществить это было возможно посредством Всероссийского съезда военного и морского духовенства. Основной его целью было реорганизовать институт военного духовенства таким образом, чтобы он смог стать органичной частью новой российской армии. Для этого в первую очередь следовало преобразовать административную составляющую ведомства на выборных началах [120]. Задачей съезда было также определить отношение к текущим политическим событиям и, что важно, выработать единую позицию, на которой должны были стоять все военные священники, пересмотреть пастырскую деятельность, решить ряд хозяйственных вопросов.

Идея проведения съезда появилась весной 1917 г. Отправной точкой к ее осуществлению стали решения общего собрания представителей военного и морского духовенства Юго-Западного фронта в Проскурове 5–7 мая (там же в это же время проходил съезд духовенства 3-й армии Западного фронта [6, с. 39]), когда было признано необходимым для обсуждения неотложных вопросов, «выдвигаемых на очередь исключительными условиями переживаемого времени», созвать в Петрограде Всероссийский съезд военного духовенства [224, л. 19–19 об.]. Идея, выдвинутая «проскуровским» собранием, была поддержана полевой канцелярией протопресвитера военного и морского духовенства. Уже 31 мая 1917 г. Духовному правлению было поручено наметить вопросы, подлежащие рассмотрению съезда, решить организационные моменты, связанные с поиском помещения для проведения, размещением и питанием делегатов [39, л. 19 об.].

Съезд был назначен на 1 июля, а местом проведения первоначально назывался Петроград. Но уже в протоколе заседания собрания духовенства армий Западного фронта от 24–28 мая 1917 г. указан Витебск. Однако в результате съезд было решено провести в Могилеве. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что в городе располагалась Ставка Верховного Главнокомандующего, а с другой – дороговизной проведения такого мероприятия в Петрограде [375, с. 72].

Съезду предшествовали местные собрания духовенства Северного, Юго-Западного, Западного, Румынского и Кавказского фронтов. На них обсуждалась необходимость в съезде как таковом, вырабатывалась позиция священников по общественно-политическим и организационно-административным вопросам и избирались делегаты [374, с. 198]. Проведение Всероссийского съезда не было единогласно поддержано фронтовыми служителями. Так, главный священник армий Северного фронта 9 июня 1917 г. сообщал протопресвитеру о том, что духовенство на собрании в Пскове высказалось против его созыва. Зато на Западном фронте поддержали идею и на фронтовом съезде подробно обсудили поставленные на обсуждение вопросы. Фронтовой съезд состоялся в Минске 24–28 мая, на нем присутствовало 59 делегатов. Часть вопросов, поставленных перед делегатами, было решено передать на обсуждение Всероссийского съезда (вопросы служебных прав, выборного начала благочинных, о попавших в плен священнослужителях), однако по наиболее важным из них были выработаны резолюции. Так, по вопросу отношения к войне и миру съезд признал, что «бездействие армии в этот решающий исторический момент является тягчайшим преступлением пред Родиной» [40, л. 47]. И потому каждый военный священник должен исполнять свой пастырский долг до конца.

Крайне важным был вопрос об отношении к партиям. Съезд духовенства Западного фронта постановил, что священник, как «пастырь Христова стада», должен находиться выше всех политических партий, но, как гражданин, участвуя в государственном строительстве, должен быть с народом и за народ. То есть однозначной позиции священниками фронта выработано не было. Что касается культурно-просветительской деятельности, было решено не создавать отдельных учреждений такого характера, а поддерживать имеющиеся, занимающиеся здоровой просветительской деятельностью. Также был подвергнут критике «Вестник военного и морского духовенства». Из духовенства было отобрано 5 священников и их заместителей для представления Западного фронта в Могилеве. Они должны были отстаивать вышеназванные положения во время обсуждений этих или схожих вопросов на Всероссийском съезде.

Изначально предполагалось участие 30–40 делегатов от фронтов, а также трех делегатов от военного духовенства Петрограда и его окрестностей [39, л. 18 об.]. По предложению проскуровского съезда каждый фронт должно было представлять пять делегатов [224, л. 17–17 об.]. Распоряжением протопресвитера от 14 июня 1917 г. к ним добавлялось по

одному делегату от членов Духовного правления, штатных чиновников и вольнонаемных писцов. При этом некоторые представители Румынского и Северного фронтов выразили несогласие с такой нормой, считая ее недостаточной [41, л. 141 об.]. Это свидетельствует о росте активности священников и стремлении участвовать в решении возникших вопросов. Изучение протоколов съезда показало, что в итоге число делегатов от каждого фронта составило 6 человек. При этом среди них были два представителя от строевых частей, один от санитарных, один от запасных частей и главный священник. От Балтийского флота направляли 4 делегата, от Черноморского – 2, от Петрограда и его окрестностей – 3, от Духовного правления – 3, и от младших членов клира 9 делегатов [40, л. 151]. Таким образом, количество участников достигало 51.

Открытие съезда состоялось 1 июля 1917 г. в помещении женского духовного училища Могилева. В списке делегатов числилось 52 имени. Только два фронта выполнили требования по числу участников: Западный фронт прислал трех протоиереев и трех священников, Румынский фронт прислал четырех протоиереев и двух священников. Северный и Юго-Западный фронты превысили норму представительства на два человека, а Кавказский, напротив, прислал только четверых. На одного делегата меньше прислал Балтийский флот.

Несмотря на то что молебен перед первым заседанием был проведен еще в 9 часов утра, само заседание началось лишь в восемь часов вечера 1 июля в связи с тем, что к запланированному времени не явилось до 20 делегатов. Открытие съезда состоялось в присутствии 42 человек, остальные делегаты присоединились позже. По проверке делегатских полномочий выяснилось, что все присутствующие, за исключением двух священников от Северного фронта и избранного только от корпуса священника Касторского (Юго-Западный фронт), избраны правильно. По решению съезда, этих священников допустили. Кроме того, на заседание были приглашены пять делегатов от Могилевского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Позже в число делегатов было добавлено еще три священника, прибывших на съезд сверх нормы.

Вопросы, подлежащие обсуждению съезда, были разбиты на четыре блока: в первом рассматривались реорганизация управления ведомством, выборное начало протопресвитера, Духовного правления и благочинных, хозяйственно-благотворительная часть, пастырские советы и суды чести; во втором находились вопросы кадрового характера,

церковных советов и корпусных съездов, а также реформы журнала; в третьем – вопросы, касающиеся Поместного собора; в четвертом – покритие расходов по съезду [40, л. 152–152 об.].

В преддверии съезда для рассмотрения этих вопросов было организовано семь предсъездовых комиссий: по вопросам, касающимся пастырской деятельности (председатель протоиерей Г. Спасский); по вопросам о реорганизации Духовного правления (председатель протоиерей Р. Прозоровский); хозяйственно-благотворительная (председатель протоиерей А. Успенский); по вопросам, относящимся к Поместному Собору и Учредительному Собранию (председатель протоиерей Ф. Воллой); по вопросам о правах военного и морского духовенства (примечание: 5-я комиссия впоследствии вошла в состав 2-ой комиссии в качестве подкомиссии, председатель Р. Прозоровский); издательско-просветительная (председатель священник А. Боярский); О священниках расформированных частей (священник В. Егоров). Каждая из них подготовила к съезду положения, которые выносились на обсуждение и последующее утверждение делегатами съезда.

Почетным председателем съезда был избран протопресвитер военного и морского духовенства Г.И. Шавельский. Председателем – протоиерей П. Лепорский (главный священник армий Румынского фронта), товарищами председателя – протоиереи К. Богородицкий (главный священник армий Западного фронта) и И. Рубин (священник штаба 2-й армии), также были избраны секретари. Были определены полномочия съезда. Делегаты могли разрешать вопросы, касающиеся военно-духовного ведомства на таких же условиях, каковыми наделены епархиальные съезды, за исключением вопросов, связанных с финансированием от казны. В этом случае обсуждение допускалось лишь с указанием «желательности» их реализации.

Одним из ключевых вопросов стала проблема реорганизации ведомства в соответствии с новыми общественно-политическими условиями, сложившимися в России после Февральской революции. В первую очередь речь шла о повсеместном введении принципа выборности, от благочинных до самого протопресвитера. Делегатами единогласно было поддержано положение об избрании военно-морским духовенством должностных лиц ведомства: протопресвитера, членов протопресвитерского совета, окружных священников и благочинных. Все состоящие при названных должностях сохраняли их на время войны, но после нее должны были быть переизбраны. Благочинным, однако, уже сейчас ре-

комендовали провести проверку своих полномочий переизбранием [72, л. 239, 265]. Так как раньше должностные лица ведомства назначались, то делегаты взяли на себя право определить порядок избрания на те или иные посты. Протопресвитер должен был избираться на Всероссийском съезде военного и морского духовенства из священников, прослуживших в ведомстве не менее пяти лет, имеющих высшее богословское образование. Сменить его допускалось только лишь по решению суда. Члены протопресвитерского совета также избирались на Всероссийском съезде, протопресвитеру предоставили право отвода кандидатов.

Было предложено уже на этом съезде провести перевыборы протопресвитера. Идею поддержали. Закрытой баллотировкой, при 45 голосах «за» и трех «против», Г.И. Шавельский сохранил за собой должность протопресвитера военного и морского духовенства [56, с. 35]. Е.В. Исакова называет это решение съезда единственным, вступившим в силу до ликвидации ведомства [120]. Что касается окружных священников и благочинных, то они избирались на соответствующих собраниях духовенства и утверждались протопресвитером. Изначально предполагалось избранные кандидатуры только «доводить до сведения» протопресвитера, однако формулировка была изменена.

Военным и морским духовенством в будущем продолжил бы управлять протопресвитер при посредстве протопресвитерского совета. Он должен был прийти на смену Духовному правлению, члены которого после избрания протопресвитерского совета освобождались от своих обязанностей [40, л. 219]. В нем предполагалось два отделения: пастырско-административное и хозяйственное. Последнее управляло делами свечного завода, недвижимым имуществом, всеми капиталами и благотворительными учреждениями. В состав каждого входило пять членов: три священника, один дьякон или псаломщик и один мирянин. Они избирались на три года из всего военного духовенства и представителей воинских чинов. При этом в совете должно было быть не менее трех священников, одного псаломщика и диакона от представителей Петрограда и его окрестностей. Для решения наиболее важных вопросов проводилось соединенное собрание, под председательством протопресвитера (при необходимости он мог передавать право председательства своему помощнику или одному из председателей отделений). Делегаты согласились, что все решения в отделениях протопресвитерского совета должны приниматься большинством голосов и утверждаться протопресвитером. При несогласии протопресвитера с решением, принятым

в отделении, дело переносилось в соединенное собрание Совета. Если и в этом случае он не согласится с решением собрания, то дело переносилось на Всероссийский съезд военного и морского духовенства, а в случае его срочности или превышения компетенции съезда – в высший орган церковного управления [40, л. 219 об.].

Для избрания членов протопресвитерского совета и решения важных вопросов по ведомству военно-морского духовенства ежегодно должен был созываться Всероссийский съезд в составе представителей от священнослужителей и мирян из военных чинов в равном духовным делегатам числе. В случае несогласия протопресвитера с его решениями они выносились на рассмотрение высшего постоянного органа церковного управления.

С целью скорейшего осуществления задуманной реорганизации тогда же были избраны члены протопресвитерского совета. Среди них протоиереи В. Грифцов, И. Егоров, Удимов, Р. Прозоровский, священники А. Боярский и И. Бенеманский, протоиерей В. Алексеевский и псаломщик А. Заборовский, а также восемь заместителей [56, с. 35]. Как только Духовное правление было бы упразднено, они сразу же должны были занять места в протопресвитерском совете.

На съезде был утвержден новый порядок образования канцелярии при управлении военно-морским духовенством. Она организовывалась по типу канцелярий главных управлений Военного министерства в составе правителя, двух начальников отделений, казначея, регистратора, архивариуса и определенного количества столоначальников и канцелярских служащих. Все члены канцелярии назначались протопресвитером. Он же избирал Правителя канцелярии и представлял его к назначению Временному правительству. Также было решено, что у протопресвитера будет два помощника, избираемые и утверждаемые им.

Далее были рассмотрены вопросы, связанные с дивизионными и корпусными благочинными. Для дивизионных благочинных все сохранялось по действующему законодательству, за исключением его выборности. Корпусные благочинные стали нововведением. Они избирались духовенством корпуса из числа дивизионных благочинных и объединяли духовенство корпуса в пастырской, религиозно-просветительской и благотворительной деятельности. В их юрисдикции было собирать корпусный пресвитерский совет, в котором они председательствовали, а также наблюдать за выполнением постановлений этого совета подведомственным духовенством [40, л. 220 об.].

Корпусный пресвитерский совет стал ответом на учреждение советов в воинских формированиях. Он должен был состоять из представителей духовенства, по одному от каждого благочиния корпуса и благочиния местных церквей. Члены избирались на один год [40, л. 221]. Совет занимался разработкой мероприятий для развития всех сторон пастырской деятельности духовенства, содействовал его объединению и сплочению, заботился о поддержании служебного престижа духовенства. Дела в совете решались большинством голосов, а недовольные решением корпусного совета могли вынести вопросы на рассмотрение Окружного совета при главном священнике.

Новшеством стало положение об окружных главных священниках и окружном пресвитерском совете. На эту должность избирался достойный священник из духовенства того гарнизона, где был расположен окружной штаб. В окружной пресвитерский совет от каждого из корпусных советов округа, а также от каждой неподвижной церкви областного города избиралось по одному человеку. Права окружного главного священника и окружного совета аналогичны правам корпусных благочинных и состоящих при них советов [40, л. 221 об.].

Таким образом военное духовенство ответило на изменения, произошедшие в послереволюционном обществе, в частности, набирающее силу выборное начало в отношении руководящих и административных органов. Это показывает готовность военного духовенства модернизироваться в соответствии с веяниями времени. Эти решения должны были стать важным шагом на пути к сохранению института военных священников. Следует признать, что тенденция к руководству принципом выборности характерна не только для армейского духовенства, но и православной церкви в целом (например, выборы на некоторые кафедры в 1917–1918 гг.).

Съезд единодушно приветствовал совершившийся государственный переворот как исторический момент исключительной важности. Делегаты признавали, что революция открыла перед народом «светлые перспективы обновленной политически и церковно-общественно жизни, построенной на евангельских началах свободы, любви, равенства и братства» [4, с. 27; 56, с. 34–35]. То есть военное духовенство еще раз заявило о поддержке революционных событий февраля 1917 г. и последовавших за ними изменений.

Предсъездная комиссия о пастырской деятельности разрабатывала вопрос о политической платформе военного духовенства. В ее докла-

де признавалось, что пастырю от политических событий отстраняться не следует, потому как в настоящее время быть вне политики, значит, быть вне жизни [40, л. 161 об.]. Комиссия постановила, что священник не может проповедовать какую-либо определенную политическую программу. Позже на голосовании делегаты приняли это положение единогласно. Сложности начались, когда они стали голосовать по вопросам участия в политической жизни государства. Была предложена такая формулировка: «Пастырям церкви в содружестве с верующим народом необходимо организовать в одну церковную демократическую организацию, которая должна принимать активное участие в строительстве общественно-государственной жизни». Далее священникам, как гражданам, было предложено до создания этой организации примыкать к любой из существующих политических партий, «руководствуясь пастырской совестью» [40, л. 172 об.]. Вопрос участия в политической жизни вызвал споры как в день обсуждений, так и в день голосования. Делегаты условно разделились на две группы. Первая была против участия в политической борьбе и политических партиях. Те же, кто поддержал идею участия в политической жизни, начали дискутировать о том, кому отдать свои голоса и как. Только после вмешательства протопресвитера вопрос был поставлен на голосование. Когда большинство поддержало идею участия в политической жизни, часть делегатов заявила об особом мнении по этому вопросу, так как духовенство их фронтов было против (часть делегатов Юго-Западного и Западного фронтов) [36, л. 11а–11б].

Обсуждалось отношение к Учредительному собранию. Комиссия признавала необходимость в нем в сложившейся общественно-политической обстановке: «Только оно [Учредительное собрание], как отражение воли и разума всей страны... в состоянии вывести страну из разрухи внутренней междоусобицы и безвластия, установить определенный государственный строй, закрепить его основными законами и создать твердую власть. Так как его решения и постановления обязательны для всей страны, то в его руках будущее истории нашего Государства и Православной Церкви» [40, л. 162]. Прочность же нового государства, по мнению комиссии, зависела от того, чье мнение будет выражать Учредительное собрание – всей страны или отдельных партий и сословий. В нем должно принять участие население «всех направлений и партий – от крайних правых до крайних левых включительно» [40, л. 162]. Исходя из этого, комиссия делала вывод, что духовенство православной церкви не может проигнорировать ни выборы в Учредительное собрание, ни

его состав. Ввиду этого комиссия считает долгом каждого священника принять участие в выборах в Учредительное собрание. Идеальным вариантом было бы создать политическую платформу, вокруг которой собралось бы все православное духовенство. Однако за нехваткой времени это не представлялось возможным. Поэтому комиссия развивает ранее утвержденное положение об участии в политической жизни: «... Поддерживать ту социально-политическую организацию и голосовать за тех лиц, которые, будучи чужды противных христианству насилия и вражды, обеспечивали бы наибольшее благо, мирное процветание и целостность Российского Государства, автономию и первенствующее положение православной церкви, широкое народовластие, справедливое обеспечение прав и благосостояния неимущих и всех трудящихся, свободу вероисповеданий, устного и печатного слова, собраний и организаций, национальное и гражданское равноправие» [40, л. 162 об.–163].

Прения по вопросу о поддержке политических партий в Учредительном собрании также затянулись. Одни предлагали поддержать одну из популярных в обществе партий (включая социалистические) [40, л. 164 об.]. Другие выдвинули предложение войти в блок с одной из них с целью получить несколько мест за свои голоса. Но протопресвитер идею блока не поддержал, назвав это торгом: «За 2–3 голоса своих людей мы соглашаемся провести Бог знает кого в Учредительное собрание. Это чести нам не сделает» [40, л. 175 об.]. В итоге съездом была поддержана следующая формулировка: «При выборе представителей духовенства на Всероссийский Собор обязать их наказом в одном из первых заседаний Собора внести настоятельное предложение, чтобы Собор составил свой избирательный список, внося в него кандидатами в Учредительное собрание друзей и защитников Церкви из духовенства и мирян разных политических партий и благословить все православное духовенство голосовать за этот список и возможно чаще агитировать за него в своих приходах, что обеспечит Церкви представительство в Учредительном собрании» [40, л. 176 об.].

Очевидно, что военное духовенство неоднозначно отнеслось к перспективе примыкания к политическим партиям и участию в политической жизни страны. Многие из них стояли на позиции невмешательства в партийную деятельность как не соответствующую духовному сану. Однако вопреки несогласию части делегатов было принято решение о возможности поддержки политических организаций и партий как исполнении гражданского долга.

Как отмечалось, в действующей армии изменилось отношение к священнослужителям, что проявилось в срывах солдатами проповедей, попытках вступать со священниками в дискуссии. Поэтому съезд подробно обсудил, каким образом следует организовать проповедническую деятельность и ее содержание. Делегаты согласились, что священник не может проповедовать какую-либо определенную политическую программу. Но при этом не касаться политических и экономических вопросов было невозможно, а потому их следовало объяснять с «евангельской» точки зрения. Для этого специальная комиссия сформулировала ответы на такие актуальные проблемы, как вопросы о труде, капитале, сословности, земле, войне, смертной казни, правах женщин. Делегаты единогласно приняли положение о труде: «Труд есть благословение Божие и необходимое условие нравственного совершенствования» [40, л. 170 об.]. Вместе с тем положение о восьмичасовом рабочем дне вызвало короткие споры, поэтому съезд принял положение о восьмичасовом рабочем дне в таком виде: «Стремление рабочих классов к более правильному и равномерному распределению труда вполне законно» [40, л. 171]. Капитализм съездом был осужден как явление «нехристианское», а «деление людей на привилегированные и непривилегированные сословия должно быть уничтожено как противоречащее завету Христа о всеобщем равенстве». Единогласно делегаты проголосовали за положение «Земля – трудящемуся народу» [40, л. 171 об.].

Война была съездом признана явлением нехристианским, но в современных условиях она, хоть и зло, но зло неизбежное, и допускается как борьба за мир. И воинский подвиг защиты отечества является «святым подвигом самопожертвования» [40, л. 171 об.]. В будущем же, по мнению делегатов, с возможностью войны следует бороться путем перевоспитания человека. Также решительно была осуждена смертная казнь.

Выработанные советы по основным общественно-политическим вопросам должны были помочь священникам в их пастырской деятельности. Важно было, чтобы они не выражали идеи отдельных партий, а согласовывались с евангельскими нормами.

Отдельное внимание съезд уделит кадровым вопросам. Речь идет об увольнении в отпуски и командировки во время войны, о замене уставших фронтовых священников и об устройстве священников на штатные места (как в военном ведомстве, так и епархиальном).

Требовала решения проблема увольнения священников в отпуски. Главный священник армий Западного фронта протоиерей К. Богородиц-

кий сообщил, что на Западном фронте злоупотребления отпусками были распространенным явлением, причем иногда имели резкую форму. Например, в одной из дивизий фронта сразу после Пасхи в отпуск уехало практически все духовенство, и оставшийся священник всю дивизию обслуживать был не в силах [233, л. 96–96 об.]. Главный священник Юго-Западного фронта предложил запретить все командировки, а отпуска разрешать лишь в крайних случаях. Один из протоиереев описал случай игнорирования священниками запретов на отъезд: «Я просил... одного священника, ввиду требования минуты, уехать в отпуск на месяц позже, а он в ответе на просьбу пишет: “Я уехал, до свиданья!..” [40, л. 94 об.]. Кроме того, до сих пор оставалось неясным, кто разрешает или запрещает отъезд священника: благочинный, главный священник или командир полка и начальник части. Тем более известно немало случаев, когда благочинные и командиры вступали в конфликты на этой почве. Поэтому съезд принял решение об определении строгой очереди отпусков духовенством дивизии на братском собрании с указанием времени для каждого священника, при этом одновременно уйти в отпуск мог только один священник. Список с указанием времени для отпуска каждого из них предоставлялся благочинным начальнику дивизии для объявления в приказе. Экстренные командировки в исключительных случаях мог разрешить начальник дивизии. Такие меры по пресечению злоупотреблений отпусками и командировками были необходимы, хотя и были утверждены с опозданием, так как проблема возникла еще в начале войны и не решалась.

В ведомстве протопресвитера понимали, что по окончании войны многие священники лишатся своих мест в ведомстве. В первую очередь речь шла о духовенстве подлежащих расформированию частей, священниках-беженцах и призванных из епархий. Кроме того, некоторые регулярные формирования после революции отказались от услуг священнослужителей. Поэтому вопрос об устройстве священников, оказавшихся без места службы, не мог не быть рассмотрен делегатами. Съезд признавал, что часть нештатных священников смогли сохранить свои места, но за три года отсутствия может случиться так, что мобилизованный священник «порвет живые нити, связывающие его с приходом, а другой, его заменивший, наоборот, такие связи создаст и закрепит». Особо актуально это становилось в условиях вводимого везде выборного начала. Кроме того, многие епархиальные священники пришли в ведомство протопресвитера, отказавшись от своих мест в епархиях, в надежде найти новое место после войны.

С учетом этого специальная комиссия разработала ряд положений об устройстве священнослужителей. Так, протопресвитера просили назначать на освободившиеся штатные места служащих в некадровых частях беженцев или не сохранивших места епархиальной службы. Раньше решение этого вопроса отчасти было возможным за счет удаления из армии монахов, но после революции делать это стало трудно вследствие противодействия комитетов. Такая ситуация объясняется тем, что солдаты чаще предпочитали видеть в качестве священника иеромонаха, так как те были ближе к пастве, вели себя свободнее, нежели иереи [40, л. 194].

Съезд также принял положение, согласно которому протопресвитер должен был обратиться в Синод с предписанием епархиальным епископам рекомендовать на вакантные священнические места в епархиях в числе первых кандидатов военных священников. Главным священникам фронтов было предложено переписываться между собой по вопросам наличия или отсутствия кандидатов на должности для того, чтобы не назначать новые лица на службу в ведомстве, а перемещать имеющиеся. Этими предложениями делегаты съезда пытались защитить священников, поступивших на службу в ведомство вне штата.

Поднимался также вопрос о национальных полках. Их идея стала популярна после Февральской революции. Съезд постановил направлять в такие полки священников соответствующих национальностей с предоставлением им тех же прав, что и всему военному духовенству. Проблема заключалась в том, что в формируемых национальных полках должности священника уже не предусматривалось, но, несмотря на это, положение было принято [40, л. 94].

Интерес представляют отдельные вопросы, обсужденные на съезде. В частности, участие военного духовенства в Поместном соборе, повышение уровня образования священников, одежда и награды, благотворительность.

Синодом было решено, что из числа военных священников на Поместный собор должно быть избрано 10 человек, при этом не менее пяти из них должны были быть в сане пресвитера [269, л. 7 об.]. Общим голосованием съезд избрал 12 представителей, среди которых были протоиереи Г. Спасский, П. Лепорский, И. Матиков, Ф. Воловей, Н. Рубин, К. Богородицкий, А. Успенский, И. Крылов, священники В. Егоров, К. Стещенко, протодиакон П. Симо и псаломщик А. Заборовский [269, л. 122].

За годы войны ведомство протопресвитера пополнилось священниками, не имеющими необходимого образования, и после войны следо-

вало решить эту проблему. Делегатами съезда было решено возбудить ходатайство о ежегодном командировании 4-х священников ведомства военно-морского духовенства, имеющих законченное среднее образование, на казенный счет в православные духовные академии. Таким священникам сохранялось содержание как офицерам, командируемым в академии. Это предложение было принято делегатами съезда с дополнением об обязательном возвращении на службу на 6 лет.

Долго спорили делегаты по вопросу об установлении отличий для военного духовенства, например, ношение имеющихся крестов вместо цепочки на Владимирской ленте, а имеющим крест на Георгиевской ленте носить два креста. Но споры по этому вопросу так ни к чему не привели. Всем священникам, участвовавшим в войне, было также предложено носить крест на красной или темно-красной ленте. Но предложение было заблокировано низшим клиром – диаконами и псаломщиками, так как им наградных крестов не полагалось. Некоторые предложили проголосовать без учета этих голосов, однако председатель не поддержал предложение, потому как псаломщики и диаконы были равноправными участниками съезда [41, л. 225–225 об.; 174, с. 65].

Интересно обсуждение делегатами Всероссийского съезда отмены обязательного ношения духовного платья. По этому вопросу разошлись во мнении молодые и пожилые священники: молодые выступали за изменение костюма, старшие – за сохранение. Мотивацией для разрешения ношения светского платья стало поведение граждан при виде облаченного в рясу священника. Они указывали на то, что в народе на священников часто показывали пальцем, плевались при встрече с ними, широко было распространено убеждение о том, что встреча «попа» – к неудаче [40, л. 226]. Священники признавали, что в военных условиях ряса крайне неудобна: быстро пачкается в сырую погоду и во время обхода окопов. Отдельные священники предлагали вынести вопрос на обсуждение Поместного собора, но съезд постановил вопрос ношения светского платья оставить на совести священников.

Подробно рассматривались на съезде вопросы благотворительной деятельности. Съезд постановил, что для поддержки сирот священнослужителей, в первую очередь детей участников текущей войны, следует открыть с начала 1917 г. в Петрограде или окрестностях приют с учебным заведением смешанного типа [56, с. 36]. На это дело предполагалось выделить значительные средства. Так, было предложено обложить единовременно взносом каждого военного священника в размере

10 рублей, диакона – 7 рублей 50 копеек и псаломщиков – 5 рублей; предложить военным церквям сделать отчисления из церковных сумм (не менее 10 рублей); отчислить 25% сумм временных военных храмов, которые по закрытии будут предоставлены в распоряжение военно-морского духовенства; определить субсидии из средств свечного завода, не более 20000 рублей; просить об однократной и ежегодной субсидии государство [56, с. 36].

В последующем вопрос об учреждении приюта-гимназии в усложняющейся общественно-политической обстановке был пересмотрен. Отдельные священники и вовсе высказывались за отказ от этой идеи [335, с. 29]. В № 11–12 «Церковно-общественной мысли» была опубликована заметка протопресвитера Г.И. Шавельского, где он писал, что ввиду исключительно тяжелых обстоятельств, в каких оказался Петроград, открыть гимназию невозможно. По его личному мнению, город уже не подходил для этой цели, он называл его «гнилым немецким углом, кроме всего прочего страшным и по своей дороговизне» [438, с. 26]. Вопрос о месте открытия должен быть решен на Третьем Всероссийском съезде военного и морского духовенства, который планировалось провести в феврале 1918 г.

Съезд принял решение о выделении пособий осиротевшим семьям военных священников. Было решено от содержания каждого священника отчислить одновременно по 10 рублей в пользу семей убитых и умерших от ран священников в период с начала войны до 1 июля 1917 г. Также было принято решение об отчислении до конца войны по 3 рубля на каждый смертный случай в пользу убитых после 1 июля 1917 г. Семьям же находящимся в плену священников следовало выдавать ежемесячно 100 рублей из особого фонда, для образования которого каждый священник однократно выделял 1 рубль.

Очевидно, что ведомство протопресвитера рассчитывало обеспечить духовенству и его семьям достойную жизнь после войны, на что выделялись значительные суммы как от самих священников, так и из внутренних фондов. Другое дело, что в сложившихся условиях осуществить эту программу было уже невозможно.

Таким образом, Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства был призван разрешить все трудности, возникшие перед ведомством после свержения самодержавия. Проведение съезда такого уровня свидетельствует о готовности меняться в соответствии с новыми порядками. Однако следует признать, что все попытки оздоровить

и реорганизовать институт военно-морского духовенства не оказались эффективными. Усложнение общественно-политической ситуации летом–осенью 1917 г. и отсутствие реальной поддержки со стороны Временного правительства вынудили оставить все решения съезда нереализованными. В своих воспоминаниях протопресвитер Г.И. Шавельский писал: «Никакими эффектами и никакими талантами духовных лиц нельзя было остановить охватившего армию безумия, принявшего характер стихийной силы». Все, что дал съезд, – это нравственное удовлетворение священникам, но этим, по уверению протопресвитера, дело и ограничилось: «Общезначимый съезд 1917 г. военного и морского духовенства был его последней, прекрасной лебединой песней» [439, с. 450].

Приход к власти большевиков и упразднение ведомства протопресвитера военного и морского духовенства

После Октябрьской революции положение военного духовенства в армии стало ухудшаться. Государственно-конфессиональная политика пришедших к власти большевиков была направлена на полную секуляризацию государства и общества [372, с. 142]. Ставя целью отделение церкви от государства, новая власть, в отличие от Временного правительства, не видела необходимости в армейских священниках и считала целесообразным полную ликвидацию этих должностей [391, с. 23]. Причем упразднение военного духовенства имело не только идеологические, но и экономические причины: в руках Духовного правления были сосредоточены большие средства (пожертвования, благотворительность, церковные суммы), которые (как и в целом, состояние православной церкви) были необходимы для укрепления новой власти.

К октябрю 1917 г. оставшиеся на службе священнослужители смогли, в большей или меньшей степени, наладить свою работу. Удавалось проводить богослужения и беседы, хоть и для небольшой аудитории, организовывать библиотеки с новой литературой, участвовать в работе полковых и церковных советов. Штабной священник 10-й армии писал главному священнику Западного фронта 1 октября 1917 г.: «Требуется усиленная духовно-пастырская деятельность. Почва есть. Работать продуктивно вполне возможно» [141, л. 9 об.].

Однако революция все изменила. Хотя в первые недели своего правления большевики проводили осторожную политику в отношении церкви, стараясь не настроить общество против себя путем давления на Синод и церковные права, в армии ситуация была иной. Солдатские массы, вдохновленные революцией, переходили на позиции большевизма, стали демонстрировать еще большее неприятие священнослужителей в своем окружении: «Вся 10-я армия бурно и стойко стала за большевизм. В первую очередь началось переизбрание всех комитетов, а с ними и переоценка симпатий и отношений, в том числе и к духовенству. Новые комитеты, сплошь яро-большевистские, объявили себя «всею полнотой власти» не только в хозяйственном, но и в строевом и политическом отношениях. Приказы, предписания, требования в духе крайнего большевизма посыпались как из рога изобилия. Во всех учреждениях, отделениях, канцеляриях и даже в местах богослужения появились «властные» контролеры» [250, л. 44–44 об.]. В каком-то смысле все происходило по сценарию послереволюционных событий февраля – марта 1917 г., только теперь армия негативно воспринимала все, что связано с Временным правительством, а не с царем, и все также ждала скорого завершения войны. А так как священники ранее являлись не только опорой самодержавия, но и призывали выполнять приказы Временного правительства, то их положение снова оказалось шатким.

В новых условиях священники были вынуждены ограничиваться богослужебной деятельностью и избегать бесед политического характера. Культурно-просветительская работа многими была прекращена, так как любое неосторожное слово могло спровоцировать конфликт: «Прямо нельзя, говорить – то только потворствовать» [250, л. 44 об.]. Распространять литературу также стало проблематично: только недавно полученные листки и брошюры с упоминанием Временного правительства стали непригодны для использования в работе с солдатами. Местные солдатские комитеты стали запрещать чтения и лекции священников в читальнях, клубах и школах. В 10-й армии за ноябрь–декабрь 1917 г. за проповеди было избито двое священников, а штабного священника за освящение в беседе социализма с точки зрения евангелия было решено убить, чего ему удалось избежать [250, л. 45]. Кроме того, после революции осложнилась организация собраний военного духовенства: они финансировались от казны (например, оплачивалась дорога священников к месту сбора), поэтому командиры предпочитали не выделять средства и отказывали в проведении.

«Декрет о мире» и последовавшее за ним перемирие с Германией ускорили процесс расформирования воинских частей, а следовательно, и ликвидацию священнических должностей. С конца 1917 г. увеличивается поток прошений священнослужителей о предоставлении мест в ведомстве ввиду расформирования воинских частей, а также жалоб на невозможность устроиться на службу в епархиальное ведомство. Некоторые священнослужители теряли работу ввиду реформирования полков по национальному признаку. Например, священник К. Бекаревич в декабре 1917 г. писал, что его полк украинизируется и что он, как белорус, должен его покинуть и уйти в другую часть. В связи с этим он просил назначить его в первый национальный белорусский полк [319, л. 878]. Сокращение числа армейских священников происходило и из-за их убеждений. Например, священника 522-го подвижного полевого госпиталя О. Тиминского уволили за «контр-революционерство», которое заключалось в том, что он не выразил открыто свои симпатии большевизму. А благочинный 4-й пехотной дивизии С. Поляков в декабре 1917 г. сам подал прошение об отставке, не желая служить большевикам: «Оставаться дальше – это значит благословлять самозванцев-захватчиков власти и предателей Родины. Совести никогда не продавал и хочу сохранить ее чистой» [200, л. 128–128 об.]. Случаи непризнания советской власти были и на других фронтах.

В рамках реализации положений Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства главные священники фронтов должны были обмениваться священниками при наличии вакансий. Однако на практике оказалось, что количество уволенных было велико на всех фронтах, а потому обмен был нецелесообразен. 26 декабря 1917 г. главный священник Северного фронта писал К. Богородицкому, что так как расформирования идут и в армиях его фронта, то принять священников еще и Западного он не может [319, л. 761].

Окончательно ведомство военного и морского духовенства было ликвидировано 16 января 1918 г. приказом Народного комиссариата по военным делам № 39 «О расформировании всех управлений духовного ведомства». Он касался всего военного духовенства Российской армии. Священнослужители всех вероисповеданий подлежали увольнению со службы в военном ведомстве, а все их управления – расформированию. Важным моментом при этом было то, что войсковые комитеты имели право, по желанию военнослужащих, сохранить место священника.

В таком случае расходы на его содержание ложились не на казну, а исключительно на саму часть [1, с. 73; 9, с. 566].

Но священников в частях не оставляли, и несколько тысяч человек оказались без места службы и средств к существованию [391, с. 23]. 29 января 1918 г. протопресвитер писал в Народный комиссариат по военным делам, что в ведомстве состоит порядка 3700 священнослужителей (700 штатных и 3000 нештатных), положение которых, ввиду декрета от 16 января, оказалось крайне плачевным [112, л. 28; 236, л. 1]. И если у нештатного духовенства имелись шансы вернуться на службу в епархии, то штатные священники являлись для епархий «совершенно чуждым и излишним элементом», который не может рассчитывать на должности и пособия по епархиальной службе. В связи с этим, а также с заслугами священников в Первой мировой войне протопресвитер просил хотя бы на несколько месяцев выделить им пособия по занимаемым должностям [236, л. 1 об.]. Поместный собор просил выделить помощь всем «безместным» священникам на 6 месяцев [97, л. 5 об., 8–8 об.]. По данным А.В. Соколова, государство выплатило содержание духовенству только за январь-февраль 1918 г. [363, с. 713]. Оно составило 50 000 рублей, о чем было указано в «Росписи общегосударственных доходов и расходов Российской Социалистической Федеративной Республики» за январь-июнь 1918 г. Больше никакой финансовой поддержки уволенному духовенству не оказывалось [363, с. 713–714]. На Поместном соборе был также поднят вопрос о помощи военному духовенству. Собор постановил просить Синод и Высший церковный совет принять меры по поддержке священнослужителей армии, «лишившихся своих мест и не имеющих вместе со своими семьями куска хлеба» [306, л. 5].

Мало кто возлагал надежды на устройство в епархиях. Несмотря на прошение протопресвитера военного и морского духовенства к Патриарху Московскому и всея Руси Тихону от 23/10 февраля 1918 г. о поручении епархиальным епископам принять участие в устройстве военных и морских священников, а также Указ патриарха, Синода и высшего церковного совета от 4/17 июня 1918 г. с таким же поручением, священники ведомства поддержки не встретили. «Ликвидируя свои дела в полку, – писал на страницах «Церковно-общественной мысли» священник А. Вишняков, – едет иерей Божий в епархию, с которой связь давно порвана, где его основательно уже забыли, едет в поисках места... Пока пройдет его кандидатура куда-либо, пока подвергаемый «пробе» избирателями, он найдет себе приход, сколько мук испытать

придется!» [49, с. 35]. А найти приход было крайне сложно. На свободные места назначались кандидаты, имеющиеся в епархии, потом нештатное военное духовенство и уже после – военные священники постоянного состава. Причем нередко свободными оставались только бедные приходы, на которые идти никто не хотел. В июне 1918 г. иерей А. Касаткин просил протопресвитера оставить его на службе, так как епархиальные консистории не принимают военное духовенство на службу: «Всюду слышишь от них только одно утешение: «У меня еще своих кандидатов довольно»... или «Надо теперь устраивать своих законоучителей»... А мы, значит, как пришлые, чужие, должны сидеть и ждать, что останется» [202, л. 43–44].

Помимо прошений об устройстве на службу и отчислении в епархии, на имя протопресвитера стали поступать сообщения о бедственном положении священников и их семей [200; 202]. Например, в августе 1918 г. священник 91-го пехотного Двинского полка писал, что со времени расформирования его полка (март 1918 г.) он не получал никаких средств, все нажитое продано и прожито, а он с семьей голодает: «В таком безнадежном положении находится и моя семья, и если мне будет отказано в пособии, вся моя семья умрет от голода или до этого разбежится милостыню просить» [202, л. 50]. В таких условиях священникам приходилось искать любую работу, часто не соответствующую духовному сану. Многие пошли в извозчики, кассиры, делопроизводители, артельщики и прочее [49, с. 36]. С созданием Добровольческой армии, в войсках которой по штату полагались священники, многие перешли на службу Белому движению [428, с. 63–64].

Согласно Декрету от 16 января 1918 г. все имущество и церковные суммы военных церквей сдавались на хранение комитетам войсковых частей, а в случае их расформирования – вышестоящим комитетам. Для приема и сдачи сумм и имущества, находящихся в распоряжении духовенства военного ведомства, назначались специальные комиссии [361, с. 260]. На основании этих положений декрета началось повсеместное закрытие полковых и госпитальных (где они еще были) церквей и сдача их имущества. Церковную утварь сдавали не комитетам, а епархиальным консисториям (богослужбные предметы передавали в ближайшие епархиальные церкви, а метрические и приходно-расходные книги – в Духовное правление) [193, л. 45; 284, л. 349].

Сложнее обстояло дело с церковными суммами. Исходя из январского декрета все средства, собранные по линии ведомства военного

и морского духовенства, должны были перейти в распоряжение Советского правительства. А это были как суммы, собранные с жертвователей-прихожан, так и суммы, собранные священнослужителями на личные нужды: пособия семьям уволенных, умерших, попавших в плен священников, отчисления на санаторий и поселок и прочее. Военный комиссариат требовал передать все суммы, находящиеся в ведении Духовного правления, в распоряжение наркома социального обеспечения [236, л. 18].

В этих условиях ведомство военного духовенства пыталось вернуть контроль над собранными средствами, чтобы осуществлять поддержку оказавшемуся в тяжелой ситуации военному духовенству. Для организации помощи бывшему духовенству армии и флота по инициативе протопресвитера и Духовного правления был учрежден «Союз священно-церковнослужителей и лиц, служивших в управлении протопресвитера военного и морского духовенства» (позже – «Союз состоящих на службе по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства»). Проект датирован 6/19 февраля 1918 г. Членами союза становились все священно-церковнослужители и прочие лица, состоявшие на службе по ведомству и управлению протопресвитера на 16 января 1918 г., а также все пенсионеры, инвалиды, вдовы, сироты и призреваемые [226, л. 10].

Союз учреждался для защиты интересов своих членов в правовом и материальном отношении, а также для взаимопомощи, поиска новых мест службы, материальной и нравственной поддержки. Для управления им учреждался Совет, находящийся в Петрограде. Он должен был состоять из семи священников (приписка в документе карандашом – пять), трех диаконов (карандашом – двух), двух псаломщиков, трех служивших в Управлении, одного из низших служащих (швейцаров, сторожей) ведомства и двух призреваемых. По положению Совет должен был принять в свое ведение все имущественные и денежные средства, бывшие в распоряжении ведомства протопресвитера военного и морского духовенства, предназначенные оказывать помощь служащим ведомства. Для решения текущих дел из состава Совета формировался исполнительный комитет в числе восьми человек (три священника, по одному диакону, псаломщику, два служивших в Духовном правлении, один служитель или призреваемый) [226, л. 11]. Он должен был вести все текущие дела союза, изыскивать, получать и хранить денежные и иные средства и распоряжаться ими согласно назначению.

Протоколом общего собрания Союза от 8 марта 1918 г. было постановлено вернуть суммы и имущество, конфискованное у ведомства протопресвитера: два дома по Воскресенскому проспекту №№ 18 и 20, занятые вдовами и сиротами военного духовенства; бывший свечной завод в Тверской губернии при сельце Зелено; Ессентукский санаторий для больных и пострадавших на войне служащих ведомства; землю для поселка инвалидов военного духовенства вблизи свечного завода; а также капиталы (похоронная касса, суммы в помощь заштатному духовенству, его вдовам и сиротам, семьям убитых на войне священников, пленным священникам, а также на обучение детей военного духовенства, устройство гимназии, премию имени протопресвитера А.А. Желобовского, памятник героям-священникам и устройство поселка в Ессентуках) [226, л.16]. Основанием для своих требований Союз считал то, что все вышеперечисленное приобреталось и собиралось без какой-либо помощи от казны, исключительно на средства, собранные самими священниками. Еще одно основание – то, что эти суммы и имущество не упоминаются в декрете Совета Народных Комиссаров от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и потому не подлежат конфискации. Кроме того, Союз провел аналогию с епархиальными консисториями, которые не были лишены ни свечных заводов, ни квартир, ни капиталов на нужды духовенства. На основании вышеперечисленного Союз просил передать в его ведение названное имущество и финансы, чтобы использовать их по назначению. Эти требования не были удовлетворены.

В соответствии с Декретом от 16 января, а также приказом Верховного Главнокомандующего от 20 января 1918 г. полевая канцелярия протопресвитера была расформирована [226, л. 9]. А вот Духовное правление какое-то время функционировало. Петроградская синодальная контора решением от 26/13 – 28/15 марта 1918 г. постановила поручить протопресвитеру военного и морского духовенства продолжить работу по назначению пенсий и пособий оказавшемуся в крайне тяжелом положении военно-морскому духовенству и его семьям и в целом по ведомственной благотворительной деятельности, выдаче метрических свидетельств, а также ведению судебно-административных и текущих дел [236, л. 13–13 об.].

Ввиду сокращения функций Духовного правления число служащих было предложено уменьшить до 7–8 человек, а содержание им обеспечить за счет свечного завода. Что касается членов Духовного правления,

то, так как при сокращенном делопроизводстве их работа сводилась к подписанию метрических свидетельств и восстановлению метрических записей, их было решено оставить в прежнем количестве при условии, что члены правления согласны исполнять эти функции безвозмездно [236, л. 40 об.]. А указом патриарха, Синода и Высшего церковного совета от 4/17 июня 1918 г. Духовное правление при протопресвитере было решено оставить в прежнем составе [191, л. 13]. Г.И. Шавельскому было предложено место настоятеля домового церкви протопресвитера, при этом ему не назначалось особого содержания, но пожизненно предоставлялось помещение, занимаемое канцелярией Духовного правления протопресвитера. По завершению работы Поместного собора он должен был подчиняться патриарху [355, с. 92]

Несмотря на все старания протопресвитера и Духовного правления, им не удалось оказать сколько-нибудь существенной поддержки бывшему военному духовенству. Г.И. Шавельский, долгое время пытавшийся улучшить ситуацию, летом 1918 г. подал в отставку. В прошении он мотивировал свой уход состоянием здоровья. Указом Синода от 9/22 августа 1918 г. он был уволен с должности по болезни [236, л. 37]. На его место на время ликвидации дел бывшего ведомства протопресвитера военного и морского духовенства 2/15 октября 1918 г. временно исполняющим обязанности был назначен И.В. Морев [236, л. 38]. Институт военного духовенства прекратил свое существование.

Таким образом, пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики провозгласили отделение церкви от государства и ликвидацию части ее институтов. Они юридически упразднили ведомство протопресвитера, священники которого были деморализованы, а деятельность ограничена богослужениями. Несколько тысяч пастырей были вынуждены вернуться в епархии, однако многие столкнулись со сложностями устройства на новое место службы. Попытки оказать им поддержку не удалось. Институт православного духовенства в лице протопресвитера и Духовного правления продолжал работу до конца 1918 г.

Коренное изменение деятельности православного военного духовенства на территории Беларуси происходит после февраля 1917 г., когда для солдат стало возможным выражение открытого недовольства священнослужителями армии. Ассоциируя духовенство с царской властью, отрицая необходимость в военном духовенстве, солдаты демон-

стрировали неприязненное отношение к нему. Не могло не повлиять на ситуацию и новое религиозное законодательство. Постановление «О свободе совести» от 14 июля 1917 г. закрепило право граждан на исповедание любой религии или вневероисповедное состояние, освободило граждан от обязательности соблюдения церковных обрядов, чем обнажило низкую реальную религиозность Российской армии.

Все это оказало влияние на работу священников. Происходил отток из церквей, военнслужащие не посещали службы и не исполняли обязательные обряды, выказывали неуважение. Временное правительство настаивало на продолжении войны, а потому священники вынуждены были продолжать вести беседы и проповеди на темы патриотизма и войны «до победного конца». Особо важно это было на Западном фронте, позиция которого много решала в революционной обстановке. Но в беседах случались открытые споры и конфликты ввиду несогласия солдат с их содержанием.

С весны 1917 г. начинается процесс ликвидации священнослужительских мест в армии. Одновременно с этим наблюдалось неоднозначное поведение священников Западного фронта к службе: одни бежали из армии, чтобы успеть устроиться на свободные места в епархиях, другие, наоборот, всеми силами старались закрепиться в ведомстве военноморского духовенства.

Важным шагом на пути преодоления сложившейся ситуации стало проведение Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства. Им были приняты решения в сфере управления и организации ведомства, решен ряд кадровых, хозяйственных, благотворительных вопросов. Однако решения съезда в тех общественно-политических условиях реализовать было невозможно.

После октября 1917 г. судьба военного духовенства была предрешена: Декретом Совета Народных Комиссаров от 16 января 1918 г. ведомство было упразднено, служащие в нем лишены работы, средства конфискованы. Все попытки обеспечить поддержку лишившимся работы священникам за счет возвращения изъятых средств не оправдались. К концу 1918 г. прекратили работу все элементы этого института.

Подводя итог деятельности института православного военного духовенства на территории Беларуси, важно учитывать, что его работа была направлена на поддержку существующей государственной системы, одной из опор которой было православие. Поэтому на плечи священников в армии была возложена функция идеологов, которым

полагалось своей службой поддерживать в умах солдат идею верности и защиты самодержавия. Однако секуляризация сознания российского общества в начале XX в. сказалась на положении военных священников, а Первая мировая война обнажила многие противоречия, связанные с деятельностью духовенства в армии. Успех революции констатировал неудачу в их работе, так как сдержать революционные настроения в армии священникам не удалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К началу Первой мировой войны ведомство протопресвитера военного и морского духовенства представляло собой сложную иерархически упорядоченную систему, которая совершенствовалась на протяжении всего военного времени. Это совершенствование заключалось в учреждении новых должностей и уточнении обязанностей всего духовенства ведомства. Главной причиной введения новых должностей стала необходимость в системе управления, способной оптимально функционировать в условиях военного времени и обеспечивать надежную связь между протопресвитером и рядовым духовенством. Помимо штатов, существовавших в мирное время, важную роль в ведомстве играли полевая канцелярия протопресвитера, главные священники фронтов, штабные священники, благочинные.

В рассматриваемый период времени были подробно сформулированы и уточнены обязанности рядового духовенства, а специальными инструкциями разъяснены особенности службы в различных частях и учреждениях армии. Исследование этих инструкций позволяет говорить о своего рода специализации рядового военного духовенства: полковых, госпитальных, артиллерийских, этапных священниках, духовенстве запасных частей, военно-санитарных поездов, а также утвержденных в ответ на рост религиозной и политической пропаганды должностях миссионеров и проповедников.

Западный фронт занимал второе место по количеству православных военных священников: в 1915 г. здесь служило 665 священников, в мае 1917 г. – 750, а к декабрю 1917 г. – около 400. Рядовое военное духовенство комплектовалось как из числа штатного духовенства, так и за счет служителей епархий. Они поступали на службу по мобилизационному расписанию 1910 г. (67 из 586 были мобилизованы с территории Беларуси) за счет призванных по распоряжению Синода, а также из числа добровольцев и беженцев.

Особенности службы на территории Беларуси обуславливались размещением здесь Ставки Верховного Главнокомандующего, конфессиональной ситуацией в белорусских губерниях, особым контролем протопресвитера военного и морского духовенства. Культурная деятельность включала богослужения, обряды, церемонии, проводимые в армии, а также все необходимое для их организации и осуществления (организацию церквей и хоров, приобретение вина, просфор, свечей). Службы в условиях ведения боевых действий на территории Беларуси имели особенности, обусловленные местом служения и характером военной жизни. Хотя на территории Беларуси было большое число стационарных православных церквей, воспользоваться ими часто не удавалось. Выходом стало использование походных церквей – ящиков с церковными принадлежностями, которые размещались в специальных шатрах, бараках, иногда на открытом воздухе. Важной частью работы были погребения и отпевания, участие в устройстве братских кладбищ (например, в Гомеле, Рогачеве, Полоцке, Витебске, Вилейке, Столбцах).

Богослужебная работа определялась не столько духовными потребностями солдат, сколько «Уставом внутренней службы». Также не следует игнорировать секуляризацию сознания российского общества в начале XX в. Скачок религиозности армии в начале войны со временем сменился сомнениями солдат о необходимости отправления религиозных обрядов. Это было вызвано не только потрясением от ужасов войны, но и излишней формальностью служб, восприятием их частью распорядка дня, противоречивостью содержания богослужений.

Внекультовая деятельность включала беседы, организацию библиотек, борьбу с «сектантством», благотворительность. Основными темами бесед были верность Отечеству и присяге, святость воинского долга, недопустимость дезертирства и сдачи в плен, отказ от алкоголя и азартных игр. На Западном фронте такая деятельность была особо актуальна ввиду размещения здесь Ставки. Подспорьем в воспитательной работе стали церковные библиотеки. Их организация на территории Беларуси была упрощена ввиду близости книжного склада протопресвитера и налаженности путей сообщения с крупными городами. Борьба с «сектантством» не получила развития на Западном фронте, случаи религиозной пропаганды со стороны приверженцев других конфессий носили единственный характер.

Если основной работой священников в епархии были богослужения, то в армии на первое место ставилась идеологическая работа с военнослужащими. Посредством проповедей и бесед священники должны были формировать «правильное» отношение к войне, убеждать солдат сохранять верность и быть готовыми к самопожертвованию. На практике многие призванные из епархий священники не понимали важности нравственно-патриотического воспитания солдат. Помимо добросовестных и патриотически настроенных священников, даже среди находящегося под пристальным наблюдением протопресвитера духовенства Западного фронта были те, кто позволял себе неисполнение обязанностей, частые отлучки с фронта, пьянство, конфликты с солдатами и начальством. Ситуация, когда призывавшие солдат придерживаться определенной модели поведения священники сами ей не следовали, негативно сказалась на авторитете всего института. Проповедование священниками идеи «богоугодности» войны настроило уставших солдат против них.

Начавшаяся в феврале 1917 г. революция позволила военнослужащим открыто выразить недовольство священниками армии. Оно накапливалось годами и проявилось под влиянием новых политических и вероисповедных свобод, провозглашенных в российском обществе. Повсеместно фиксируется падение посещаемости служб, сокращается число причастий. Участились случаи неуважительного отношения к богослужениям. Поддерживая политику Временного правительства, священники продолжали говорить о ведении войны до победного конца. Они были особенно важны в армиях Западного фронта, позиция которых много решала в революционной обстановке, но солдаты нередко срывали беседы, спорили с выступающими, провоцировали конфликты.

Солдатские комитеты стали инициировать разбирательства против священнослужителей, имели место случаи угроз их жизни. С весны 1917 г. начинается ликвидация священнослужительских мест в армии, связанная как с расформированием частей, так и с упразднением должностей по инициативе комитетов или протопресвитера. Сами священники или бегут из армии, чтобы устроиться в епархиях, или стараются закрепиться в ведомстве протопресвитера.

Отдельные священники пытались оздоровить ситуацию путем проведения собраний и съездов. Но сделать это можно было лишь общими усилиями, для чего был созван Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства в Могилеве. Решения съезда должны были обеспечить дальнейшее существование ведомства как органичной части новой армии. Однако они не были реализованы.

Позиция пришедших в октябре 1917 г. большевиков в отношении религии и церкви predetermined судьбу института военного духовенства. 16 января 1918 г. ведомство протопресвитера было юридически упразднено. Лишившиеся должностей священники армий Западного фронта отправились в епархии, однако многие не смогли найти новое место службы и не располагали средствами для существования. Священникам-беженцам с оккупированных белорусских земель и вовсе некуда было возвращаться. Средства ведомства протопресвитера были конфискованы советской властью. Попытка создать организацию, объединяющую все военное духовенство в целях защиты его интересов и возвращения конфискованных средств, не удалась. Большое число священников было вынуждено снять рясу и заняться работой, далекой от священнослужительской, а часть эмигрировала или поступила на службу в Добровольческую армию.

Институт православного военного духовенства был частью государственной системы, идеологической основой которой являлось православие. Для сохранения этой системы военным священникам следовало поддерживать в солдатах идею верности и защиты самодержавия. Пока существовала эта система, институт военного духовенства выполнял возложенные на нее функции. Однако изменения, происходящие в общественном сознании, его секуляризация отразились на службе военных священников, а Первая мировая война обнажила многие противоречия, связанные с их деятельностью в армии. Свершение революции констатировало неудачу священников в их деятельности, так как удержать солдат от революционных волнений им не удалось. К началу 1918 г. служба священников в армии практически прекратилась, а необходимость государства в институте военного духовенства отпала после прихода к власти большевиков, не считавших нужным принять меры для его сохранения.

ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Абрамов, А. П. Перспективы существования института военного духовенства после октября 1917 года (историко-социологический анализ) / А. П. Абрамов, С. Н. Емельянов // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. – 2013. – № 2. – С. 72–78.

2. Авдиев, А. От Христа ли баптисты? / А. Авдиев // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1917. – № 5/6. – С. 159–162.

3. Акимов, Д. В. Пастырское окормление православных военнослужащих в российской императорской армии [Электронный ресурс] / Д. В. Акимов // Победа : сайт Синод. отд. Моск. Патриархата по взаимодействию с Вооруж. Силами и правоохр. органами. – Режим доступа: <http://pobeda.ru/pastyirskoe-okormlenie-pravoslavnyih-voennosluzhashhih-v-rossiyskoy-imperatorskoy-armii-2.html>. – Дата доступа: 31.03.2018.

4. Бабкин, М. А. Духовенство РПЦ и Февральская революция 1917 г. : док. и материалы Святейшего синода, епарх., гор., благочин. съездов и собр. рос. духовенства / М. А. Бабкин. – М. : Гос. ун-т упр., 2002. – 52 с.

5. Бабкин, М. А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) / М. А. Бабкин. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2007. – 530 с.

6. Бабкин, М. А. Мы, военные священники, всем сердцем приветствуем обновление родины нашей на началах политической, гражданской и религиозной свободы... / М. А. Бабкин // Воен.-ист. журн. – 2006. – № 2. – С. 37–41.

7. Бабкин, М. А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / М. А. Бабкин. – М. : Индрик, 2006. – 504 с.

8. Бабкин, М. А. Свержение монархии в России в 1917 году и православная церковь : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.12 / М. А. Бабкин ; Гос. ун-т упр. – М., 2003. – 27 с.

9. Бабкин, М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.) : исслед. и материалы / М. А. Бабкин. – М. : Индрик, 2011. – 917 с.

10. Бабкин, М. А. Современная российская историография взаимоотношений Русской Православной Церкви и государства в начале XX века (досоветский период) / М. А. Бабкин // Отечеств. история. – 2006. – № 6. – С. 171–180.

11. Базанов, С. Н. Фронтовые пути русских армий. Ч. 1 / С. Н. Базанов // Воен.-ист. журн. – 1996. – № 1. – С. 73–81.

12. Базанов, С. Н. Фронтовые пути русских армий. Ч. 2 / С. Н. Базанов // Воен.-ист. журн. – 1996. – № 4. – С. 25–35.

13. Баимов, А. Г. Военное духовенство в Российской империи : крат. историогр. обзор / А. Г. Баимов // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – 2015. – № 7-2. – С. 18–21.

14. Барабанов, Е. Наставлять воина в благочестии / Е. Баранов // Ориентир. – 1995. – № 7. – С. 57–61.

15. Барсов, Т. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Т. Барсов. – СПб. : Синод. тип., 1885. – Т. 1 : [О церковном управлении. О пространстве и охране православной веры. О сословиях православного духовного ведомства]. – Разд. паг.

16. Бахныкин, Ю. «Мы в ноги должны поклониться военному духовенству...» / Ю. Бахныкин // Наука и религия. – 2004. – № 8. – С. 13–15.

17. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918) : сб. док. / сост.: В. В. Врублевский [и др.] ; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : Беларусь, 2014. – 355 с.

18. Белевская, М. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве, 1915–1918: личные воспоминания / М. Белевская. – Вильно : Тип. Я. Левина, 1932. – 48 с.

19. Беляков, А. П. Воспитательная деятельность военного духовенства в вооруженных силах дореволюционной России / А. П. Беляков // Ист.-пед. журн. – 2016. – № 3. – С. 54–64.

20. Беляков, А. П. Решение межрелигиозных проблем в вооруженных силах дореволюционной России / А. П. Беляков // Вестн. Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та. Сер. 2, История. История Рус. Православ. Церкви. – 2004. – № 3. – С. 103–117.

21. Бендин, А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск : Беларус. гос. ун-т, 2010. – 439 с.

22. Библиография (о газете «Трезвость») // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1914. – № 20. – С. 717.

23. Бирюков, Г. Военное духовенство в боях за Восточную Пруссию (1914–1915 гг.) [Электронный ресурс] / прот. Г. Бирюков // Русская линия. – Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=114489>. – Дата доступа: 31.03.2018.

24. Богородицкий, К. Из постановлений братского собрания духовенства / К. Богородицкий // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1914. – № 13/14. – С. 461.

25. Бондаренко, В. В. Сражения Первой мировой войны в Беларуси. 1915–1917 [Электронный ресурс] / В. В. Бондаренко // Белорусский зеленый крест. Режим доступа: <http://www.children-art.org/by/projects-bel/perazostagoddzya-1914--2014/mizhnarodnyya-chytanni/materyyaly-chytannya/455-srazheniya-pervo-mirovo-vony-v-belarusi-1915-1917>. – Дата доступа: 04.03.2018.

26. Борщукова, Е. Д. Деятельность православной церкви в организации медицинской помощи раненым в начальный период Первой мировой войны / Е. Д. Борщукова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 132. – С. 9–13.

27. Борщукова, Е. Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Д. Борщукова ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 2002. – 24 с.

28. Боярский, И. Обзор обязанностей и основных форм служения военного духовенства в Российской Империи [Электронный ресурс] / И. Боярский // По-

беда : сайт Синод. отд. Моск. Патриархата по взаимодействию с Вооруж. Силами и правоохран. органами. – Режим доступа: <http://pobeda.ru/obzor-obyazanostey-i-osnovnyih-form-sluzheniya-voennogo-duhovenstva-v-rossiyskoy-imperii.html>. – Дата доступа: 04.03.2018.

29. Боярский, И. Служение военного духовенства в годы Первой Мировой Войны [Электронный ресурс] / И. Боярский // Победа : сайт Синод. отд. Моск. Патриархата по взаимодействию с Вооруж. Силами и правоохран. органами. – Режим доступа: <http://pobeda.ru/cluzhenie-voennogo-duhovenstva-v-godyi-gervoyu-mirovoyu-voynyi.html>. – Дата доступа: 04.03.2018.

30. Брусилов, А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусилов. – М. : Вече, 2013. – 286 с.

31. Бубнов, А. Д. В царской ставке / А. Д. Бубнов. – М. : Вече, 2008. – 268 с.

32. Буганов, А. В. Православие в русской армии XIX – начала XX в. [Электронный ресурс] / А. В. Буганов // Библиотека Якова Кротова. – Режим доступа: <http://krotov.info/history/19/56/buganov.html>. – Дата доступа: 31.03.2018.

33. Бумаги главного священника Северо-Западного фронта // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9436.

34. Бумаги по благочинию города Рогачева Могилевской губернии 1914, 1915 священника И. Чепелева // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9448.

35. Бумаги по канцелярии священника штаба 10 армии за 1915–1916 гг. // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9762.

36. Бумаги, касающиеся местных съездов военного духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10330.

37. Бумаги, относящиеся к 1-му всероссийскому съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9432. Ч. 1.

38. Бумаги, относящиеся к 1-му всероссийскому съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9432. Ч. 2.

39. Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 1.

40. Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 2.

41. Бумаги, относящиеся ко 2-му съезду военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140. Ч. 3.

42. Бушма, Б. Говение дружинников на позиции / Б. Бушма // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1916. – № 11/12. – С. 369–370.

43. Валяев, Я. В. Трансформация ценностных представлений военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / Я. В. Валяев // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – 2011. – № 4, ч. 3. – С. 28–31.

44. Варварства германцев // Мин. епарх. ведомости. – 1914. – № 21. – С. 448–450.

45. Василенко, В. Военное духовенство на службе царизма / В. Василенко // Пропагандист и агитатор РККА. – 1939. – № 14. – С. 17–22.
46. Василенко, В. О. Офицеры в рясах / В. О. Василенко. – Л. ; М. : Гос. изд-во, 1930. – 112 с.
47. Введенский, А. Может ли протестантство именоваться христианством? / А. Введенский // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1915. – № 23. – С. 710–713.
48. Вестник военного и морского духовенства [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/158248.html>. – Дата доступа: 31.03.2018.
49. Вишняков, А. В. Молчать больше нельзя / А. В. Вишняков // Церков.-обществ. мысль. – 1917. – № 11/12. – С. 35–37.
50. Воловей, Ф. Отчет о великопостных публичных беседах гарнизонно-го духовенства города Одессы с нижними чинами военных частей гарнизона / Ф. Воловей // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1916. – № 17/18. – С. 523–528.
51. Вольфсон, С. Я. Сучасная рэлігійнасць: паводле матэрыялаў даследаванняў у БССР / С. Я. Вольфсон. – Мінск : Выд-ва Беларус. акад. навук, 1930. – 119 с. – (Працы Беларускай акадэміі навук, Кафедра марксізму-ленінізму ; Вып. 1).
52. Воспоминания протопресвитера Шавельского Г. И. «Три года в Ставке верховного главнокомандующего (1914–1917 гг.)» // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 1486. Оп. 1. Д. 4.
53. Воспоминания протопресвитера Шавельского Г. И. «В школе и на службе» // ГАРФ. – Ф. 1486. Оп. 1. Д. 8.
54. Восторгов, И. Крест Воинский / прот. И. Восторгов // Церков. ведомости. – 1914. – № 41. – С. 1749–1752.
55. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. – Петроград : Синод. тип., 1916. – X, 328, 144 с.
56. Всероссийский съезд военного и морского духовенства // Церков.-обществ. мысль. – 1917. – № 1. – С. 34–39.
57. Входящие документы 1, 1915, 1916 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 3022. Оп. 1. Д. 133.
58. Входящие документы за 1863–1916 гг. // НИАБ. – Ф. 3022. Оп. 1. Д. 29.
59. Входящие документы за 1917 г. // НИАБ. – Ф. 96. Оп. 13. Д. 2.
60. Высочайшая награда // Полоц. епарх. ведомости. – 1915. – № 7. – С. 106.
61. Вяткин, В. Священники на всевропейской бойне: Первая мировая война приблизила катастрофу государственной Церкви [Электронный ресурс] / В. Вяткин // Независимая газ. – 2014. – 18 июня. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2014-06-18/6_wv1.html. – Дата доступа: 31.03.2018.
62. Галайко, В. Не умирать – побеждать / В. Галайко // Журн. Моск. Патриархии. – 1994. – № 3. – С. 81–90.

63. Галайко, В. Россия пребудет вечно (О Шавельском) / В. Галайко // Честь имею. – 1994. – № 4. – С. 94–96.

64. Гарнизонные благочинные // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10388.

65. Георгиевский, Е. Путь моей жизни : воспоминания митр. Евлогия (Георгиевского), излож. по его рассказам Т. Манухиной / митр. Е. Георгиевский. – М. : Моск. рабочий : Всецерков. православ. молодеж. движение, 1994. – 621 с.

66. Горянов, К. «Не разлучившись с паствой»: подвиг русского православного духовенства в Первую мировую войну 1914–1918 гг. / архиеп. К. Горянов // Церковь. Богословие. История : материалы III Междунар. науч.-богосл. конф., Екатеринбург, 6–7 февр. 2015 г. / Екатеринбург. духов. семинария [и др.]. – Екатеринбург, 2015. – С. 269–276.

67. Григорович, Х. Походная церковь и образцовый иконостас / Х. Григорович // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1916. – № 6. – С. 175–179.

68. Густова, Л. А. Православное богослужебное пение на фронтах Первой мировой войны / Л. А. Густова // Культура: открытый формат – 2012 : библиотекведение, библиографоведение и книговедение, искусствознание, культурология, музееведение, социокультурная деятельность : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; сост.: Т. Н. Бабич [и др.] ; науч. ред. М. А. Можейко. – Минск, 2012. – С. 123–128.

69. Давлетшин, В. Р. Военное духовенство в России XVIII – начала XX века и его деятельность по морально-психологическому обеспечению охраны государственной границы: исторический анализ : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Р. Давлетшин. – М., 2014. – 233 л.

70. Давлетшин, В. Р. Военное духовенство в России XVIII – начала XX века и его деятельность по морально-психологическому обеспечению охраны государственной границы: исторический анализ : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Р. Давлетшин ; Моск. погранич. ин-т Федер. службы безопасности Рос. Федерации. – М., 2004. – 26 с.

71. Дело к сведению // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10027.

72. Дело к сведению // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10318.

73. Дело к сведению // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9758. Т. 2.

74. Дело канцелярии священника штаба X армии за 1917 и 1918 г. // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10324.

75. Дело о командировании священника Алексиничской церкви Сенненского уезда У. К. Бекаревича в распоряжение протопресвитера военного и морского духовенства для исполнения пасторских треб // НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 960.

76. Дело о командировании священника Городищенской церкви Горецкого уезда У. А. Степанова в распоряжение протопресвитера военного и морского духовенства для исполнения пасторских обязанностей // НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 966.

77. Дело о командировании священника Дрибинской церкви Чаусского района У. П. Квятковского в распоряжение протопресвитера военного и морского

духовенства для исполнения пасторских обязанностей и о временном назначении на его место священника Г. Шимковича // НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 963.

78. Дело о командировании священника Ново-юрковичской церкви Гомельского уезда А. Догуревича в распоряжение протопресвитера военного и морского духовенства для исполнения пасторских обязанностей // НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 962.

79. Дело о командировании священника Оршанской привокзальной церкви Е. Минкевича в распоряжение Протопресвитера военного и морского духовенства для исполнения пасторских обязанностей // НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 964.

80. Дело о командировании священника Пашковской церкви Могилевского уезда А. Билецкого в распоряжение Протопресвитера военного и морского духовенства для исполнения пасторских обязанностей // НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 961.

81. Дело о назначении регента Минского архиерейского хора Бережного священником минских полевых госпиталей // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 38384.

82. Дело о назначении священников в госпиталей // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10025.

83. Дело о назначении священников в полки // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9759.

84. Дело о переводе священника Мордашевичской церкви Оршанского у. С. Глыбовского в действующую армию // НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 748.

85. Дело о получении и исполнении указа Синода об организации в приходах приютов и яслей для детей, призванных на службу в армию // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 29471.

86. Дело о представлении благочинными епархий сведений о религиозной благотворительной деятельности священников во время войны с Германией // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 38454.

87. Дело о представлении священников 279-го полевого запасного госпиталя м. Новобелица сведений о преобразовании церкви при госпитале и списков умерших за ноябрь, декабрь 1916 г. // НИАБ. – Ф. 3022. Оп. 1. Д. 137.

88. Дело о проведении священнослужителями крестных ходов и молебнов о победе над врагом, сборе пожертвований в пользу Красного креста и семей призванных на фронт, отводе помещений под лазарет и оборудование их // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 38394.

89. Дело о санитарно-духовных отрядах // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10316.

90. Дело об испрошении Высочайшее утверждение наград пожалованных священникам за отличие в делах против неприятеля и понесенные ими трудности // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9899.

91. Дело об организации в епархии сбора пожертвований для воинов к Пасхе и отправке их в армию // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 38446.

92. Дело об отправке священника Шамовской церкви Мстиславского у. Н. Шафрановского в действующую армию // НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 967.

93. Дело об отпуске махорки табачной фабрики в г. Волковыске без обложения бандеролями настоятелю Волковысской церкви для войск действующей армии // Национальный исторический архив в г. Гродно. (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 30. Оп. 1. Д. 778.

94. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917 г. / А. И. Деникин. – Минск : Харвест, 2002. – 464 с.

95. Дмитриук, Ю. В. Военное духовенство в Беларуси / Ю. В. Дмитриук // Беларусь в современных геополитических условиях: политико-правовые и социально-экономические аспекты устойчивого развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 30 марта 2007 г. : в 2 т. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2007. – Т. 1. – С. 243–245.

96. Дневники императора Николая II / общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацкиса ; сост., коммент., примеч.: В. П. Козлов [и др.]. – М., 1991. – 755 с.

97. Докладная записка группы членов Собора о бедственном положении военных священников и постановления Собора и Синода о мерах помощи // ГАРФ. – Ф. 3431. Оп. 1. Д. 444.

98. Донесения главного священника армий Западного фронта о количестве находящихся в районе фронта священнослужителей // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10581.

99. Емельянов, С. Н. Новые вызовы и задачи: военное духовенство в годы Первой мировой и Гражданской войн / С. Н. Емельянов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. – 2015. – № 2. – С. 51–60.

100. Епанчин, Н. А. На службе трех императоров : воспоминания / Н. А. Епанчин ; вступ. ст., науч. ред. А. Кавтарадзе. – М. : Журн. «Наше наследие» : Полиграфресурсы, 1996. – 576 с.

101. Ермолович, В. Как мы встречали и проводили праздник Рожд. Христова / свящ. В. Ермолович // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1915. – № 7/8. – С. 213–218.

102. Євсєєва, Т. М. Військове і морське духовенство російської армії у Першій світовій війні / Т. М. Євсєєва // Із Києва по всій Русі : зб. матеріалів наук. Богосл.-іст. конф., присвяч. 1025-літтю Хрещення Київ. Руси – України, Київ, 15 трав. 2013 р. / Київ. правосл. богосл. акад. – Київ, 2013. – С. 410–431.

103. Євсєєва, Т. М. Православне військове духовенство: відносини з владою на перехресті епох / Т. М. Євсєєва // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки : міжвід. зб. наук. пр. / Ін-т історії України Нац. акад. наук України. – Київ, 2013. – Вип. 22. – С. 304–328.

104. Євсєєва, Т. М. Православне військове і морське духовенство / Т. М. Євсєєва // Велика війна 1914–1918 рр. і Україна / упоряд. О. Реєнт. – Київ, 2013. – С. 590–604.

105. Жевахов, Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода : в 2 т. / Н. Д. Жевахов. – М. : Родник : Спасо-Преображ. Валаам. Ставропиг. монастырь, 1993. – Т. 1 : Сентябрь 1915 – март 1917. – 345 с.

106. Журавский, А. Из истории ликвидации института протопресвитера в Русской армии / А. Журавский // Мин. епарх. ведомости. – 2013. – № 2. – С. 62–67.

107. Журнал заседаний Духовного правления и рапорты Святейшего Синода о награждении лиц духовного звания военного и морского ведомств с приложением списков представленных к наградам за 1916 г. Список священнослужителей, находящихся в тылу // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10588.

108. Зайончковский, А. М. Первая мировая война / А. М. Зайончковский. – СПб. : Полигон, 2002. – 878 с.

109. Залесский, К. А. Кто был кто в Первой мировой войне : биогр. энцикл. слов. / К. А. Залесский. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 896 с.

110. Заметки, статьи, стихи, рассказы, очерки и прочий редакционный материал для журнала Вестник военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10767.

111. Записки протопресвитера Шавельского Г. И. «Священник на войне», «Церковь и революция» и др. // ГАРФ. – Ф. 1486. Оп. 1. Д. 15.

112. Заявления членов Собора и постановления Собора об организации «примирительных» и «покаянных» молебнов, планы проведения молебнов, сообщения с мест о проведении молебнов // ГАРФ. – Ф. 3431. Оп. 1. Д. 183.

113. Золотарев, О. В. Стратегия духа армии: армия и церковь в русской истории, 988–2005 гг. : антология : [в 2 кн.] / О. В. Золотарев. – 2-е изд., доп. – Челябинск : Социум, 2006. – Кн. 1 : 988–1917 гг. – VIII, 727 с.

114. Золотарев, О. В. Христоролюбивое воинство русское / О. В. Золотарев. – М. : Граница, 1994. – 110 с.

115. Ивашко, М. И. Военные храмы армии и флота России / М. И. Ивашко // Воен.-ист. журн. – 2005. – № 11. – С. 36–43.

116. Ивашко, М. И. Господь – Знамя мое / М. И. Ивашко, В. М. Курылев, А. М. Чугунов. – М. : Светоч, 2005. – 192 с.

117. Ивашко, М. И. Российская армия и церковь (XVIII – начало XX века) : историогр. исслед. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / М. И. Ивашко ; Воен. ун-т. – М., 2007. – 48 с.

118. Ивашко, М. И. Русская православная церковь и вооруженные силы (XVIII – начало XX в.) : историогр. исслед. / М. И. Ивашко. – М. : Рос. акад. правосудия, 2004. – 161 с.

119. Исакова, Е. В. Периодизация истории Института военного духовенства [Электронный ресурс] / Е. В. Исакова // Победа : сайт Синод. отд. Моск. Патриархата по взаимодействию с Вооруж. Силами и правоохран. органами. – Режим доступа: <http://pobeda.ru/periodizatsiya-istorii-instituta-voennogo-duhovenstva.html>. – Дата доступа: 01.03.2018.

120. Исакова, Е. В. Съезды и братские собрания военного духовенства в начале XX века [Электронный ресурс] / Е. В. Исакова // Победа : сайт Синод. отд. Моск. Патриархата по взаимодействию с Вооруж. Силами и правоохран. органами. – Режим доступа: <http://pobeda.ru/sezdy-i-bratskie-sobraniya-voennogo-duhovenstva-v-nachale-xx-veka.html>. – Дата доступа: 01.03.2018.

121. Исакова, Е. Памяти забытых героев / Е. Исакова // Звезда. – 1995. – № 5. – С. 162–165.

122. История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах : пособие : в 4 ч. / Могилев. гос. ун-т ; авт.-сост.: В. В. Старостенко, Э. В. Старостенко. – Могилев : МГУ, 2014–2017. – Ч. 3 : Со второй половины XVIII в. до октября 1917 г. – 2015. – 258 с.

123. Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ. История России XIX–XX веков : сб. науч. тр. / Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ; сост. и науч. ред. В. Н. Сажин. – Л. : ГПБ, 1991. – 215 с.

124. К руководству и сведению о предоставлении годовой за 1914 г. отчетности и о порядке записи актов в метрические и мобилизационные книги // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9654.

125. Калашников, С. В. Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего правительствующего синода (1721–1901 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к Духовному ведомству православного исповедания / С. В. Калашников. – 3-е изд., испр. и доп. содерж. узаконений и распоряжений послед. времени. – СПб. : И. Л. Тузов, 1902. – 592 с.

126. Кандидов, Б. П. Религия в царской армии / Б. П. Кандидов. – 2-е доп., вновь перераб. изд. – М. : Безбожник, 1929. – 92 с.

127. Кандидов, Б. П. Церковный фронт в годы мировой войны / Б. Кандидов. – Изд. 2-е, доп. – М. : Атеист, [1929]. – 159 с.

128. Кандидов, Б. П. Церковь и Февральская революция. Классовая позиция православной церкви в период февраль–август 1917 г. : материалы и очерки / Б. П. Кандидов. – М. : Гос. антирелигиоз. изд-во, 1934. – 96 с.

129. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В. В. Яноўская. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – 496 с.

130. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.] ; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 337 с.

131. Капков, К. Военное духовенство Российской империи [Электронный ресурс] / К. Капков // Православие.Ru. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/28242.htm>. – Дата доступа: 01.03.2018.

132. Капков, К. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX века: итоги к 1917 году / К. Г. Капков. – М. : Летопись, 2009. – 256 с.

133. Капков, К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков : справ. материалы / К. Г. Капков. – М. : Летопись, 2008. – 737 с.

134. Карцева, Н. П. Военное духовенство в национальных формированиях русской армии в 1914–1917 годах / Н. П. Карцева // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. – 2014. – № 3. – С. 143–148.

135. Каханоўскі, А. Г. Беларускае грамадства напярэдадні Першай сусветнай вайны / А. Г. Каханоўскі // Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сб. материалов Междунар. науч. конф., Вилейка, 18 окт. 2014 г. / Беларус. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: В. А. Богуш (пред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 208–214.

136. Кашеев, А. В. Военное духовенство действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны: состав, комплектование, управление : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. В. Кашеев ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2018. – 173 л.

137. Кашеев, А. В. Организация управления военным духовенством действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны / А. В. Кашеев // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 2. – С. 181–186.

138. Ключарев, Н. Чем занимались в русской армии священнослужители / Н. Ключарев // Армия. – 1992. – № 19. – С. 41–43.

139. Книжный склад Общества религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1915. – № 4. – С. 129.

140. Ковалев, Ф. Православие на службе самодержавия в России / Ф. Ковалев. – М. : Безбожник, 1930. – 64 с.

141. Копии исходящих бумаг священника Х армии // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10399.

142. Корзун, М. С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X век – 1917 г. / М. С. Корзун. – Минск : Беларусь, 1984. – 254 с.

143. Коршук, В. К. Россия 1917: народ и власть / В. К. Коршук // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2009. – Вып. 4. – С. 209–218.

144. Кострюков, А. А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году / А. А. Кострюков // Церковь и время. – 2005. – № 2. – С. 143–198.

145. Кострюков, А. Военные священники в сонме новомучеников и исповедников российских [Электронный ресурс] / А. Кострюков // Православие. Ru. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/44668.html#_ftn14. – Дата доступа: 01.03.2018.

146. Кострюков, А. Неизвестные страницы истории русского военного духовенства [Электронный ресурс] / А. Кострюков // Победа : сайт Синод. отд. Моск. Патриархата по взаимодействию с Вооруж. Силами и правоохран. органами. – Режим доступа: <http://pobeda.ru/neizvestnyie-stranitsyi-istorii-russkogo-voennogo-duhovenstva.html>. – Дата доступа: 01.03.2018.

147. Кострюков, А. А. О некоторых условиях служения военного духовенства в годы Первой мировой войны / А. А. Кострюков // Вестн. Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та. Сер. 2, История. История Рус. Православ. Церкви. – 2005. – Вып. 1. – С. 24–44.

148. Кострюков, А. А. Подвиг русского военного духовенства в годы Первой мировой войны / А. А. Кострюков // Журн. Моск. Патриархии. – 2014. – № 7. – С. 66–71.

149. Кострюков, А. А. Русские военные священники в немецко-австрийском плену в годы Первой мировой войны / А. А. Кострюков // Церковь и время. – 2006. – № 2. – С. 109–118.

150. Кострюков, А. Русское военное духовенство в 1917 г. (комментарий в свете веры) [Электронный ресурс] / А. Кострюков // Седмица. Ru : церков.-науч. центр «Православная энциклопедия». – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/406287.html>. – Дата доступа: 01.03.2018.

151. Кострюков, А. А. Скорби строевого капитана (военное духовенство в предреволюционную эпоху) / А. А. Кострюков // 1917-й: Церковь и судьбы России : к 90-летию Помест. Собора и избрания Патриарха Тихона : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 19–20 нояб. 2007 г. / Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-т ; гл. ред. В. Воробьев. – М., 2008. – С. 43–56.

152. Котков, В. М. Военное духовенство России: страницы истории : в 2 кн. / В. М. Котков. – СПб. : Нестор, 2004. – Кн. 1. – 319 с.

153. Котков, В. М. Военное духовенство России: страницы истории : в 2 кн. / В. М. Котков. – СПб. : Нестор, 2004. – Кн. 2. – 317 с.

154. Котков, В. М. Шавельский Г. И.: «Деятельность моя как протопресвитера военного и морского духовенства связана с именем русского народа...» / В. М. Котков, Ю. В. Коткова // Воен.-ист. журн. – 2004. – № 4. – С. 57–60.

155. Котков, В. М. Первый всероссийский съезд представителей военного и морского духовенства в документах российского государственного исторического архива / В. М. Котков // Вестн. архивиста. – 2011. – № 2. – С. 248–257.

156. Котков, В. М. Полковой священник – главный организатор духовного, нравственного и патриотического воспитания военнослужащих русской армии / В. М. Котков // Журн. Моск. Патриархии. – 1999. – № 8. – С. 70–80.

157. Кошелев, В. С. Первая мировая война: истоки, причины, последствия / В. С. Кошелев // Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сб. материалов Междунар. науч. конф., Вилейка, 18 окт. 2014 г. / Беларус. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: В. А. Богуш (пред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 10–24.

158. Кравчук, В. Р. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во второй половине XIX – начале XX веков: исторический аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. Р. Кравчук ; Ленингр. гос. обл. ун-т. – СПб., 2005. – 24 с.

159. Кузнецов, В. Д. Религиозные основы подготовки будущих офицеров Российской империи в 1980–1917 гг. / В. Д. Кузнецов // Воен.-ист. журн. – 2005. – № 12. – С. 62–64.

160. Лавринович, Д. С. Современная белорусская историография о русских революциях 1917 года / Д. С. Лавринович // Столетие Революции 1917 года в России : науч. сб. / Ист. фак. Моск. гос. ун-та. – М., 2018. – Вып. 108 : Революция 1917 года в России – в истории и историографии стран ближнего зарубежья. – С. 103–109.

161. Лавринович, Д. С. Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве в 1915 – марте 1917 г. по воспоминаниям и дневникам современников

событий / Д. С. Лавринович // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т ; отв. ред.: И. Н. Новикова [и др.]. – СПб., 2017. – Вып. 4. – С. 133–146.

162. Литвин, А. М. Беларусь в годы Первой мировой войны: опыт участия и последствия / А. М. Литвин // Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сб. материалов Междунар. науч. конф., Вилейка, 18 окт. 2014 г. / Белорус. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: В. А. Богуш (пред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 24–35.

163. Лозинський, А. Благодійна та духовна опіка військовослужбовців в роки Першої світової війни / А. Лозинський, Р. Великий // Християнська сакральна традиція: віра, духовність, мистецтво : зб. матеріалів ІХ міжнар. конф. Львів, 24 листоп. 2016 р. / Львів. Православ. богосл. акад. – Львів, 2016. – С. 69–72.

164. Лозинський, А. Військове духовенство в роки першої світової війни / А. Лозинський // Українознавство. – 2017. – № 1/2. – С. 89–97.

165. Лукасевич, А. Освящение нового знамени, высочайше дарованного для Скопинского пехотного полка / свящ. А. Лукасевич // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1916. – № 13/14. – С. 437–438.

166. Малишко, С. В. Військові священники армії Російської імперії як специфічний прошарок духівництва / С. В. Малишко // Вісн. Черніг. нац. пед. ун-ту. Сер.: Іст. науки. – 2008. – Вип. 52. – С. 95–101.

167. Малишко, С. В. Мобілізація православного військового і морського духівництва російської армії та флоту в 1914 р. / С. В. Малишко // Зб. наук. пр. Сер.: Історія та географія / Харк. нац. пед. ун-т. – Харків, 2013. – Вип. 49. – С. 88–92.

168. Малишко, С. В. Пастирська діяльність російського православного військового духівництва в умовах Першої світової війни / С. В. Малишко // Вісн. Черніг. нац. пед. ун-ту. Сер.: Іст. науки. – 2011. – Вип. 87. – С. 240–244.

169. Малишко, С. В. Православне військове духівництво російської армії XVIII – початку XX ст.: статус і матеріальне забезпечення / С. В. Малишко // Семінаріум «Церква-ментальність-культура: питання історії та історіографії» / Черніг. нац. пед. ун-т, Черніг. обл. універс. наук. б-ка ; упоряд.: О. Тарасенко, О. Гейда. – Чернігів, 2010. – Вип. 2. – С. 118–125.

170. Малишко, С. В. Православне військове духівництво російської армії у вітчизняній дореволюційній історіографії / С. В. Малишко // Вісн. Черніг. нац. пед. ун-ту. Сер.: Іст. науки. – 2009. – Вип. 73. – С. 167–171.

171. Малишко, С. В. Православне військове духівництво російської діючої армії та флоту в роки Першої світової війни : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.02 / С. В. Малишко ; Черніг. нац. пед. ун-т. – Чернігів, 2012. – 20 с.

172. Мальшко, С. В. Богословское обоснование служения военных пастырей / С. В. Малишко // Віра і честь. – 2009. – № 2. – С. 68–71.

173. Мальшко, С. В. Порядок награждения духовенства военно-духовного ведомства Российской империи в Первой мировой войне / С. В. Мальшко //

Studia internationalia : материалы III Междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.», Брянск, 2–4 июля 2014 г. / Брян. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: С. И. Михальченко, А. А. Чубур. – Брянск, 2014. – С. 157–164.

174. Малышко, С. В. Роль съездов военного и морского духовенства в организации его деятельности / С. В. Малышко // Studia internationalia : материалы Междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях XVII–XX вв.», Брянск, 22–24 июня 2011 г. / Брян. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: С. И. Михальченко, А. А. Чубур. – Брянск, 2011. – С. 57–67.

175. Мальцев, М. В. Из истории военного духовенства России: реформа протопресвитера Александра Желобовского [Электронный ресурс] / М. В. Мальцев, Д. Л. Марков // Седмица.Ru : церков.-науч. центр «Православная Энциклопедия». – Режим доступа: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/5585505>. – Дата доступа: 01.03.2018.

176. Манилкина, С. А. Взаимодействие православной церкви и армии в период I Мировой войны в деле духовно-нравственного воспитания военнослужащих / С. А. Манилкина // Христианство в европейской и мировой истории : сб. докл. XX юбилейн. Междунар. Кирилло-Мефодиев. чтений, Минск, 24 мая 2014 г. / Белорус. Экзархат Рус. Православ. Церкви, Ин-т теологии им. св. Мефодия и Кирилла Белорус. гос. ун-та, Христиан. образоват. центр им. св. Мефодия и Кирилла ; ред.-сост.: М. А. Можейко, Ю. А. Яроцкая. – Минск, 2015. – С. 203–207.

177. Марков, Л. Из истории реформирования института военного духовенства в России / Л. Марков // Памяти протопресвитера Александра Желобовского : науч.-краевед. сб. / Череповец. гос. ун-т ; сост.: А. Е. Новиков, М. Г. Мальцев. – Череповец, 2013. – С. 31–39.

178. Мельницкий, Г. Штундизм и немцы / свящ. Г. Мельницкий // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1916. – № 11/12. – С. 373–375.

179. Меньковский, В. И. «Есть у революции начало, нет у революции конца»: 1917 год в российской исторической политике и современной русскоязычной историографии / В. И. Меньковский, М. Шмигель // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. – 2017. – № 3. – С. 83–91.

180. Меньковский, В. И. 1917 год в современной русскоязычной историографии / В. И. Меньковский // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг. : материалы Всерос. науч. конф., Ростов-на-Дону, 5–6 окт. 2017 г. / Юж. науч. центр Рос. акад. наук [и др.] ; редкол.: Г. Матишов (отв. ред.) [и др.]. – Ростов н/Д, 2017. – С. 8–16.

181. Михалевич, В. Духівництво у військових структурах: історичний досвід і сучасність / В. Михалевич // Волинь і волиняни у Другій світовій війні: зб. наук. пр. за матеріалами I міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. подіям Другої світової війни на території Волин. обл. / Волин. нац. ун-т ; упоряд. М. М. Кучерепа. – Луцьк, 2012. – С. 128–133.

182. Міхайлік, Л. Ваеннае душпастырства і яго традыцыі на тэрыторыі Беларусі да 1939 г. / Л. Міхайлік // *Studia Theologica Grodnensia* : зб. навук. арт. / Гродзен. дзяцэзія Рым.-каталіц. Касцёла ў Рэсп. Беларусь. – Гродна, 2012. – Вып. 6. – С. 243–266.

183. Морев, И. Свобода совести и религиозный долг / И. Морев // *Церков.-обществ. мысль.* – 1917. – № 2. – С. 32–37.

184. Награда протопресвитера // Полоц. епарх. ведомости. – 1916. – № 37. – С. 415.

185. Наряд бумаг к сведению // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9433.

186. Новиков, В. С. Армия и Русская православная церковь / В. С. Новиков // *Воен. мысль.* – 1992. – № 4/5. – С. 60–66.

187. Новиков, В. С. Армия и церковь. Исторический очерк / В. С. Новиков // *Сиб. огни.* – 1991. – № 6. – С. 269–280.

188. Няга, М. Герой-иеромонах / свящ. М. Няга // *Вестн. воен. и мор. духовенства.* – 1916. – № 19. – С. 586–587.

189. О взыскании со священноцерковнослужителей денег // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10103.

190. О вызове священников на службу в Галицию // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 38453.

191. О выработке нового положения по управлению военными церквами // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10357.

192. О выступлении священнослужителей с воинскими частями в поход // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9157.

193. О демобилизации и эвакуации // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10362.

194. О командировании на фронт военного духовенства. Журнал совещания главных священников армий фронта. Приказы и приказания главнокомандующего армиями Северного фронта начальника штаба // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2044. Оп. 1. Д. 21.

195. О командировании священника Горвельской церкви Речицкого уезда Ивана Загоровского в действующую армию // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 38485.

196. О награждении священников // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9760.

197. О награждении священноцерковнослужителей // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10527.

198. О назначении священников в военно-санитарные поезда // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9761.

199. О назначении священников в полки // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10033.

200. О назначении священников в полки // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10319.

201. О назначении священников на этапные пункты // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10028.

202. О переходе священнослужителей в епархиальное ведомство // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10507.

203. О погребении и напутствовании приговоренных к смерти // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10010а.

204. О подвигах священнослужителей во время отечественной войны // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9252.

205. О подвигах чинов армии и священнослужителях, а также о зверствах, чинимых неприятелем над нашими воинами // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10307.

206. О полковом священнике Симеоне Волосовиче // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10373.

207. О походной церкви протопресвитера военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10372.

208. О представлении к наградам // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9494.

209. О пречислении управления главного священника армий фронта из штата канцелярии главного начальника снабжения армий фронта в штат штаба главнокомандующего армиями фронта, об увеличении штата и замещении вакансий // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9753.

210. О прикомандировании к полевой канцелярии протопресвитера миссионеров для ведения бесед в запасных частях // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10016.

211. О пропаганде сектантства в войсках // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10005.

212. О проступках полковых священников // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10360.

213. О разных распоряжениях, принимаемых к руководству // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10000.

214. О расформировании полевой канцелярии протопресвитера // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10512.

215. О сборе пожертвований на нужды Красного креста и на помощь раненым в пределах Гродненской губернии // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 27. Д. 2950.

216. О священнике 109 полевого запасного госпиталя А. Кадее // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10329.

217. О священнике 258-го пехотного запасного полка Ф. Суханове // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10337.

218. О священнослужителях армии // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9440.

219. О священнослужителях, взятых в плен, убитых и раненых на войне и эвакуированных с театра военных действий по болезни // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9219.

220. О сектантах и старообрядцах // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9791.

221. О служебных правах лиц военно-духовнослужащих // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9835.

222. О служебных разъездах протопресвитера и начальника полевой канцелярии // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10355.

223. О совершении молебнов по случаю побед над врагами // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9236.

224. О созыве съезда духовенства, о выборном начале в военном духовенстве, протоколы собрания духовенства // РГВИА. – Ф. 2044. Оп. 1. Д. 30.

225. О составе имущества походных церквей и о чертежах сих церквей // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 4036.

226. О союзе священнослужителей военных и морских церквей // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10516.

227. О формировании духовно-санитарных отрядов и о назначении священников в военно-санитарные поезда и лазареты // РГВИА. – Ф. 2044. Оп. 1. Д. 26.

228. Об изменениях в церковном богослужении // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10116.

229. Об обвинении исполняющего пастырские обязанности в 15 драгунском Переяславском полку иеромонаха Димитрия в гнусных поступках и увольнении его от службы в действующей армии // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10314.

230. Об организации духовно-санитарных отрядов // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10009.

231. Об отказах в определении священноцерковнослужителей в действующую армию // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10304.

232. Об отказе в определении священно-церковнослужителей и разных лиц в действующую армию // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9995.

233. Об отпусках и отлучках священно-церковнослужителей // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10309.

234. Об увольнении и назначении в воинские части священнослужителей // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10112.

235. Об удовлетворении религиозных нужд чинов запасных батальонов // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9254.

236. Об упразднении управления протопресвитера военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10526.

237. Об устройстве полковой церкви в д. Прончаках Минской губернии // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10349.

238. Об участии военного духовенства на всероссийском съезде духовенства и мирян в Москве // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10135.

239. Об учреждении должностей священников для командировок // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10312.

240. Об учреждении на все время военных действий должности секретаря при протопресвитере военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9599.

241. Об эвакуации служащих губернских учреждений и их семей, об организации ополчения и другим вопросам // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 2. Оп. 25. Д. 3146.

242. Обязательные постановления гражданского управления двинского военного округа о запрещении вывоза продуктов из районов, объявленных на военном положении и др., и переписка с уездными исправниками о строгом соблюдении этих постановлений // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 1772.

243. Опыт собеседований гарнизонного духовенства города Одессы с нижними чинами гарнизона / под ред. Ф. Воловея. – Одесса : Типолитограф. штаба округа, 1916. – 111 с.

244. Оржиховский, И. В. Из истории военного духовенства [Электронный ресурс] / И. В. Оржиховский // Белорусская Православная Церковь : офиц. портал. – Режим доступа: <http://exarchate.by/resource/Dir0056/Dir0083/Page0087.html>. – Дата доступа: 04.03.2018.

245. От Духовного правления при протопресвитере // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1915. – № 2. – С. 40–41.

246. От Духовного правления при протопресвитере // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1915. – № 1. – С. 8–10.

247. Отечественная церковь и война : [сборник]. – Петроград : Петрогр. синод. тип., [1916]. – 17 с.

248. Отцам благочинным соборов и церквей ведомства о. протопресвитера к исполнению // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1915. – № 24. – С. 738–739.

249. Отчет правления «Кассы взаимопомощи на случай смерти по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства» за 2-й год ее существования (от 1 января 1915 г. по 1 января 1916 г.), а с открытия похоронной кассы 12-ый // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1916. – № 13/14. – С. 392–396.

250. Отчетные рапорты о состоянии церквей и паствы за 1917 г. // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10462.

251. Отчеты благочинных и священников военных церквей за 1914 и первую треть 1916 г. // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10569.

252. Памяти иеромонаха Амвросия // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1915. – № 17. – С. 542–543.

253. Пастыри-герои // Церков.-обществ. мысль. – 1917. – № 1. – С. 45–46.

254. Пастырское слово воину, вступающему в действующую армию // Воскрес. листок. – 1915. – № 9. – С. 33–35.

255. Пахалюк, К. А. Православное духовенство на защите империи [Электронный ресурс] / К. А. Пахалюк // История. РФ : гл. ист. портал страны. – Режим доступа: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/pravoslavnoie-dukhovienstvo-na-zashchitie-impierii>. – Дата доступа: 04.03.2018.

256. Пахалюк, К. А. Православные священники в русской императорской армии в годы Первой мировой войны / К. А. Пахалюк // Первая мировая война – пролог XX века : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 8–10 сент. 2014 г. : в 2 ч. / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук [и др.] ; сост.: А. В. Володько, М. Э. Хайбуллина ; отв. ред. Е. Ю. Сергеев. – М., 2015. – Ч. 2. – С. 236–242.

257. Переписка начальника 35-го тылового эвакуационного пункта со священником пункта о погребении умерших воинов // НИАБ. – Ф. 3022. Оп. 1. Д. 136.

258. Переписка о назначении и перемещении священников в строевые части и увольнении от службы // РГВИА. – Ф. 2044. Оп. 1. Д. 25.

259. Переписка по вопросам назначения и увольнения священников. Протокол братского собрания духовенства 1 армии. Съезд духовенства 5 армии // РГВИА. – Ф. 2044. Оп. 1. Д. 23.

260. Переписка протопресвитера с разными лицами и учреждениями // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10783.

261. Переписка с командирами воинских частей, духовными консисториями, главными священниками армии, благочинными и отдельными духовными лицами о переходе епархиального духовенства в военное ведомство, призыве на военную службу псаломщиков, назначениях, перемещениях, увольнениях и отпусках духовных лиц // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10572.

262. Переписка с уездными исправниками о создании в их уездах благотворительных обществ и комитетов, предназначенных для нужд военного времени, и с другими лицами // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 27. Д. 2953.

263. Переписка секретаря при протопресвитере Махароблидзе // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10058.

264. Переписка со священнослужителями и указы синода о сохранении за лицами духовного звания, призванными на военную службу, должностей и окладов по епархиальному ведомству // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10576.

265. Печень, Н. А. Возрождение из забвения / Н. А. Печень. – М. : Изд-во Вооруж. Сил Рос. Федерации, 1993. – 112 с. – (Библиотека российского воина ; вып. 1).

266. Платонов, Н. Ф. Церковь и империалистическая война / Н. Ф. Платонов // Религия и церковь в истории России: советские историки о православной церкви в России : сб. ст. / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Ин-т науч. атеизма ; сост. и авт. примеч. Е. Ф. Грекулов. – М., 1975. – С. 228–240.

267. По вопросам церковно-богослужебной и пастырской практики // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9808.

268. По вопросам, связанным с объявлением мобилизации армии // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9422.

269. По выборам членов в Поместный собор Всероссийской церкви // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10160.

270. По жалобам на священноцерковнослужителей военно-духовного ведомства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9844.

271. По запросам священноцерковнослужителей об условиях службы в военно-духовном ведомстве // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9488.

272. По отчетным рапортам священнослужителей о состоянии церкви и паствы за 1916 г. // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10194.

273. По перепискам с представлением отчетов о служебной деятельности священнослужителей военного ведомства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10085.

274. По переписке и жалобам на неправильные действия военного духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10104.

275. По просьбам разных лиц об определении на священнослужительские места, ходатайства которых оставлены без удовлетворения // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10069.

276. По просьбам разных лиц об определении на священнослужительские места, ходатайства которых оставлены без удовлетворения // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9774.

277. По просьбам священнослужителей военного и морского ведомств о переводе в другие места // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10315.

278. По разным вопросам, не требующим сложной переписки // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10074.

279. По разным вопросам, разрешенным на совещании Главных священников армий фронтов, бывшем 11–12 ноября 1916 года в Ставке Верховного Главнокомандующего // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10012.

280. По разным нарядам, не требующим строгой переписки // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10303. Ч. 1.

281. По разным нарядам, не требующим строгой переписки // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10303. Ч. 2.

282. По разным предметам // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9784.

283. По разным предметам в связи с государственным переворотом // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10115.

284. По сообщениям о передаче церковного имущества // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10497.

285. По сообщениям о смерти священнослужителей военного и морского ведомства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10079.

286. По указу Синода об устройстве участи эвакуируемого духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9627.

287. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. – Петроград : Тип. 1-й Петрогр. трудовой артели, 1915. – Т. 1 : Царствование государя императ. Николая I. 1825 (дек. 12) – 1835 гг. – X, 938 с.

288. Положение о полевом управлении войск в военное время. – Петроград : Воен. тип. императ. Екатерины Великой, 1914. – 154 с.

289. Положение о полевом управлении войск в военное время. С последовавшими изменениями и дополнениями в период времени с 20-го июля 1914 г. по 1-е марта 1919 г. – [Архангельск : Тип. Сев. общ. печ. и издат. дела, 1920]. – VI, 100 с.

290. Положение о помощнике протопресвитера военного и морского духовенства // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1910. – № 9. – С. 259–260.

291. Положение об управлении церквями и духовенством военного и морского ведомств, 12 июня 1890 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. третье : [в 33 т.]. – СПб., 1893. – Т. 10, отд.-ние первое 1890. – С. 470–481.

292. Полохов, Д. Нравственно-патриотическое воспитание в вооруженных силах на основах православной христианской веры : дис. ... канд. богословия : 02.06.00 / свящ. Д. Полохов. – Сергиев Посад, 2000. – 215 л.

293. Поляков, Г. Военное духовенство России / прот. Г. Поляков. – М. : Твор. информ.-издат. центр, 2002. – 538 с.

294. Поляков, Г. П. К вопросу о роли полковых священников Российской императорской армии в Великой войне 1914–1918 гг. / Г. П. Поляков // Studia

internationalia : материалы III Междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.», Брянск, 2–4 июля 2014 г. / Брян. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: С. И. Михальченко, А. А. Чубур. – Брянск, 2014. – С. 152–157.

295. Послужной список протопресвитера военного и морского духовенства Шавельского Г. И. // ГАРФ. – Ф. 1486. Оп. 1. Д. 1.

296. Предисловие протопресвитера Шавельского Г. И. к своим воспоминаниям «Три года в Ставке верховного главнокомандующего (1914–1917 гг.)» // ГАРФ. – Ф. 1486. Оп. 1. Д. 7.

297. Приказ Начальника штаба Верховного Главнокомандующего 9 марта 1916 г. // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1916. – № 10. – С. 320.

298. Приказ начальника штаба верховного главнокомандующего, черновики писем разным лицам и другие черновые материалы о положении ведомства протопресвитера в военное время и образовании специальной комиссии для окончательного составления нового проекта положения и утверждения новых штатов // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10624.

299. Приказ по военному ведомству, 22 мая 1914 г., № 309 // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1914. – № 13/14. – С. 449–453.

300. Приказы и циркуляры по ведомству протопресвитера // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10062.

301. Приказы начальника Штаба Верховного Главнокомандующего за 1916 г. Подшивка // НИАБ, библиотека. – № 15209.

302. Приказы начальника Штаба Верховного Главнокомандующего с № 1 по № 417 за 1916 г. Подшивка // НИАБ, библиотека. – № 14933.

303. Приказы по ведомству протопресвитера // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10396.

304. Приказы по военному ведомству за 1915 г. – Петроград : Воен. тип. императ. Екатерины Великой, 1915. – 860 с.

305. Приказы по военному ведомству за 1916 г. – Петроград : Воен. тип. императ. Екатерины Великой, 1916. – 911 с.

306. Протокол и стенограмма заседания Собора от 29 (16) февраля 1918 г., посвященного обсуждению о единоверии и старообрядчестве, о мерах по оказанию помощи военному духовенству, о преподавании закона божия в советской школе. Материалы к протоколу // ГАРФ. – Ф. 3431. Оп. 1. Д. 87.

307. Протоколы №№ 1–33 и журналы заседаний Комиссии по сокращению штатов (комиссия под председательством ген. Илькевича, Галевского, Чистякова) // РГВИА. – Ф. 2083. Оп. 8. Д. 1.

308. Протоколы заседаний консистории за февраль, март 1916 г. // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 95.

309. Разрозненные не разобранные бумаги // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9769.

310. Разъяснение Главного Штаба // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1914. – № 20. – С. 698–699.

311. Рапорт благочинного 1-го округа Борисовского уезда о призыве на военную службу псаломщика Шимановского // НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 38455.

312. Рапорт благочинного 1-го округа Невельского уезда о состоянии церквей, причтов, паствы, за 1916 г., положение и совете благотворительных обществ и учреждений г. Витебска // НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 99.

313. Рапорты священнослужителей воинских частей действующей армии об их пастырской деятельности за 1915 г. // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9904.

314. Раскин Д. И. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 : в 4 т. / Д. И. Раскин. – СПб : Наука, 2004. – Т. 4 : Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство. – 314 с.

315. Распорядительное дело // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Ч. 1.

316. Распорядительное дело // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Ч. 2.

317. Распорядительное дело // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Ч. 3.

318. Распорядительное дело // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Ч. 4.

319. Распорядительное дело // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10321.

320. Распорядительное дело // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9435. Т. 1.

321. Распоряжение Духовного Правления при о. протопресвитере об обязательных церковнокружечных или тарелочных сборах на 1916 год // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1916. – № 2. – С. 34–35.

322. Распоряжение о. протопресвитера // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1915. – № 22. – С. 678.

323. Распоряжения о. протопресвитера военного и морского духовенства. О назначении священно-церковно-служителей и об исключении из списков за смертью, переходом в епархиальное ведомство и увольнением в отставку // Вестн. воен. духовенства. – 1905. – № 7. – С. 193–203.

324. Распоряжения по мобилизации и о назначении, перемещении и увольнении от службы священноцерковнослужителей по приказам протопресвитера по полевой канцелярии // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9159.

325. Распоряжения протопресвитера и Духовного правления касательно духовенства армии фронта // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9439.

326. Распоряжения протопресвитера по Западному фронту (1917 г.) // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10348.

327. Реклама книжного склада общества религиозно-нравственного просвещения // Вестн. военного и морского духовенства. – 1915. – № 4. – С. 129.

328. Рогоза, В. Правовое регулирование взаимоотношений Православной Церкви и силовых ведомств в Российской Империи [Электронный ресурс] / В. Рогоза // Победа : сайт Синод. отд. Моск. Патриархата по взаимодействию с Вооруж. Силами и правоохран. органами. – Режим доступа: <http://pobeda.ru/pravovoe-regulirovanie-vzaimootnosheniy-pravoslavnoy-tserkvi-i-silovyih-vedomstv-v-rossiyskoy-imperii.html>. – Дата доступа: 04.03.2018.

329. Родионова, О. А. Белорусские епархии Русской православной церкви накануне Первой мировой войны / О. А. Родионова // Боевое братство славян на защите мира : материалы Респ. воен.-науч. конф., Гродно, 18 марта 2009 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Родионов (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2009. – С. 153–163.

330. Родионова, О. А. Деятельность духовенства Минской епархии в начальный период Первой мировой войны / О. А. Родионова // Просвещение, свидетельствование и проповедь. Миссия Церкви: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 1020-летию крещения Руси, Минск, 15–16 дек. 2008 г. / Ин-т теологии им. св. Мефодия и Кирилла Белорус. гос. ун-та, С.-Петерб. гос. ун-т ; под общ. ред. еп. Бобр. и Бых. Серафима (А. Д. Белоножко). – Минск, 2009. – С. 110–113.

331. Родионова, О. А. Православное духовенство белорусских епархий в начальный период Первой мировой войны (июль–декабрь 1914 г.) / О. А. Родионова // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія і сацыялогія, культуралогія, мастацтвазнаўства, педагогіка, псіхалогія, правазнаўства, філалогія. – 2009. – № 2. – С. 28–36.

332. Родионова, О. А. Православное духовенство Гродненской епархии в годы Первой мировой войны / О. А. Родионова // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Смаргонь, 18–19 мая 2007 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; навук. рэд.: А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі. – Мінск, 2009. – С. 608–620.

333. Родной голос с передовых позиций // Могилев. епарх. ведомости. – 1915. – № 8. – С. 232–237.

334. Родной голос с передовых позиций // Могилев. епарх. ведомости. – 1915. – № 9. – С. 268–271.

335. Рождественский, Н. Письмо в редакцию / Н. Рождественский // Церков.-обществ. мысль. – 1917. – № 8. – С. 29.

336. Ростунов, И. И. Русский фронт Первой мировой войны / И. И. Ростунов. – М. : Наука, 1976. – 386 с.

337. Руководственные указания духовенству действующей армии. – 3-е изд. – М. : Тип. Штаба Моск. воен. окр., 1916. – 56 с.

338. Руководственные указания и инструкции преосвященным консистории // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10394.

339. Рункевич, С. Г. Великая отечественная война и церковная жизнь : ист. очерки / С. Г. Рункевич. – Петроград : [б. и.], 1916. – Кн. 1 : Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – 356 с.

340. Саблин, И. Деятельность военного духовенства на территории белорусских губерний в составе Российской империи (середина XIX – начало XX века) / И. Саблин // Юстыцыя Беларусі. – 2013. – № 1. – С. 75–79.

341. Самойло, А. А. Две жизни / А. А. Самойло. – М. : Воениздат, 1958. – 276 с.

342. Сборник указов и постановлений Временного правительства : [в 2 т.]. – Петроград : Гос. тип., 1917. – [Т. 1] : 27 февраля – 5 мая 1917. – 557 с.

343. Сборник указов и постановлений Временного правительства : [в 2 т.]. – Петроград : Гос. тип., 1917. – [Т. 2] : 5 мая – 24 июля 1917 г. Ч. 1, отд. 1–8 / сост. Упр. кодификац. частью. – 698 с.

344. Сведения о пожертвованиях, поступивших к главному священнику армий Западного фронта с 1-го ноября 1915 года по 1 августа 1916 года, от духовенства армий фронта через священников штабов армий, дивизионных и гарнизонных благочинных, для образования капитала на устройство стипендии и на помощь священнослужителям, потерявшим трудоспособность на войне, и их семьям // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1916. – № 19. – С. 579–580.

345. Свод военных постановлений 1869 года : [в 6 ч.]. – 2-е изд. – СПб. : Гос. тип., 1879–1911. – Ч. 2 : Комплектование войск и управлений, заведений и учреждений военного ведомства. Кн. VII : Прохождение службы по военному ведомству (по 1 янв. 1907 г.). – 1907. – 396 с.

346. Свод военных постановлений 1869 года : [в 6 ч.]. – 2-е изд. – СПб. : Гос. тип., 1879–1911. – Ч. 1 : Военные управления. Кн. 1 : Военное министерство и состоящие при нем особые учреждения. Кн. 2 : Военно-окружные управления (по 1 янв. 1893 г.). – 1893. – 317 с.

347. Свод военных постановлений : издание 1869 г. : [в 6 ч.]. – СПб. : Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1869–1911. – Ч. 5 : Военное хозяйство. Кн. 19 : Довольствие войск (разделы 2–7). – 1911. – 330 с.

348. Свод Законов Российской империи. Издание в 16 томах [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.fso.gov.ru/proxy/ips/?empire&nochache>. – Дата доступа: 04.03.2018.

349. Священник на войне – с крестом против меча // Огонек. – 1915. – № 16. – С. 2–3.

350. Сегенюк, А. Война и христианство / свящ. А. Сегенюк // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1916. – № 4. – С. 104–110.

351. Секретные бумаги по мобилизации // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 7118.

352. Сенин, А. С. Армейское духовенство России в первую мировую войну / А. С. Сенин // Вопр. истории. – 1990. – № 10. – С. 159–165.

353. Сергеев, В. С крестом на поле брани / В. Сергеев // Родина. – 1991. – № 1. – С. 48–50.

354. Сидоров, Д. И. Защита Родины и религия / Д. И. Сидоров. – М. : Воениздат, 1963. – 119 с.

355. Силова, С. В. Православные священники в русской армии в конце XIX – начале XX в. (на примере Гродненской губернии) / С. В. Силова // Боевое братство славян на защите мира : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: С. А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2012. – С. 90–102.

356. Смольянинов, М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов // Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сб. материалов Междунар. науч. конф., Вилейка, 18 окт. 2014 г. / Белорус. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: В. А. Богущ (пред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 237–241.

357. Смольянинов, М. М. Беларусь в Первой мировой войне, 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов. – Минск : Беларусь, 2014. – 317 с.

358. Смольянинов, М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М. М. Смольянинов. – Минск : Беларус. наука, 2007. – 320 с.

359. Смольянинов, М. М. Призванные на передовую: белорусские полки и их боевое крещение / М. М. Смольянинов // Беларус. думка. – 2014. – № 3. – С. 86–93.

360. Собрание определений и постановлений Священного Собора православной Российской церкви 1917–1918 гг. – М. : Изд. Собор. Совета, 1918. – 184 с.

361. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. – М. : [б. и.], 1942. – 1483 с.

362. Соглашение о сотрудничестве Белорусской православной церкви и Министерства обороны Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Белорусская православная Церковь : офиц. портал. – Режим доступа: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/Dir0442/Page0457.html>. – Дата доступа: 04.03.2018.

363. Соколов, А. В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А. В. Соколов. – СПб., 2014. – 810 л.

364. Солдатские письма 1917 года / Истпарт, Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Окт. революции и ВКП(б); подгот. О. Н. Чадаевой. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. – 165 с.

365. Спиридович, А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. : в 3 т. / А. И. Спиридович. – Нью-Йорк : Всеслав. изд-во, 1960–1962. – Т. 1. – 1960. – 301 с.

366. Списки духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10392.

367. Список священников всех частей // РГИА. – Ф. 806. Оп. 20. Д. 474а.

368. Список священников всех частей // РГИА. – Ф. 806. Оп. 20. Д. 474б.

369. Старасценка, Э. В. Православные военные духовенства на территории Беларуси после Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 года / Э. В. Старасценка // Беларус. гіст. часопіс. – 2018. – № 6. – С. 16–20.

370. Старостенко, В. В. Белорусская православная церковь и государство / В. В. Старостенко // Православная церковь в белорусском обществе в конце XX – начале XXI в.: монография / О. В. Дьяченко [и др.]; под ред. О. В. Дьяченко. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2012. – С. 8–52.

371. Старостенко, В. В. Проблема свободы совести в законодательстве и общественно-политической мысли в Российской империи начала XX в. /

В. В. Старостенко // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2017. – № 1 (49). – С. 60–64.

372. Старостенко, В. В. Религия и свобода совести в Беларуси : очерки истории / В. В. Старостенко. – Могилев : Могилев. гос. ун-т, 2011. – 271 с.

373. Старостенко, В. В. Свободомыслие и свобода совести в Беларуси : очерки истории / В. В. Старостенко. – Могилев : Могилев. гос. ун-т, 2004. – 264 с.

374. Старостенко, Э. В. Всероссийский съезд военного и морского духовенства 1917 года в городе Могилеве / Э. В. Старостенко // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. пр. удзельнікаў X Міжнар. навук. канф., Магілёў, 25–26 мая 2017 г. / Музей гісторыі Магілёва ; уклад.: А. М. Баццюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў, 2017. – С. 197–201.

375. Старостенко, Э. В. Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства православной церкви 1917 г. / Э. В. Старостенко // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. – 2017. – № 4. – С. 71–75.

376. Старостенко, Э. В. Изменение положения православного военного духовенства Западного фронта после Февральской революции 1917 г. / Э. В. Старостенко // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. ст. Междунар. науч. конф., СПб., 20 окт. 2017 г. / С.-Петербург. гос. ун-т ; отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов [и др.] – СПб., 2017. – Вып. 4. – С. 117–130.

377. Старостенко, Э. В. Изучение деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны на основе источников личного происхождения / Э. В. Старостенко // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2016. – № 1. – С. 86–90.

378. Старостенко, Э. В. К вопросу о ведомстве военного и морского духовенства Российской империи к началу Первой мировой войны / Э. В. Старостенко // Религия и общество – 8 : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 13–15 мая 2014 г. / Могилев. гос. ун-т, Могилев. гос. обл. ин-т развития образования ; под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев, 2014. – С. 71–73.

379. Старостенко, Э. В. К вопросу о пастырском долге военного священника на поле боя в годы Первой мировой войны / Э. В. Старостенко // Религия и мораль: традиции в духовной культуре Беларуси : сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Могилев, 20 апр. 2016 г. / Могилев. гос. обл. ин-т развития образования [и др.] ; редкол. : И. А. Старовойтова [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Рябовой. – Могилев, 2016. – С. 135–138.

380. Старостенко, Э. В. Мобилизация и деятельность православного военного духовенства на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.) / Э. В. Старостенко // Вест. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2018. – № 2. – С. 59–63.

381. Старостенко, Э. В. Основные направления деятельности военного духовенства в годы Первой мировой войны (на примере духовенства Западного

фронта) / Э. В. Старостенко // Религия и общество – 11 : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 10–17 марта 2017 г. / Могилев. гос. ун-т [и др.] ; под общ. ред. В. В. Старостенко. – Могилев, 2017. – С. 80–82.

382. Старостенко, Э. В. Особенности религиозности военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны (на примере отношения к военному духовенству) / Э. В. Старостенко // Романовские чтения – 12 : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 23–24 нояб. 2016 г. / Могилев. гос. ун-т ; редкол.: А. С. Мельникова [и др.]. – Могилев, 2017. – С. 176–178.

383. Старостенко, Э. В. Отношение к православному военному духовенству военнослужащих Западного фронта после Февральской революции 1917 г. / Э. В. Старостенко // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова, 2016 г. : материалы науч.-метод. конф., Могилев, 25 янв. – 1 февр. 2017 г. / Могилев. гос. ун-т ; под ред. Е. К. Сычовой. – Могилев, 2017. – С. 68–70.

384. Старостенко, Э. В. Отражение деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны в периодической печати Российской империи / Э. В. Старостенко // Раманаўскія чытанні – XI : зб. арт. Міжнар. навук. канф., Магілёў, 26–27 лістап. 2015 г. / Магілёўс. дзярж. ун-т ; рэдкол.: Я. Р. Рьер (старш.) [і інш.]. – Магілёў, 2016. – С. 171–173.

385. Старостенко, Э. В. Первая мировая война и деятельность военного духовенства в письмах Протопресвитера военного и морского духовенства Г. Шавельского / Э. В. Старостенко // Религия и общество – 9 : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 10–12 марта 2015 г. / Могилев. гос. ун-т, Могилев. гос. обл. ин-т развития образования, Могилев. религиовед. центр ; под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев, 2015. – С. 34–36.

386. Старостенко, Э. В. Политическая платформа военного духовенства после Февральской революции 1917 г. / Э. В. Старостенко // Религия и общество – 11 : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 10–17 марта 2017 г. / Могилев. гос. ун-т [и др.] ; под общ. ред. В. В. Старостенко. – Могилев, 2017. – С. 137–139.

387. Старостенко, Э. В. Попытки командирования православного духовенства в германско-австрийские лагеря пленных в годы Первой мировой войны / Э. В. Старостенко // Итоги научных исследований МГУ имени А. А. Кулешова 2015 г. : материалы науч.-метод. конф., Могилев, 25 янв. – 4 февр. 2016 г. / Могилев. гос. ун-т ; под ред. Е. К. Сычовой. – Могилев, 2016. – С. 58–60.

388. Старостенко, Э. В. Попытки реорганизации ведомства протопресвитера военного и морского духовенства в 1917 г. в России / Э. В. Старостенко // 1917 год в исторических судьбах народов Беларуси : материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 22 дек. 2017 г. / Белорус. гос. пед. ун-т, Ин-т истории НАН Беларуси ; редкол.: А. В. Касович (отв. ред.), С. П. Шупляк, А. А. Корзюк. – Минск, 2017. – С. 83–86.

389. Старостенко, Э. В. Православное военное духовенство в германско-австрийском плену в годы Первой мировой войны / Э. В. Старостенко // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2016. – № 1. – С. 72–78.

390. Старостенко, Э. В. Православное военное духовенство в годы Первой мировой войны (по материалам епархиальных ведомостей белорусских губерний) / Э. В. Старостенко // Романовские чтения – 10, посвященные 80-летию со дня основания исторического факультета : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 27–28 нояб. 2014 г. / Могилев. гос. ун-т ; под общ. ред. И. В. Шардыко. – Могилев, 2015. – С. 221–222.

391. Старостенко, Э. В. Православное военное духовенство Западного фронта в период революционных преобразований 1917 г. в России / Э. В. Старостенко // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2017. – № 2. – С. 19–24.

392. Старостенко, Э. В. Православные военные священники в Российской армии в годы Первой мировой войны: категории и обязанности / Э. В. Старостенко // Идеол. аспекты воен. безопасности. – 2016. – № 2. – С. 50–54.

393. Старостенко, Э. В. Священники белорусских епархий в рядах военного духовенства Российской империи в годы Первой мировой войны / Э. В. Старостенко // Религия и общество – 10 : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 10–23 марта 2016 г. / Могилев. гос. ун-т [и др.] ; под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев, 2016. – С. 82–85.

394. Старостенко, Э. В. Управление православным военным духовенством в российской армии в годы Первой мировой войны (на примере армий Западного фронта) / Э. В. Старостенко // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. Ф. Блохина. – Брянск, 2017. – Вып. 3. – С. 76–82.

395. Старостенко, Э. В. Учреждение должности проповедника в российской армии в годы Первой мировой войны и их служение в армиях Западного фронта / Э. В. Старостенко // Религиоведение в системе социально-гуманитарного знания и образования : сб. материалов науч.-практ. конф., Могилев, март 2016 г. / Могилев. гос. обл. ин-т развития образования, Могилев. религиовед. центр ; под общ. ред. О. В. Дьяченко, В. В. Старостенко. – Могилев, 2016. – С. 32–36.

396. Суглобов, Г. А. Союз креста и меча: церковь и война / Г. А. Суглобов. – М. : Воениздат, 1969. – 144 с.

397. Труд полевых священников // Мин. епарх. ведомости. – 1915. – № 4. – С. 98–100.

398. У верховного Главнокомандующего // Мин. епарх. ведомости. – 1915. – № 8. – С. 213–215.

399. Указ о сохранении священнослужителями, переведенными в действующую армию добровольно, их должностей в епархии // НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 713.

400. Указ Святейшего правительствующего Синода от 4 июня 1916 г. // Полоц. епарх. ведомости. – 1916. – № 25. – С. 293–295.

401. Указ Синода о назначении священников в распоряжение Протопресвитера военного и морского духовенства для исполнения пасторских обязанностей // НИАБ. – Ф. 2301. Оп. 1. Д. 826.

402. Указы и общие распоряжения протопресвитеру военного и морского духовенства // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10393.

403. Указы Святейшего Синода по ведомству протопресвитера за 1915 г. // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9768.

404. Указы Синода за 1914 г. // РГИА. – Ф. 806. Оп. 19. Д. 79.

405. Указы Синода за 1914 г. // РГИА. – Ф. 806. Оп. 19. Д. 80.

406. Указы Синода за 1914 г. // РГИА. – Ф. 806. Оп. 19. Д. 81.

407. Устав внутренней службы, утвержденный 23 марта 1910 года : с изм., объявл. по 15 марта 1916 г. – М. : кн. маг. И. К. Голубева п/ф «Правоведение», 1916. – 409 с.

408. Федоров, В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917) / В. А. Федоров. – М. : Рус. панорама, 2003. – 480 с.

409. Федорович, Н. В. Религия и война: церковь на службе милитаризма и агрессии в прошлом и настоящем : метод. пособие / Н. В. Федорович. – Л. : Знание, 1971. – 24 с.

410. Филатович, Б. Что они делают? / Б. Филатович // Разведчик. – 1913. – № 1173. – С. 261–263.

411. Филиппов, В. «Поднявши крест над головой ...» [Электронный ресурс] / В. Филиппов // Православие.Ru. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/71412.html>. – Дата доступа: 04.03.2018.

412. Фирсов, С. Л. Военное духовенство накануне и в годы Первой мировой войны / С. Л. Фирсов // Новый часовой. – 1995. – № 3. – С. 21–32.

413. Фирсов, С. Л. Военное духовенство России. К вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота последней четверти XIX – начала XX столетий / С. Л. Фирсов // Новый часовой. – 1994. – № 2. – С. 19–24.

414. Фирсов, С. Л. Протопресвитеры русской армии и флота (1890 – февраль 1917 гг.) / С. Л. Фирсов // Новый часовой. – 1994. – № 1. – С. 6–14.

415. Фирсов, С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С. Л. Фирсов. – М. : Духов. б-ка, 2002. – 624 с.

416. Фирсов, С. Церковь в Империи : очерки из церков. истории эпохи Императ. Николая II / С. Фирсов. – СПб. : Сагис, 2007. – 460 с.

417. Хаданёнак, В. М. Адносіны насельніцтва Беларусі да Першай сусветнай вайны (1914–1917 гг.) / В. М. Хаданёнак // Изв. Гомел. гос. ун-та. – 2013. – № 4. – С. 135–140.

418. Храпко, Д. Дни говения (из дневника военного священника) / свящ. Д. Храпко // Вестн. воен. и мор. духовенства. – 1916. – № 6. – С. 185–187.

419. Хроника (про созданное в 177-м Изборском полку «Братство Христа спасителя») // Церков.-обществ. мысль. – 1917. – № 8. – С. 24–28.

420. Церковная жизнь и ее освещение в периодической печати // Христиан. мысль. – 1916. – № 2. – С. 151–167.

421. Циркуляры и распоряжения Военно-духовного начальства // РГВИА. – Ф. 2082. Оп. 1. Д. 1.

422. Циркуляры протопресвитера // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10776.
423. Цитович, Г. Храмы армии и флота (состоящие в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства) : ист.-стат. описание / Г. Цитович. – Петригорск : Типолитогр. А. П. Нагорова, 1913. – 520, 40, XIV с.
424. Части с разными наименованиями // РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10055.
425. Чепуров, В. М. Институт военного духовенства в России [Электронный ресурс] / В. М. Чепуров // Победа : сайт Синод. отд. Моск. Патриархата по взаимодействию с Вооруж. Силами и правоохран. органами. – Режим доступа: <http://pobeda.ru/institut-voennogo-duhovenstva-v-rossii-2.html>. – Дата доступа: 04.03.2018.
426. Черепица, В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности / В. Н. Черепица. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2006. – 355 с.
427. Черновы заметки и дополнения протопресвитера Шавельского Г.И. к своим воспоминаниям, вырезки из газеты «Руль» № 736 от 3 мая 1923 г. о наступлении ген. Реннекампа в Пруссии и журнала «Нива» № 26 за 1913 г. // ГАРФ. – Ф. 1486. Оп. 1. Д. 10.
428. Чижов, Д. Военные священники на службе у адмирала Колчака / Д. Чижов // Истина и жизнь. – 1996. – № 12. – С. 44–47.
429. Чимаров, С. Ю. Русская православная церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 гг. / С. Ю. Чимаров. – СПб. : Нестор, 1999. – 291 с.
430. Чиненный, С. Вера – нравственный стержень солдат / С. Чиненный // Ориентир. – 2000. – № 12. – С. 63–64.
431. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота : в 2 т. / о. Г. Шавельский. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. – Т. 1. – 414 с.
432. Шавельский, Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота : в 2 т. / о. Г. Шавельский. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. – Т. 2. – 412 с.
433. Шавельский, Г. И. Война – суд божий / протопресв. Г. Шавельский. – [М.] : Изд-во при протопресв. воен. и мор. духовенства, [1917]. – 4 с.
434. Шавельский, Г. И. Не верьте дурным слухам: они идут от врагов! / Г. Шавельский. – М. : Изд-во при протопресв. воен. и мор. духовенства, 1917. – 2 с.
435. Шавельский, Г. И. Священник на войне / Г. И. Шавельский // Дворян. собр. – 1995. – № 3. – С. 225–235.
436. Шавельский, Г. И. Служение священника на войне : из наблюдений участника рус.-яп. войны / протопресв. Г. И. Шавельский. – СПб. : Тип. «Сел. вестн.», 1912. – 48 с.
437. Шавельский, Г. И. Христолюбивые, доблестные воины! / Г. Шавельский. – Петроград : Воен. тип. гл. штаба, 1915. – 2 с.

438. Шавельский, Г. К вопросу о постройке поселка, инвалидного дома и приюта-гимназии / Г. Шавельский // Церков.-обществ. мысль. – 1917. – № 11/12. – С. 23–26.

439. Шавельский, Г. Русская церковь пред революцией / протопресв. Г. Шавельский – М. : Артос-Медиа, 2005. – 510 с.

440. Элиашевич, И. Религия и война / И. Элиашевич, Н. Бойцов. – Л. : Прибой, 1930. – 80 с.

441. Эльвин, И. Д. Церковь и война / И. Д. Эльвин. – М. : Гос. антирелигиоз. изд-во, 1934. – 124 с.

442. Яцкевич, А. Г. Приходское и военное духовенство русской православной церкви в прифронтовой полосе и в действующей армии во время Первой мировой войны / А. Г. Яцкевич // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Смаргонь, 18–19 мая 2007 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; навук. рэд.: А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі. – Мінск, 2009. – С. 597–608.

Электронный архив библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ.....	6
Историография	6
Источники	15
СТРУКТУРА ВЕДОМСТВА ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННОГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА И ЕЕ РАЗВИТИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	24
Управление православным военным духовенством	24
Рядовое военное духовенство: категории, обязанности и мобилизация	41
<i>Категории и обязанности рядового военного духовенства</i>	41
<i>Мобилизация православного духовенства с территории Беларуси в действующую армию</i>	54
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В РОССИЙСКОЙ АРМИИ (АВГУСТ 1914 – МАРТ 1917 г.).....	70
Особенности организации и осуществления культовой деятельности православного военного духовенства на территории Беларуси.....	70
Внекультовая деятельность православного военного духовенства на территории Беларуси.....	97

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА	120
Изменение положения и деятельности военного духовенства (март–октябрь 1917 г.)	120
II Всероссийский съезд военного и морского духовенства в Могилеве как попытка реорганизации института военных священников в армии	138
Приход к власти большевиков и упразднение ведомства протопресвитера военного и морского духовенства	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	167